

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (54)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 3 (54), 2022

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (54)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 3 (54), 2022

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Прасолов Д.Н.</i>	«Избрание народом» и бюрократические коллизии в практиках военно-народного управления в Кабардинском округе: случай Али Абукова	7
<i>Базиева Г.Д.</i>	Памятники истории в культурном наследии Кабардино-Балкарии	15
<i>Глашева З.Ж.</i>	Создание управленческого аппарата георгиевского округа терской области (1870–1875)	22

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бижоев Б. Ч.</i>	Из истории формирования кабардино-черкесской лингвистической терминологии	29
<i>Дзуганова Р.Х.</i>	О впервые вводимых разделах в грамматику кабардино-черкесского языка	37
<i>Абазэ М.М.</i>	Адыгэбзэ (къэбэрдей-шэрджэсыбзэ) пэжырытхэр зэрызэфІэувар	45
<i>АфІэунэ А.А.</i>	Адыгэ лексикографии зыужыныгъэм и лъэхъэнэщІэ (І Ыхъэ – 1950–1975 гъэхэр)	52
<i>Токъмакъ М.Хъ.</i>	Адыгэбзэм и зэмыхъэнэгъу псалъэхэр	61
<i>Хежева З.Р.</i>	Способы образования форм опатива в кабардино-черкесском языке	69
<i>Шэрджэс З.В.</i>	ПлъыфэцІэхэм я псалъэщІ Іэмалхэр (ЕтІуанэ Ыхъэ)	76

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Амбивалентность и границы ее перетекания в поэзии Инны Кашежевой	83
<i>Биттирланы Т.Ш.</i>	Мечуланы Кязимни сөймеклик назмулары	90
<i>Тхагазитов Ю.М., Хавжокова Л.Б.</i>	Художественное своеобразие дилогии «Вершины не спят» А. Кешокова	98
<i>Гутов А.М., Гутова Л.А.</i>	Действие в эпосе	106
<i>Ёзденланы Ф.Т.</i>	Мусукаланы Сакинаты поэзиясыны энчиликлери	118
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Изображение растительного мира в эпосе адыгов	127
<i>Хакуашев А.Х., Хакуашева М.А.</i>	Черты к портрету «рыцаря литературы» Х.И. Теунова ...	140

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

Prasolov D.N.	“Election by the people” and bureaucratic collisions in the practices of military-people governance in the Kabarda district: the case of Ali Abukov	7
Bazieva G.D.	Monuments of history in the cultural heritage of Kabardino-Balkaria	15
Glasheva Z.Zh.	Creation of the administrative apparatus of the Georgievsky District of the Tersk region (1870–1875)	22

LINGUISTICS

Bizhiov B.Ch.	From the history of the formation of Kabardino-Circassian linguistic terminology	29
Dzuganova R.Kh.	On the first introduced sections in the grammar of the Kabardian-Circassian language	37
Abazova M.M.	On the question of the formation of spelling in kabardino-circassian language	45
Afaunova A.A.	A new stage in the development of Adyghe lexicography (I part – 1950–1975)	52
Tokmakova M.H.	Synonymy of the kabardino-circassian language	61
Khezheva Z.R.	Methods for forming optativa forms in Adige languages	69
Cherkesova Z.V.	Methods of formation of adjectives (First part)	76

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

Alkhasova S.M.	Ambivalence and the limits of its overflow in the poetry of Inna Kashezheva	83
Bittirova T.S.	Poems about love by Kazim Mechiev	90
Tkhagazitov Yu.M., Khavzhokova L.B.	Artistic originality of the dilogy “The peaks do not sleep” by A. Keshokov	98
Gutov A.M., Gutova L.A.	Action in epos	106
Uzdenova F.T.	Features of Sakinat Musukayev’s poetry	118
Khagozheeva L.S.	Depiction of flora in the Circassian epic	127
Hakuashev A.H., Hakuasheva M.A.	Features for the portrait of the «Knight of Literature» H.I. Teunov	140

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-7-14

«ИЗБРАНИЕ НАРОДОМ» И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В ПРАКТИКАХ ВОЕННО-НАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДИНСКОМ ОКРУГЕ: СЛУЧАЙ АЛИ АБУКОВА

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmpрасолов@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2022

Аннотация. На основе выявленных архивных документов исследуется развитие избирательных традиций в практиках военно-народного управления в Кабардинском округе. Ключевая роль в этом общественно-государственном взаимодействии в вопросах формирования местной административно-судебной власти принадлежала сборам доверенных. Выборные представители от сельских обществ избирали состав Кабардинского окружного народного суда, утверждавшийся затем вышестоящими коронными властями. Документы переписки по вопросу о восстановлении права Али Абукову избираться на общественную должность народного эфендия (кадия) раскрывают взаимодействие политических традиций кабардинцев, механизмов общественной и государственной легитимации в местном самоуправлении и значимость бюрократической целесообразности в принятии кадровых решений на различных уровнях власти – от начальника округа до главнокомандующего Кавказской армией. Установлено, что в частном случае Али Абуков так и не возглавил духовное управление Кабардинским округом. Но символический результат рассмотренной переписки, восстановившей его право на избрание, продемонстрировал готовность представителей кабардинского общества последовательно отстаивать свой выбор, а коронных властей – осторожно поддерживать солидарное мнение и, тем самым, значимость местного самоуправления. В такой ситуативной гибкости представляется важное своеобразие и преимущество взаимодействия различных традиций в политической культуре военно-народного управления.

Ключевые слова: кабардинцы, Терская область, военно-народное управление, сбор доверенных, местное самоуправление, Кабардинский окружной народный суд, А. Нурид, М.Т. Лорис-Меликов, А.И. Барятинский, Д.С. Старосельский

Для цитирования: Прасолов Д.Н. «Избрание народом» и бюрократические коллизии в практиках военно-народного управления в Кабардинском округе: случай Али Абукова // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 7–14. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-7-14

Original article

“ELECTION BY THE PEOPLE” AND BUREAUCRATIC COLLISIONS IN THE PRACTICES OF MILITARY-PEOPLE ADMINISTRATION IN THE KABARDIAN DISTRICT: THE CASE OF ALI ABUKOV

Dmitry N. Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2022

Abstract. Based on the revealed archival documents the development of electoral traditions in the practices of military-people administration in Kabardino-Balkarian district is investigated. The key role in this public-state interaction in the formation of local administrative and judicial power belonged to the congress of entrusted. Elected representatives from rural societies elected the composition of the Kabardian District People's Court, which was then approved by the higher Crown authorities. Documents of correspondence concerning the restoration of Ali Abukov's right to be elected to the public office of people's efendiy (kadiya) reveal the interaction of political traditions of Kabardians, mechanisms of public and state legitimization in local self-government and the importance of bureaucratic expediency in making personnel decisions at different levels of power – from the chief of the district to the Commander-in-Chief of the Caucasian Army. It is established that, in a private case, Ali Abukov never headed the spiritual administration of the Kabarda district. But the symbolic result of the correspondence considered, which restored his right to be elected, demonstrated the readiness of the Kabardian society representatives to consistently defend their choice, and of the crown authorities to cautiously support the solidarity opinion and, thus, the importance of local self-government. In such situational flexibility appears an important peculiarity and advantage of the interaction of different traditions in the political culture of military-people governance.

Keywords: Kabardians, Tersk Oblast', military-popular governance, congress of entrusted, local self-government, Kabardian district people's court, A. Nurid, M.T. Loris-Melikov, A.I. Baryatinsky, D.S. Staroselsky

For citation: Prasolov D.N. "Election by the people" and bureaucratic collisions in the practices of military-people governance in the Kabarda district: the case of Ali Abukov. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 7–14. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-7-14

С учреждения в 1822 г. Главным командующим Отдельным Кавказским корпусом генералом А.П. Ермоловым Кабардинского временного суда народный эфендий (кадий) стал ключевой должностью в организации российского административно-судебного порядка в Кабарде [Абазов 2016: 67–69]. Он был не только штатной единицей, предусмотренной в Суде для разбора дел, отнесенных к компетенции шариата, но и впоследствии выполнял важные функции по вопросам «духовного управления». Согласно учредительным документам, составленным А.П. Ермоловым, кадий назначался Кавказским главкомандующим [АКАК. Т. VI. Ч. II. 1875: 471]. До 1858 г., помимо главного кадия в Кабардинском временном суде, отдельного народного эфендия имела Малая Кабарда. С учреждением Кабардинского округа занимавший эту должность Жамурза Варитлов в 1858 г. был «избран народом» главным народным эфендием Кабардинского окружного народного суда [Бейтуганов 2007: 353–354].

Согласно инструкции для окружных начальников, утвержденной наместником на Кавказе кн. А.И. Бяратинским 23 марта 1860 г., устанавливался порядок избрания депутатов окружных народных судов сборами «доверенных лиц», без особых уточнений по поводу кадия суда [АКАК. Т. XII. 1904: 1195]. Однако при выборах в Кабардинском округе применялась инструкция, в которой компетенция сборов доверенных по выборам членов Окружного суда регламентировалась более определенно: «Они избираются народом следующим порядком: каждый аул назначает двух или трех доверенных лиц, которые в определеннный день собираются к участковому начальнику и в присутствии его избирают не менее двух лиц, долженствующих занимать должность кадия, депутата и кандидата. В число этих лиц могут быть избираемы кадий, депутаты и кандидаты, носящие это звание...» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 4об.–5]. Такая ситуативность в применении регламента не противоречила исходной «Инструкции...» А.И. Бяратинского,

согласно которой окружным начальникам предоставлялось «право вводить поря-док баллотировки в тех местах, где окажется возможным» [АКАК. Т. XII. 1904: 1195]. На практике в особых случаях допускалось временное назначение кадия не только по приговорам окружных сборов, но и «по выбору членов суда и некото-рых почетных лиц Кабарды» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 924. Л. 7].

В апреле 1863 г. полномочия Ж. Варитлова были продлены приказом Главно-командующего Кавказской армией. Примечательно, что, в отличие от депутатов окружного суда, его утверждение после «избрания народом» [доверенными от сельских обществ. – Д.П.] на ежегодных выборах в январе 1865 г., было признано «без надобности», поскольку, согласно разъяснению канцелярии Терской области, «окружные кадии назначаются на неопределенное время по выбору не народа, а ближайшего начальства» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 177. Л. 6–6об.]. Од-нако такое особенное доверие оказалось непродолжительным.

В 1865 г. Ж. Варитлов стал одним из вдохновителей новой волны мухад-жирства кабардинцев в пределы Османской империи. Возмущенный его дея-тельностью председатель Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии Д. Кодзоков настаивал на освобождении народного кадия от должности [Кумы-ков 1985: 137]. Весной 1865 г. Ж. Варитлов получил разрешение на переселение в Турцию «с 20 дворами родных, холопьев и ... товарищей» [Проблемы... 2001: 370–374]. Возникла необходимость замещения важной общественной долж-ности. При осуществлении этой задачи произошла примечательная коллизия, продемонстрировавшая своеобразие избирательных практик военно-народного управления.

6 ноября 1865 г. начальник Кабардинского округа А. Нурид в рапорте началь-нику Терской области М.Т. Лорис-Меликову сообщал: «Жители Кабардинского округа на общем сборе всех сословий выбрали в должность Народного Эфен-дия карачаевского жителя Али Абукова». Избрание оказалось не единодушным, поскольку фамилии знатных дворян Тамбиевых и Анзоровых [в тексте рапорта названа фамилия князей Наурузовых, но из последующей переписки становит-ся ясным, что в данном документе произошла ошибка. – Д.П.] не поддержали кандидатуру А. Абукова «вследствие личных неудовольствий». Причина враж-дебного отношения имела давнюю историю. Еще в 1859 г. в ходе расследования злоупотреблений подполковника Али Тамбиева, «полевой аудиториат нашел Али Абукова, бывшего в то время карачаевским народным эфендием, человеком не за-служивающим никакого доверия, так как он убил родного своего брата и сделал побег в горы, а потому и определил: удалить его от занимаемой им должности, и впредь таковой не поручать». На основании этого 30 ноября 1859 г. конфирмаци-ей [утверждением решения суда. – Д.П.] главнокомандующий и наместник на Кав-казе князь А.И. Барятинский поддержал заключение об отстранении А. Абукова от общественной должности.

Высказав мнение, что «не следует допускать Абукова к должности народного эфендия», А. Нурид при этом сообщал: «Кабардинцы не имеют в виду другого способного на это место человека, а потому выбор этот предоставляю на благо-усмотрение Вашего Превосходительства, о последующем прошу немедленного предписания, так как кабардинский окружной суд в настоящее время без эфендия, а без него шариатские дела не могут быть разбираемы» и обращения в суд ска-пливаются в Управлении Кабардинского округа [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 1–1об.].

Рассмотрение ситуации встретило затруднения, поскольку канцелярия Тер-ской области не обнаружила необходимых материалов расследования, кроме упоминания, что Абуков находился под следствием. Также выяснилось, что в областной администрации не нашлись точные данные о правилах выбора и ут-верждении окружных народных эфендиев.

В письме от 22 декабря 1865 г. А. Нурид сообщил М.Т. Лорис-Меликову существенные обстоятельства дела. В наказание «за убийство брата и ложные доносы на подполковников Тамбиева и Аглинцова» А. Абуков, в дополнение к запрету занимать общественные должности был «выдержан на гауптвахте. Начальник Кабардинского округа «предложил народу выбрать другого эфендия. Эфенди этот избран целым обществом и временно исправляет должность» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 2].

Однако ситуация немедленно получила новое развитие, обусловленное обращением А. Абукова к покровительству влиятельных лиц из среды соотечественников, которые сумели вывести рассмотрение дела на уровень Горского управления Кавказского наместничества. Учитывая обстоятельства традиционной сословной иерархии и примирительных процедур, но действуя в рамках имперских бюрократических механизмов, начальник Кабардинского округа выступил в роли персонального посредника в отношениях соискателя духовной должности с М.Т. Лорис-Меликовым. Обращаясь к начальнику Терской области А. Нурид писал: «По выборе нового эфендия Али Абуков через [князя] Атажукина и других почетных людей обратился ко мне с просьбой примирить его с Тамбиевыми. Я успел в этом с тем, что Абуков не будет искать должности по народным выборам в Кабарде». Однако, инициировав процесс своей реабилитации, А. Абуков, похоже, намеревался продолжить соискательство престижной общественной должности. Рассчитывая через посредничество влиятельных лиц в Кабарде и в областной администрации добиться устранения формальных препятствий, он рассматривал возможность окончательно легитимизировать свои общественные амбиции, опираясь на солидарное мнение сбора доверенных. Продолжая описание ситуации в письме, А. Нурид сообщал, что А. Абуков, «получив подход некоторых лиц к полковнику Старосельскому [начальник Кавказского горского управления. – Д.П.], просит Вашего ходатайства об отмене конфирмации над ним и, как узнал я частно, с тем намерением, чтобы впоследствии домогаться места народного эфендия. Примирение с Тамбиевыми, он надеется, даст ему возможность быть выбранным целым народом, и отмена конфирмации лишит возможности начальству препятствовать народному выбору» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 2 об.].

Понимая неоднозначность собственного положения, А. Нурид ясно обозначил перед М.Т. Лорис-Меликовым свою ответственность в разрешении возникшей коллизии: «Так как я взялся их примирить с условием, что Абуков не будет желать этого места в округе, то я и не должен допустить его к этому. Представляя к вам Абукова, прошу Ваше Превосходительство, если будет сложен с него приговор Главнокомандовавшего, не допускать его к занятию в округе Кабардинском должности, по крайней мере до тех пор, пока сторона, простившая ему обиды, не будет на это согласна» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 2об.–3].

Представляя вопрос на рассмотрение Кавказского горского управления, начальник Терской области 30 декабря 1865 г. писал Д.С. Старосельскому: «Житель Карачая, хаджи Али Абуков обратился ко мне с просьбой о разрешении ему отправиться в Тифлис с ходатайством о сложении конфирмации князя Бяратинского, вследствие которой он за убийство брата и ложные доносы на подполковника Тамбиева и Аглинцова был выдержан на гауптвахте и лишен права занимать общественные должности. Хаджи Абуков снабжен письмом к Вам от некоторых из значительных лиц Кабардинского округа, ходатайствующих за него» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 4]. Ходатайствуя об удовлетворении просьбы А. Абукова, в дополнение к уже известным сведениям, М.Т. Лорис-Меликов выразил свое мнение об условиях разрешения ситуации: «Имея о Абукове весьма хорошие отзывы, я объявил ему, что с моей стороны он не встретит никакого препятствия к сложению с него конфирмации князя Бяратинского; но при этом он не должен рассчитывать в течение, по крайней мере, двух лет на разрешение занять

должность по народным выборам, так как для администрации обязательно давать значение прежде состоявшимся распоряжениям начальствовавших лиц» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 4об.].

В ответном послании начальнику Терской области глава Кавказского горского управления сообщил выясненные им наиболее подробные обстоятельства дела, последствия которого воспрепятствовали бывшему карачаевскому эфендию замещение должности «по выбору народа» в Кабардинском округе. Содержание письма иллюстрирует колоритную и противоречивую специфику функционирования военно-народного управления, к участию в котором привлекалось все больше офицеров – представителей народов Северного Кавказа. Сочетание официальных и неформальных военно-административных практик, субъективизм и предвзятость, пренебрежение давностью совершенных правонарушений, нежелание вникнуть в ситуацию и поспешные выводы вышестоящего начальства обусловили ситуацию, в которой оказался в 1865 г. А. Абуков. Для большей наглядности целесообразно привести подробную характеристику Д.С. Старосельским предыстории рассматриваемых событий, источник которых интересен также и тем, что сообщает фамилии значимых персонажей завершающего этапа Кавказской войны и первых лет функционирования военно-народного управления: «Бывший начальник Верхне-Кубанского округа полковник Казы-Гирей, желая удостовериться насколько справедлив донос, сделанный ему поручиком Джантемировым, о злоупотреблениях карачаевского пристава, подполковника Тамбиева, поручил Али Абукову частным образом разведать об этом от абазинцев, которые также были причислены к этому приставству. Абуков сообщил Казы-Гирею, что он производил опрос собранным вместе почетным жителям абазинского племени и что этот опрос подтвердил справедливость доставленных Джантемировым сведений. Затем Казы-Гирей, представляя по начальству о поступках Тамбиева, сделал ссылку на показания Абукова. При производстве же формального следствия люди, на которых указывал Али Абуков, как на удостоверивших, при сборе показания Джантемирова, ссылки этой большей частью не подтвердили. Хотя затем если бы и действительно оказалось, что обвинение Тамбиева в злоупотреблениях было сделано несправедливо (что, однако же, не отвергнуто следствием), то и тогда, по мнению моему, ответственность в этом прежде всего следовало бы возложить на полковника Казы-Гирея, а затем на поручика Джантемирова и уже косвенным образом отнести на эфендия Абукова. Между тем, командовавший войсками правого крыла, генерал-лейтенант Филипсон, при рассмотрении этого дела, как бы для усиления виновности Али Абукова, привел в своем мнении то обстоятельство, что Абуков, как убийца брата и как человек, совершивший побег в горы, не заслуживал доверия, и так как он вовлек свое начальство ложными доносами в непростительную ошибку, то определил: удалить Абукова от должности народного эфендия, с тем, чтобы впредь таковой ему не поручать, и сверх того выдержать под арестом месяц. С мнением этим согласился начальник Левого крыла генерал-адъютант граф Евдокимов, на заключение которого это дело препровождалось, а по докладу полевого аудиториата 30 ноября 1859 года оно утверждено и генерал-фельдмаршалом князем Барятинским» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 6–6об.].

При таком вердикте бывшего главнокомандующего и Кавказского наместника примечательно заключение Д.С. Старосельского, который попытался придать разрешению ситуации большую объективность: «Имея ввиду, с одной стороны, вышеизложенное и то, что Али Абуков по этому делу выдержан месяц под арестом, что убийство двоюродного брата и бегство в горы совершены Абуковым в начале 40-х годов, и притом убийство произошло в ссоре, а бегство в горы из боязни кровомщения, а не с враждебной целью; с другой же стороны, принимая во внимание похвальные отзывы об Али Абукове Вашего Превосходительства и двух бывших начальников его, генерал-лейтенанта Грамотина и генерал-лейтенанта князя

Эристова, – я пришел к тому заключению, что Али Абукову определено наказание более того, нежели на самом деле он заслуживал» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 7].

На основании сложившейся характеристики личностных качеств и должностной репутации А. Абукова начальник Кавказского горского управления высказался «об исходатайствовании разрешения Его Императорского Высочества [наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича. – Д.П.] не считать Абукову наложенного на него по конфирмации князя Бяратинского штрафа препятствием к допущению на должности по выборам от обществ в пределах военно-народных управлений и без тех ограничений», которые предлагал в письме от 30 декабря 1885 г. М.Т. Лорис-Меликов. На усмотрение последнего предлагалось решение «утвердить выбор Али Абукова в народные ефендии Кабардинского округа теперь, или же допущение его в подобные должности отсрочить еще на некоторое время» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 2].

Начальник Терской области предпочел более осторожную позицию и отсрочил допуск А. Абукова к избранию на искомую общественную должность. 18 января 1866 г. канцелярия Терской области представила начальнику Кабардинского округа решение Д.С. Старосельского, в той части, которой разрешалось не считать определенные конфирмацией главнокомандовавшего князя А.И. Бяратинского наказания Али Абукову «препятствием к допущению его к должности по выборам в пределах обществ в пределах военно-народных управлений». При этом личной резолюцией М.Т. Лорис-Меликова распорядился, что «на выборах настоящего года Абуков еще допущен быть не может к должности народного эфендия» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Д. 228. Л. 5–5об.].

В источниках не удалось обнаружить фактов, свидетельствующих и впоследствии о замещении А. Абуковым должности кадия (народного эфендия) Кабардинского окружного народного суда. С.Н. Бейтуганов, указывая его в качестве главного духовного лица в Кабарде в 1866 г. [Бейтуганов 2007: 686], вероятно, ошибочно принял за основание для этого отмену конфирмации А.И. Бяратинского.

Таким образом, случай Али Абукова, бывшего карачаевского кадия, избранного народным сбором кадием Кабардинского окружного суда, может рассматриваться как частный пример ситуативности бюрократических практик военно-народного управления. Эта система основывалась на сочетании имперского управления с привлечением административно-судебных кадров из местного населения, в том числе посредством «народного выбора» сборами доверенных. С учреждением в 1860 г. Терской области они функционировали в виде разнообразных совещаний представителей сельских обществ под контролем окружной администрации для ежегодного избрания состава окружных судов, а впоследствии и решения различных вопросов местной жизни. Значимость народного выбора признавалась важной, но каждый раз интерпретировалась окружными и областными властями прежде всего с точки зрения практической целесообразности. Поэтому А. Абуков, амбициозный и поддерживаемый влиятельной частью кабардинской социальной элиты, нашедший, благодаря ее покровительству, поддержку окружной и областной власти, и реабилитированный за прежние правонарушения и недоразумения ведомством нового Наместника на Кавказе, в итоге остался ограничен осторожностью областной власти, не пожелавшей слишком явно противопоставлять «выбор народа» и усилия его представителей постановлению предшественника действующего наместника.

Несмотря на символический результат рассмотренной переписки, восставившей право А. Абукова на избрание, проанализированные документы раскрывают также и формы сопричастности представителей коренного населения к принятию важных для них общественных решений. Рассмотренный сюжет

демонстрирует широкие возможности формального диалога между различными уровнями власти Российской империи на Кавказе. В частном случае проявилась готовность представителей кабардинского общества последовательно отстаивать свой выбор, а коронных властей – осторожно поддерживать солидарное мнение и, тем самым, значимость местного самоуправления. В такой ситуативной гибкости представляется важное своеобразие и преимущество взаимодействия различных традиций в политической культуре военно-народного управления.

Список источников

АКАК. Т. VI. Ч. II. 1875 – *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*: в 12 т. Т. VI. Часть II. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. 954 с.

АКАК Т. XII. 1904 – *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*: в 12 т. Т. XII. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. 1558 с.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.

Кумыков 1985 – *Кумыков Т.Х.* Дмитрий Кодзоков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 180 с.

Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 784 с.

Проблемы... 2001 – *Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е годы XIX века)*: Сборник архивных документов/Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

References

АКАК. Vol. 4. P. 2 – *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*: Т. 12 [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 4. Part 2]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1875. 954 p. (In Russian)

АКАК. Vol. 12 – *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*: Т. 12 [Acts, collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. 1558 p. (In Russian)

АБАЗОВ А.Кh. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale KhKh v.* [The Peoples of the Central Caucasus in the Judicial System of the Russian Empire in the Late Eighteenth and Early Twentieth Centuries] Nal'chik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. 264 p. (In Russian)

КУМУКОВ Т.Кh. *Dmitrii Kodzokov* [Dmitry Kodzokov]. Nal'chik: El'brus, 1985. 180 p. (In Russian)

БЕЙТУГАНОВ С.Н. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: History and Families]. Nal'chik: El'brus, 2007. 784 p. (In Russian)

Problemy Kavkazskoi voiny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20–70-e gody XIX veka) [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20–70s of the XIX century)]. Collection of archival documents/Extraction of materials, archaeographic processing, introductory article, editorial and commentary by T.Kh. Kумыkov]. Nal'chik: El'brus, 2001. 496 p. (In Russian)

ТsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

УТsGA АS КBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the author

D.N. Prasolov – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 15.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Гульфия Джамаловна Базиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gulfiyabazieva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

© Г.Д. Базиева, 2022

Аннотация. Изучение историко-культурного наследия в совокупности всех его составляющих имеет важное практическое значение, так как его актуализация предполагает усиление различных функций современной социокультурной деятельности (памятной, воспитательной, нравственной и др.). В историко-культурном наследии народов КБР сосредоточен исторический, материальный и духовный опыт. Без его освоения и воспроизводства невозможно построение плодотворной культурной политики, направленной на воспитание национального, исторического и гражданского самосознания. Актуализация проблем сохранения историко-культурного наследия является следствием общенациональных и мировых цивилизационных процессов, связанных с сохранением этнической самобытности народов, а также их исторической и культурной памяти. Целью данной работы является анализ проблем сохранения и использования памятников истории как важнейшей части материального и духовного наследия народов Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: природный ландшафт, культурное наследие, культурная память, монументальное искусство, Кабардино-Балкария

Для цитирования: Базиева Г.Д. Памятники истории в культурном наследии Кабардино-Балкарии // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 15–21. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-15-21

Original article

MONUMENTS OF HISTORY IN THE CULTURAL HERITAGE OF KABARDINO-BALKARIA

Gulfiya D. Bazieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gbaz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

© G.D. Bazieva, 2022

Summary. The study of historical and cultural heritage in the totality of all its components is of great practical importance, since its actualization implies the strengthening of various functions of modern sociocultural activity (memorable, educational, moral, etc.). Historical, material and spiritual experience is concentrated in the historical and cultural heritage of the peoples of the of the Kabardino-Balkarian Republic (KBR), without the development of which it becomes impossible to build a fruitful cultural policy aimed at fostering national, historical and civic identity. The actualization of the problems of preservation of historical and cultural heritage is a consequence of national and world civilizational

processes related to the preservation of the ethnic identity of peoples in the context of globalization, urbanization, standardization and massivization of cultural processes. The purpose of this work is to analyze the problems of preserving and using historical and art monuments as the most important part of the material and spiritual heritage of the peoples of Kabardino-Balkaria.

Keywords: natural landscape, cultural heritage, cultural memory, monumental art, Kabardino-Balkaria

For citation: Bazieva G.D. Monuments of history in the cultural heritage of Kabardino-Balkaria. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 15–21 (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-15-21

Глубинные слои культурного наследия в различных хронологических пластах представляют собой не только материализованную, но и духовную память народа, которая находит отражение в материальных артефактах, произведениях устно-поэтического творчества, вербальных и визуальных художественных текстах.

В советский период исследования по проблемам изучения и сохранения историко-культурного наследия носили, как правило, идеологический характер в рамках марксистского подхода (А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, С.М. Ковалев, И.К. Кучмаева, В.Р. Щербина и др.), но рассматривали важные культурологические проблемы: преемственность традиций и инноваций, стили наследования культуры, культурно-традиционные основания самосознания, межличностные коммуникации как механизм наследования культуры и др. Механизмы наследования культуры, по мнению И.К. Кучмаевой, включают «не только наиболее эффективные способы познания культурных ценностей, реставрации, реконструирования памятников культуры, но в равной степени адекватные механизмы практического преобразования повседневной жизни на основе воспитания человека историей...» [6, 139].

В современный период изучение проблем сохранения культурного наследия стоит в центре внимания *исторической культурологии* – области науки, исследующей «динамику происхождения, функционирования, пространственно-временной локализации, воспроизводства и изменчивости социально-культурных комплексов исторического сообщества...» [8, 374]. В рамках исторической культурологии исследуются макродинамические и микродинамические историко-культурные процессы (в масштабах различных исторических эпох, формаций, цивилизаций, этносов, государств, конфессий и т.п.), на уровне системного изучения культурного формообразования, трансляции, диффузии и изменчивости культурных форм и пр.

«Понятие культурного наследия включает как объекты материальной культуры, так и менталитет как устойчивую форму национального характера и самосознания народа, нравственные нормы и стереотипы поведения, особенности внешнего облика, составляющие антропологическую основу преемственности» [3, 23], – отмечает С.Н. Иконникова.

Культурное пространство, по мнению С.Н. Иконниковой, является жизненной и социокультурной сферой общества, «вместилищем» и внутренним объемом культурных процессов. «Региональный тип культуры ограничен пространственно-временными рамками, географическим ареалом и периодом развития. В нем культурные достижения отличаются своеобразием и даже уникальностью, создают отчетливый облик именно данного культурного региона» [3, 21].

Региональное культурное пространство имеет определенную территориальную протяженность и включает ареалы распространения национально-этнических языков общения и духовных ценностей, традиционных форм бытового уклада и образа жизни, семиотику и семантику различных памятников истории и культуры. В настоящий период вопросы презентации того или иного регионально-

го пространства (этнобрендинга) становятся особенно актуальными. «Разработка содержания и форм этнокультурного образа Северного Кавказа – важная задача организации и самоорганизации северокавказского сообщества, имеющая выраженное инновационное звучание» [5, 274–275], – отмечает З.М. Кешева.

В культурном наследии Кабардино-Балкарии большое значение имеют памятники истории и культуры, отражающие менталитет и культуру народов, проживающих на территории республики. В настоящий период на территории республики зафиксировано 580 памятников археологии, архитектуры, истории и искусства. Из них федерального значения – 127, республиканского – 377, муниципального – 17 [4, 162].

В Законе КБР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» выделено несколько категорий памятников: исторические памятники, археологические памятники, памятники градостроительства и архитектуры, памятники искусства, документальные памятники, памятники науки и техники. В данном законе также отмечается, что «к памятникам истории и культуры могут быть отнесены и другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [2].

Формируя пространственную среду, памятники истории отражают и реалии времени, являясь объектом культурной памяти. На территории республики в настоящий период зарегистрировано всего: 347 памятников истории. В том числе: 54 – в Нальчике, 19 – в Баксане, 19 – в Прохладном, 39 – в Баксанском, 27 – Зольском, 12 – Лескенском, 14 – Урванском, 19 – Чегемском, 27 – Майском, 32 – Прохладненском, 32 – Терском, 29 – Черекском, 24 – Эльбрусском муниципальных районах.

Памятники истории – «здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов республики, с жизнью и деятельностью выдающихся политических, государственных и военных деятелей, народных героев, развитием науки и техники, литературы и искусства, культуры и быта, а также топонимы, места погребений, отдельные надгробные памятники, другие знаки».

В советский период монументальное искусство в связи с ленинским планом монументальной пропаганды, принятом в 1918 году, (увековечиванию подлежал определенный список событий, имен и т.д.) развивалось в рамках политической и идеологической пропаганды. Жители городов и сел нередко выступали инициаторами создания тех или иных памятников, обсуждали проекты, вносили поправки в первоначальные замыслы скульптора или архитектора.

Если в довоенный период памятники увековечивали имена героев гражданской войны, революционных деятелей, передовиков социалистического труда, то в послевоенный – ведущее место в монументальной пропаганде занимают памятники, посвященные Великой Отечественной войне. Монументы на военную тематику являются неотъемлемой частью общественной и культурной жизни республики. Одним из первых памятников монументального искусства, посвященным героям, павшим в борьбе с фашизмом, является мемориал «Вечный огонь» и обелиск Славы (1949 г.) в г. Нальчике. На протяжении последующих десятилетий в данный комплекс вносились изменения: за центральным обелиском были установлены мраморные плиты с мартирологом имен, погибших солдат и партизан Кабардино-Балкарии (арх. Ж. Ионнисян), затем были установлены мемориальные плиты с фамилиями воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане [1, 220].

В конце 50-х гг. в республике начинается период активного развития архитектуры и градостроительства, появляется целая плеяда талантливых художников, принимающих непосредственное участие в процессах развития архитектурно-градостроительной среды, важной частью которой является монументальное искусство.

В памятнике, посвященном 400-летию присоединения Кабардино-Балкарии к России (С.О. Махтин, М.Ф. Листопад, архитектор В. Альтаржевский, 1957 г.) использованы четыре барельефа: кабардинские послы в Москве, московские послы в Кабарде, совместная борьба народов республики за Советскую власть, победы в социалистическом строительстве.

Над памятником первому советскому руководителю Кабардино-Балкарии Б.Э. Калмыкову (1960) также работали приглашенные из Москвы скульпторы С.О. Махтин, М.Ф. Листопад, но активное участие в работе над памятником принимал кабардинский скульптор-монументалист М.Г. Тхакумашев (1927–2021). В постсоветский период этот памятник оказался в центре общественных дискуссий по поводу его уместности в столице республики. Критики репрессивной деятельности Б. Калмыкова настаивали на демонтаже монумента, а их оппоненты выступали в защиту сохранения монументального образа основоположника современной государственности Кабардино-Балкарии [Прасолов 2021: 66–67].

Особенностями возводимых в 60–80-е гг. памятников являлась повышенная монументализация и символизация образов, как, например, в памятнике «Скорбящий горец» (Х. Крымшамхалов, 1967), «Памятник комсомолу Кабардино-Балкарии» (Г. Бжеумыхов, 1968), или напротив, камерность, приближенность к среде «Народный мститель» (скульптор Ф. Калмыков, 1968 г.) и др.

Памятник «Скорбящий горец», посвященный памяти павших воинов в годы Великой Отечественной войны (с. Кенделен Баксанского района), решен в лаконичной, лапидарной форме, его по праву можно назвать монументально-эпическим произведением, выразительным силуэтом на фоне величественных гор.

В спокойной выдержанной манере выполнен памятник воинам-освободителям в с. Хамидие Терского района «Народный мститель». Автор стремился отразить народное мироощущение, связанное с идеалами мирного труда, а не кровопролитной войны.

Современный период характеризуется новой концепцией монументального городского памятника, в которой важное значение имеют приближение скульптуры к окружающей среде, организация «эстетического» поля, поиск новых архитектурных и композиционных решений памятников. В пластичности, вариативности монументального искусства заключается возможность его трансформации, приспособления к изменениям социокультурного контекста.

За последние тридцать лет в республике возведен целый ряд памятников истории, посвященных различным событиям XIX–XX вв.: «памятник Черекскому восстанию крестьянской бедноты в 1913 году» (1988), «Памятник жертвам Кавказской войны – «Древо жизни на колесе истории»» (архитектор и автор проекта З. Матуев, скульптор А. Гучапшев, (2004), «Памятник добровольцам, защитившим Абхазию в 1992–1993 гг.» (автор Р. Цримов, 2003), «Памятник воинам республики, погибшим в Афганистане» (скульптор С.И. Катони 2005), М. Тхакумашев создал новый вариант «Памятника воинам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, погибшим в годы Великой Отечественной войны» (2005).

В настоящее время изменились подходы к развитию монументального искусства: скульптура иногда заменяется архитектурной композицией из различных художественных средств, приобретающих символическое значение и образность. Новой концепцией развития монументального искусства является приближение скульптуры к окружающей среде, организация «эстетического» поля.

Обеспечение охраны памятников культурного наследия должно осуществляться не только за счет государственных средств, но и с привлечением общественных организаций. Положительным примером в этом плане можно назвать опыт Майского района, где возглавляющий районное отделение зам. главы администрации П.И. Выродов, ответственный секретарь Ю.С. Литовченко наладили тесную связь с Советом ветеранов, другими общественными организациями, руководителями

предприятий. Так, общими усилиями СХПК «Ленинцы», лесхоза, ЖБИ были приведены в порядок памятник на могиле партизанки А.Ф. Козуб в селе Ново-Ивановское, а также благоустроено заповедное место «Пушкинский дуб».

В г. Прохладный в 2011 г. в рамках празднования Дня семьи, любви и верности был торжественно освящен барельеф с изображением Петра и Февронии, издавна почитаемых на Руси в качестве покровителей семейного благополучия. На освящении, совершенном настоятелем Свято-Никольского храма протоиереем Иоанном Куба, присутствовали глава администрации города Ю.В. Пархоменко, представители администрации, прихожане и гости. К барельефу, который установлен около Свято-Никольского храма, после бракосочетания и венчания приезжают молодые семьи.

«После распада СССР, – как отмечает С.В. Николаев, – Кабардино-Балкария подобно ряду субъектов Российской Федерации испытала на себе все тяжелые последствия государственных реформ и разрыва традиционных экономических связей... В этих условиях вопросы сохранения культурного и исторического наследия являлись далеко не приоритетными в своем решении» [4, 17].

Неоднозначную реакцию в республике вызвал факт установки в с. Озрек КБР бюста И.В. Сталина в 2016 г. рядом с мемориалом воинам, павшим в Великой Отечественной войне. Решение было принято на сельском сходе при поддержке администрации населенного пункта, а также ряда депутатов Парламента КБР. Памятник был установлен за счет пожертвований местных жителей. Специфика ситуации заключалась в том, что преобладающее население Озрека – осетины. В их среде исторический образ И. Сталина традиционно пользуется особым почитанием. И такое, по определению Д.Н. Прасолова, «коммеморативное вторжение» вызвало критику кабардинских и балкарских общественников [Прасолов 2017: 68–69], для которых имя Сталина ассоциируется не столько с победой в Великой Отечественной войне, сколько с массовыми политическими репрессиями.

В современный период повышения национального самосознания восстановление отдельных страниц истории имеет важное значение для реконструкции исторического процесса, непосредственно связанного с именами и событиями прошедших лет и столетий. Памятники истории, наряду с изучением этнической истории, а также истории народов России в целом, формируют этническое и гражданское самосознание личности.

Заключение

На территории Кабардино-Балкарии более 580 объектов культурного наследия и выявленных памятников истории и культуры федерального, республиканского и местного значения. Охрана культурного наследия является не только гуманитарной, но и государственной задачей, так как памятники материального наследия формируют культурный ландшафт местности, отражающий не только географические, природные особенности, но и этническую специфику.

Памятники истории являются важной частью культурного наследия, так как олицетворяют множество историко-культурных ценностей в их единстве и взаимодействии, являясь средством монументальной пропаганды, дают представление об исторических судьбах нации, о социальных и нравственных идеалах народов, об общем уровне развития как национальной культуры.

Список источников

Аппаева 2015 – *Аппаева Ж.М.* Монументальная скульптура Кабардино-Балкарии. Нальчик: Тетраграф, 2015. 220 с.

Закон 1999 – *Закон КБР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»*. Принят Советом Республики Парламента Кабардино Балкарской Республики 29 июля 1999 г. // Кабардино-Балкарская правда. 4 августа 1999.

Иконникова 2009 – *Иконникова С.Н.* Археология и культурология: взаимосвязь и диалог // Проблема культурогенеза и культурного наследия. СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 16–24. 264 с.

Кармов 2008 – *Кармов Т.М., Николаев С.В.* Объекты культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. 224 с.

Кешева 2017 – *Кешева З.М.* Этнокультурные бренды в малых поликультурных обществах России // Социально-гуманитарные знания. № 3. 2017.

Кучмаева 1987 – *Кучмаева И.К.* Культурное наследие: современные проблемы. М.: Наука, 1987. 173 p.

Николаев 2008 – *Николаев С.В.* Эволюция административно-правовых норм законодательства в области государственной охраны объектов культурного наследия Кабардино-Балкарии // Кармов Т.М., Николаев С.В. Объекты культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. С. 11–22.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. 2017. № 2. С. 67–82.

Прасолов 2021 – *Прасолов Д.Н.* Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 65–80.

Флиер 1998 – *Флиер А.Я.* Культурология историческая // Культурология. В 2-х т. Т. 1. СПб., Университетская книга, 1998. 447 с.

References

APPAEVA Zh.M. *Monumental'naya skulptura Kabardino-Balkarii* [Monumental sculpture of Kabardino-Balkaria.] Nalchik: Tetragraph, 2015. 220 p.

ЗАКОН КБР «*Ob okhrane i ispol'zovanii pamyatnikov istorii i kul'tury*». *Prinyat Sovetom Respubliki Parlamenta Kabardino Balkarskoj Respubliki* [Law of the KBR «On the protection and use of historical and cultural monuments. Adopted by the Council of the Republic of the Parliament of the Kabardino Balkarian Republic»] on July 29, 1999 // Kabardino-Balkarskaya Pravda. 4 august. 1999.

IKONNIKOVA S.N. *Arkheologiya i kul'turologiya: vzaimosvyaz' i dialog // Problema kul'turogeneza i kul'turnogo naslediya. SPb.* [Archeology and Cultural Studies: Interrelationship and Dialogue // The Problem of Cultural Genesis and Cultural Heritage]. St. Petersburg: Info Ol, 2009. P. 16–24.

KARMOV T.M., NIKOLAEV S.V. *Ob`ekty` kul`turnogo naslediya Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Objects of cultural heritage of the Kabardino-Balkarian Republic]: Publishing House of the KBNC RAS, 2008. 224 p.

KESHEVA Z.M. *E`tnokul`turny`e brendy` v maly`kh polikul`turny`kh obshhestvakh Rossii* [Ethnocultural brands in small multicultural societies of Russia] // Social and humanitarian knowledge. № 3. 2017.

KUCHMAEVA I.K. *Kul`turnoe nasledie: sovremenny`e problemy`* [Cultural heritage: modern problems]. М.: Nauka, 1987. 173 p.

NIKOLAEV S.V. *E`volyucziya administrativno-pravovy`kh norm zakonodatel`stva v oblasti gosudarstvennoj okhrany` ob`ektov kul`turnogo naslediya Kabardino-Balkarii* [Evolution of administrative and legal norms of legislation in the field of state protection of cultural heritage objects of Kabardino-Balkaria] // Karmov T.M., Nikolaev S.V. Objects of cultural heritage of the Kabardino-Balkarian Republic.: Publishing House of the KBNC RAS, 2008. P. 11–22.

PRASOLOV D.N. *Kommemorativnye praktiki v sovremennoi Kabardino-Balkarii* [Commemorative practices in modern Kabardino-Balkaria]. IN: Neprikosnovenniye zapas. 2017. № 2. P. 67–82.

PRASOLOV D.N. *Monumenty i ritualy v kommemorativnykh praktikakh v Kabardino-Balkarii* [Monuments and Rituals in Commemorative Practices in Kabardino-Balkaria] IN: Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope: sbornik statei / Ed. by V.V. Lapin and A.I. Miller. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. P. 65–80.

FLIER A.Ya. *Kul`turologiya istoricheskaya* [Historical Cultural Studies] // Cultural Studies. In 2 vols. T. 1. St. Petersburg, University Book, 1998. 447 p.

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии.

Information about the author

G.D Bazieva – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Sector of Ethnology.

Статья поступила в редакцию 04.10.22; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 04.10.22; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-22-28

СОЗДАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА ГЕОРГИЕВСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (1870–1875)

Зулейха Жамботовна Глашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

© З.Ж. Глашева, 2022

Аннотация. В статье исследуется создание управленческого аппарата Георгиевского округа. В течение исследуемого периода в рамках Терской области были проведены преобразования органов административного и судебного управления. Именно с этого периода кабардинцы и балкарцы находились в рамках единого административно-территориального управления с русскими и казаками. В современной историографии большой научный интерес представляют вопросы, связанные с административными преобразованиями, затрагивающими этническую территорию кабардинцев и балкарцев. Характерными чертами преобразовательной деятельности российской администрации на Кавказе в исследуемый период являлось совмещение административных и этнических границ, разных народов в пределах одной административной единицы.

Ключевые слова: Российская империя, Терская область, Георгиевский округ, Кабарда, Балкария, приставство, военно-народное управление

Для цитирования: Глашева З.Ж. Создание управленческого аппарата Георгиевского округа Терской области (1870–1875) // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 22–28. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-22-28

Original article

CREATION OF THE ADMINISTRATIVE APPARATUS OF THE GEORGIEVSKY DISTRICT OF THE TERSK REGION (1870–1875)

Zuleikha Zh. Glasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zu-20.80@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2484-2398>

Abstract. The article examines the creation of the administrative apparatus of the Georgievsky district. During the study period, transformations of administrative and judicial management bodies were carried out within the Tver Region. It was from this period that Kabardians and Balkars were within the framework of a single administrative and territorial administration with Russians and Cossacks. In modern historiography, issues related to administrative transformations affecting the ethnic territory of Kabardians and Balkars are of great scientific interest. The characteristic features of the transformative activity of the Russian administration in the Caucasus during the period under study were the combination of administrative and ethnic borders, different peoples within the same administrative unit.

Keywords: Russian Empire, Tersk region, Georgievsky district, Kabarda, Balkaria, bailiff, military and people's administration

For citation: Glasheva Z.Zh. Creation of the administrative apparatus of the Georgievsky District of the Tersk region (1870–1875). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 22–28. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-22-28

История становления управленческого аппарата Терской области прошла долгий и непростой путь, прежде чем приобрела четкие очертания. Ликвидируется Кабардинский округ и создается Георгиевский в составе: Черекского, Баксанского, Малокабардинского, Горячеводского участков. Помимо кабардинцев и балкарцев в него входили русские, казаки, армяне, осетины, немцы, поляки и др.

Специфика управленческого аппарата с разветвленной сетью подчиненных и соподчиненных органов и учреждений была обусловлена разнообразным составом населения, которое можно разделить на три категории: многосословное гражданское, включая иностранных колонистов; военизированное (оседлое и подвижное); многонациональное (инородческое) [Тютюнина 2007: 89].

Образование Терской области заняло несколько лет, в течение которых происходило формирование территории, становление органов управления и поиски оптимальных вариантов внутреннего деления. Основной целью статьи является показать на основе документальной базы ход административной реформы в одном из округов, а также сформулировать ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Некоторые аспекты исследуемой темы представлены в трудах: Ж.А. Калмыкова, А.Х. Карова, А.И. Мусукаева, Е.С. Тютюниной, З.Ж. Глашевой и т.д. [Калмыков 1995; Каров, Мусукаев 2001; Тютюнина 2007; Глашева 2017]. В своих исследованиях они сосредоточились на изучении влияния преобразований на жизнь преимущественно горского населения, а казачье и гражданское (иногороднее) население округа практически не рассматривалось.

Первый этап реформы, связан с указом от 30 декабря 1869 г. «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» [ПСЗРИ 1873: 412–415, 803–804]. В 1870 г. началось преобразование административных и судебных учреждений Кубанской и Терской областей. В административно-территориальном отношении Терская область была разделена на семь округов: Георгиевский, Владикавказский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский [ПСЗРИ. 1873: 803–804; Сборник сведений о Кавказе 1871: 288–291]. Из названий округов исчезли этнические составляющие: Кабарда, Кумыкия, Осетия, Чечня, и появились названия, связанные с русскими крепостями: Грозный, Георгиевск, Владикавказ, Хасав-Юрт. Представители российской армии по-прежнему стояли во главе окружных управлений.

В том же году был создан специальный комитет по преобразованию в Терской области административных и судебных учреждений, который координировал работу между округами. Комитет подготовил «Заметку по преобразованию административных учреждений и судебной части в Терской области высочайше утвержденному 30 декабря 1869 г.» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 6–12]. «Заметка» была подписана начальником области М.Т. Лорис-Меликовым и включала 17 пунктов. Поставленные в ней вопросы можно сгруппировать в блоки: административное устройство, организация социально-культурной сферы, реформа судебных органов, кадровое и финансовое обеспечение и т.д. «Заметка» была разослана по округам, с просьбой сообщить мнения и соображения для предстоящего обсуждения на совещаниях во Владикавказе.

Направляя «Заметку» в Нальчик, М.Т. Лорис-Меликов писал начальнику Кабардинского округа Ф.П. Вояковскому: «Остаюсь уверенным, что Вы, милостивый государь, как один из принимавших деятельное участие в ряду существенно важных мероприятий, совершившихся в Терской области в последние шесть лет, придав и настоящему преобразованию должное значение, тщательно разработаете

все вопросы к нему относящиеся; так как Его Высочество успех в настоящей реформе основывает на энергии, знании дела и добросовестности, которыми отличались до сего народные правители вверенной мне области» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 5–5об.]. В ответ была составлена «Пояснительная записка начальника Кабардинского округа по поводу предстоящих преобразований в Терской области» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 24–37].

Самый обширный и самый важный раздел «Пояснительной записки» «Об определении границ округов и приставств» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 24–28], посвящен обоснованию внутреннего деления будущего округа и размещению административных центров.

В «Заметке» М.Т. Лорис-Меликова предлагались довольно радикальные преобразования управленческого аппарата и внутреннего деления округов: «Определение и изменение границ округов предоставлено ближайшему усмотрению наместника, но независимо от начальников округов в расписание должностей введены и пристава, следовательно округа должны делиться и на приставства. Определить границы округов, казалось бы, возможно по настоящим районам казачьих полков, округов, городов и уездов, как это и сделано в проекте тифлисского комитета 30 апреля 1868 г., но считаю нужным заявить, что при ближайшем рассмотрении этого дела на месте легко может выказаться необходимость в раздроблении населения полков или прежних округов по территории между новыми округами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 6об.]. Положение, признав необходимым оставить приставские должности, не упоминает о том будет ли подчинено полицейскому надзору казачье население, или же приставствам будут подчиняться по-прежнему только горцы. Далее в заметке отмечаются причины преобразований, «с своей стороны находил бы весьма полезным подчинить полицейскому надзору приставов как горцев, так и казаков безразлично по территориям, на основании следующих соображений. Одна из главных причин, побудивших правительство предпринять преобразования в областях Северного Кавказа, заключается в желании уничтожить существующую ныне разделенность в управлениях и ввести общия для всего населения судебныя и полицейскія учреждения [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 6об.]. Поэтому считалось, что «административное слияние горцев и казаков в лице одного только окружного начальника не вполне еще достигает цели, если они не будут также одинаково подчинены полицейскому надзору приставов, как ближайшаго к населению округа правительства, в особенности в тех местностях, в которых казачье и горское население живет смешанно. Вопросу этому я придаю столь важное значение, что если бы даже потребовалось увеличение числа приставов свыше определенного штатами двумя или тремя лицами, то для удовлетворения их содержанием можно будет изыскать суммы из местных источников, дабы не прибегать к затруднительному ходатайству о дополнительном ассигновании из Государственного казначейства» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 6об.].

Положением от 30 декабря 1869 г. территориально к Георгиевскому округу относились, «нынешний Кабардинский округ, 1-я бригада Терского казачьего войска, Горский полк и часть 1-го Владикавказского полка того же войска, г. Георгиевск, слободки Нальчикская и Кисловодская, Александровская немецкая колония, Нальчикский еврейский поселок, селения Ростовановка, Кана и Эдесия» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 24]. Развивая идеи М.Т. Лорис-Меликова об унификации органов управления на всех уровнях, нальчикская «Пояснительная записка», содержала решительные возражения против выбора окружного центра. «Назначение г. Георгиевска центром окружного управления я считаю крайне неудобным» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 24], – говорилось в ней. Аргументация этого заявления исходила из приоритетных интересов горского населения. Географическое положение планируемого места, по мнению авторов

проекта, негативно бы отразилось на эффективности управления «для туземцев, которые – нет ни малейшего сомнения, – будут чаще, чем русские, встречать надобность являться в окружное управление, так как их судебная часть по предположению, должна быть зависима от начальника округа – председателя словесного суда» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 24об.]. Кроме того, посещение Георгиевска нарушало бы привычный для горцев бытовой, религиозный уклад, усиливая действие языкового барьера. Для категорий населения, не связанных с горским словесным судом, достаточно, считают авторы, обращений к своим приставам. Авторы предлагали оставить окружные учреждения в Нальчике или, как компромиссный вариант, перевести их в станицу Прохладную, поскольку «эта станица сосредотачивает вокруг себя наиболее густое население будущего округа» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 26]. Авторы «Записки» предпочли служебную пользу возможным личным выгодам – ведь переезд в расположенный на оживленном тракте город, обладающий более высоким экономико-культурным потенциалом, чем маленькая слободка при крепости с ненадежными путями сообщения, сулил куда более комфортные социально-бытовые удобства [Тютюнина 2007: 93].

Следующие рассуждения касались разделения округа на участки, или по предложенному наименованию, приставства. Намеченная реорганизация опиралась на уже сложившуюся схему, с учетом приблизительного равенства территории, численности населения и наличия материальной базы административных центров. В результате преобразований к Баксанскому, Мало-Кабардинскому и Черекскому участкам присоединялся Горячеводский с землями смежных казачьих станиц [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 88–90об.]. Однако, чтобы не увеличивать штаты, пришлось упразднить созданный 2 декабря 1866 г. Горский участок [ПСЗРИ 1867: 928–929; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 493. Л. 49–53], в котором было сосредоточено балкарское население, разделив его между Черекским и Баксанским. Были созданы приставства, местом пребывания пристава I-го участка был Черекский пост, пристава II-го участка Баксанский пост, пристава III-го село Булатово, пристава IV-го в станице Горячеводской [Список населенных мест Терской области... 1873. № 36. 3 сентября: 2; № 38. 17 сентября: 2; № 39. 24 сентября: 2; № 40. 1 октября: 2]. В состав созданного Горячеводского приставства вошли «лежащие по реке Малке кабардинские аулы Ашабова (Аджиева), Бабукова, Кармова, Хасаутский и одиннадцать казачьих станиц: Боргустанская, Кисловодская, Эссентукская, Горячеводская, Зольская, Лысогорская, Новопавловская, Александрия, Подгорная, Незлобная, Саблинская» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 27–27об.], а также пастбища на Золке и Эшкаконе [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 27–27об.].

В «Записке» высказано мнение о штате приставств и обязательном назначении помощников, т.к. «одни пристава решительно не будут в состоянии управляться с делами, обязанные разъезжать по участкам, которые более или менее значительны по расстояниям» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 27об.].

По мнению авторов «Записки», количество приставств, не должно было быть меньше четырех, учитывая «значительное население округа, которое будет составлять, по приблизительному расчету, более 100 тысяч жителей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 27об.]. Доводы, изложенные в «Записке», были признаны убедительными и получили закрепление в ряде нормативных актов.

Главное управление наместника Кавказского 4/5 ноября 1870 г. уведомляло областного начальника: «По докладу Великому князю наместнику Кавказскому отношения Вашего Превосходительства ко мне от 25 прошлого октября за № 5235, Его императорское высочество, за силою приведенных Вами обстоятельств, изволил, в виде опыта, разрешить открываемому с 1 января 1871 г. Георгиевскому окружному управлению иметь в течение одного года местопребывание в Нальчике, с тем чтобы по истечении опытного года представлено было окончательное

соображение по вопросу о центральном административном пункте Георгиевского округа» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 76–76об.].

Начатый в 1870 г. второй этап административной реформы, ознаменовал переход к гражданским методам управления. Новые окружные управления именовались полицейскими, в своей деятельности им, «рекомендовалось применять к руководству временные об устройстве полиции Правила, Высочайше утвержденные 25 декабря 1862 г.» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 124].

В основном, было принято и предложенное в «Записке» внутреннее деление округа. Город Георгиевск, специально выводился из Ставропольской губернии в Терскую область, чтобы стать окружным центром, в результате оказался в непосредственном подчинении начальника округа. Приказом по управлениям Терской области от 25 декабря 1870 г. были назначены чиновники окружной администрации Георгиевского округа, армейские офицеры: есаул Гвоздик (Черекский), поручик Клопотовский (Баксанский), капитан Ладыженский (Мало-Кабардинский), капитан Полозов (Горячеводский) [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 117].

Будущему начальнику Георгиевского округа еще до официального открытия предписывалось лично отправиться во все казачьи станицы и ознакомиться, «с личным составом станичного управления и суда, осмотреть существующия в каждой станице общественные управления, училища, аптеки, запасные магазины и прочия заведения, принадлежащая обществам. Проверить наличное положение станичных денежных сумм, предметы доходов и расходов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 38–38об.]. А также он должен был разъяснить сущность нового порядка управления и дать подробные инструкции.

1 января 1871 г. состоялось торжественное открытие Георгиевского округа. Инструкция предписывала следующую процедуру: «Окружные полицейские управления открываются начальниками округов в присутствии чиновников всех ведомств, в тех местностях находящихся, чтением предложения начальника области, высочайшего Указа 30 декабря 1869 г. об административных преобразованиях и подписанием составленного об открытии окружного полицейского управления акта. Одновременно и совместно с окружными управлениями открываются начальниками округов и горские словесные суды там, где таковые положены, причем окружными начальниками читается та часть высочайшего указа 30 декабря 1869 г. о преобразованиях по судебной части, которая относится до горских словесных судов. Затем совершается молебствие с освящением помещения окружного управления, а в тех местах, где имеют быть открыты Горские словесные суды, после того совершается окружным кадием краткое моление мусульманское» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 121].

Этими актами формирование административных и судебных органов управления округа не завершилось. На протяжении 1871 г. продолжалось включение в состав Георгиевского округа новых населенных пунктов, реорганизация существующих, образование учреждений местного самоуправления, комплектование штатов и т.п. Преобразования продолжались и в последующие годы. В 1873 гг. округ состоял из 43 кабардинских селений, 31 станицы, 5 балкарских обществ, 1 слободы и 1 колонии. Кабардинцы (Большой Кабарды) находились в рамках I, II, III, IV участков, кабардинцы (Малой Кабарды) находились в III и IV участке. Балкарцы Балкарского, Безенгиевского, Хуламского общества находились в I участке, Урусбиевское и Чегемское во II участке [Список населенных мест Терской области... 1873. № 36. 3 сентября: 2; № 38. 17 сентября: 2; № 39. 24 сентября: 2; № 40. 1 октября: 2; № 42. 15 октября: 2; № 43. 22 октября: 2]. Всего в Георгиевском округе проживало 120173 тысяч человек [Список населенных мест Терской области... 1873. № 43. 22 октября: 2].

На практике административно-территориальные преобразования заметнее всего задела балкарцев и казаков. Фактически упразднились полковые правления и полковые округа, а территории разрывались не только между приставствами, но и административными округами. В состав Георгиевского округа входили: город Георгиевск, слободы Кисловодск и Нальчик, Александровская колония, Волжская бригада, Горский полк, 1-го Владикавказского полка станицы: Пришибская, Котляревская, Александровская, Урухская Моздокского полка станица Луковская, Большая и Малая Кабарда [Административно-территориальные преобразования... 2000: 32; УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 120об.]. В результате реформ сохранялась четырехступенчатая структура: область (Терская) – округ (Георгиевский) – приставство – (Черекское, Баксанское, Малокабардинское, Горячеводское) [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Т. 1. Л. 117], участки – I, II, III, IV состоящие из аулов, селений, слободы, станицы, колонии, поселка и т.д.

Главная цель реформирования управленческого аппарата Терской и Кубанской областей конца 60 – начала 70-х гг. XIX в. заключалась в постепенном устранении отличий от общеимперских административных и судебных стандартов, которые уже не обуславливались особыми обстоятельствами, связанными с Кавказской войной. Происходит отказ от военно-народной формы управления регионом, установлением общегубернской системы управления. Как и прежде, этнические границы народов, входящих в тот или иной округ, не принимались во внимание. В результате преобразований административная граница на самом низовом уровне (участок) игнорировала границы этнические, а административно-территориальные образования включали фрагменты территорий разных этносов (кабардинцев, балкарцев). Именно с этого периода кабардинцы и балкарцы находились в рамках единого административно-территориального управления с русскими, казаками и другими народами.

Список источников

Административно-территориальные преобразования... 2000 – *Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии*. История и современность. Нальчик: Эль-фа, 2000. 729 с.

Глашева 2017 – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования в Кабарде и Балкарии в XVI – начале XX в. // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2017. № 6 (80). Часть II. С. 188–195.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в). Нальчик: Эльбрус, 1995. 123 с.

Каров, Мусукаев 2001 – *Каров А.Х., Мусукаев А.И.* Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX века. Нальчик: КБГУ, 2001. 40 с.

ПСЗРИ. – Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. 1865. Т. XL. Отд. 1-е. № 42449. СПб., 1867. С. 928–929.

ПСЗРИ. – Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. 1869. Т. XLIV. Отд. 1-е. № 47847. СПб., 1873. С. 412–415, 803–804.

РГВИА. – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Департамент генерального штаба. Оп. 7. Кавказские дела.

Сборник сведений... – Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I. С. 288–291.

Список населенных мест... – Список населенных мест Терской области. Георгиевский округ // Терские ведомости. 1873. № 36. 3 сентября. С. 2; № 38. 17 сентября. С. 2; № 39. 24 сентября. С. 2; № 40. 1 октября. С. 2; № 42. 15 октября. С. 2; № 43. 22 октября. С. 2.

Тютюнина 2007 – *Тютюнина Е.С.* Образование Георгиевского округа (1870–1871) // *Архивы и общество*. 2007. № 1. Январь. С. 89–96.

УЦГА АС КБР. – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-3. Оп. 1.

References

Administrativno-territorial'ny'e preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost'. [Administrative-territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity]. Nalchik: El-fa, 2000. 729 p. (In Russian).

GLASHEVA Z.Zh. *Administrativno-territorial'ny'e preobrazovaniya v Kabarde i Balkarii v XVI – nachale XX v.* [Administrative-territorial transformations in Kabarda and Balkaria in the XVI – early XX century.]. IN: Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2017. Part II. No. 6 (80). P. 188–195. (In Russian).

KALMYKOV Zh.A. *Ustanovlenie russkoj administracii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX v.)*. [Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII – early XX centuries)]. Nalchik: Elbrus, 1995. 123 p. (In Russian).

KAROV A.X., MUSUKAEV A.I. *Administrativno-territorial'ny'e izmeneniya v Kabarde i Balkarii v konce XVIII – nachale XX veka*. [Administrative-territorial changes in Kabarda and Balkaria in the late XVIII – early XX century]. Nalchik: KBGU, 2001. 40 p. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. II. 1865. T. XL. Otd. 1-e. № 42449. [The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. II. 1865. Vol. XL. Ed. 1-E. No. 42449]. SPb., 1867. P. 928–929. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. II. 1869. T. XLIV. Otd. 1-e. № 47847. [The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. II. 1869. Vol. XLIV. Ed. 1-E. No. 47847.]. SPb., 1873. P. 412–415, 803–804. (In Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arxiv. F. 38. Departament general'nogo shtaba. Op. 7. Kavkazskie dela. [Russian State Military Historical Archive. F. 38. Department of the General Staff. Op. 7. Caucasian affairs]. (In Russian).

Sbornik svedenij o Kavkaze. [Collection of information about the Caucasus]. Tiflis, 1871. T. I. P. 288–291. (In Russian).

Spisok naseleennyx mest Terskoj oblasti. Georgievskij okrug [List of populated places of the Tersk region. St. George 's District] IN: Terskiye vedomosti. 1873. No. 36. September 3. P. 2; No. 38. September 17. P. 2; No. 39. September 24. P. 2; No. 40. October 1. P. 2; No. 42. October 15. P. 2; No. 43. October 22. P. 2. (In Russian).

TYUTYUNINA E.S. *Obrazovanie Georgievskogo okruga (1870–1871)* [The formation of the Georgievsky district (1870–1871)] IN: Archives and Society. 2007. № 1. January. Pp. 89–96. (In Russian).

Upravlenie Centra dokumentacii novejshej istorii Arxivnoj sluzhby` Kabardino-Balkarskoj Respubliki. [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. I–3. Op. 1. (In Russian).

Информация об авторе

З.Ж. Глашева – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

Z.Zh. Glasheva – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Kabardino-Circasian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-29-36

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2022

Аннотация. В статье предпринята попытка восстановить историю становления в кабардино-черкесском языке языковедческой терминологии, начиная с выдающегося адыгского просветителя, автора первой грамматики и первого словаря указанного языка Шоры Ногма и вплоть до 1950-х годов, когда фактически данный процесс завершился. Более тщательно прослеживается роль Т.М. Борукаева в создании системы национальной лингвистической терминологии, поскольку он является основоположником в этом деле и по настоящее время в лингвистических исследованиях, издаваемых на кабардино-черкесском языке, используются в основном предложенные им в свое время названия. Констатируется тот факт, что после Т.М. Борукаева работа по обогащению отраслевой лексики необоснованно прекратилась, поскольку еще явно недостаточно необходимых терминов и их нехватка компенсируется заимствованиями, в результате языковедческая литература на кабардино-черкесском языке отличается перенасыщенностью подобными вкраплениями. Вывод один – необходимо в дальнейшем предпринять шаги для создания полноценной системы национальных лингвистических терминов, что будет способствовать активизации публикаций адыгovedов на родном языке и соответственно развитию его научного стиля.

Ключевые слова: адыгское языкознание, кабардино-черкесский язык, лингвистический термин, название, обозначение, грамматика, исследование

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Из истории формирования кабардино-черкесской лингвистической терминологии // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 29–36. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-29-36

Original article

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF KABARDINO-CIRCASSIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY

Boris Ch. Bizhoviev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhoviev, 2022

Annotation. The article attempts to restore the history of the formation of linguistic terminology in the Kabardino-Circassian language, starting with the outstanding Adyghe educator, the author of the first grammar and the first dictionary of the specified language, Shora Nogma, and up to the 1950s, when this process actually ended. The role of T.M. Borukaev in creating a system of national linguistic terminology, since he is the founder in this field and to the present time in linguistic studies published in the Kabardino-Circassian language, mainly the names proposed by him at one time are used. The fact is stated that after T.M. Borukaev, the work on enriching the sectoral vocabulary unreasonably stopped, since the necessary terms are still clearly not enough and their shortage is compensated by borrowings, as a result, the linguistic literature in the Kabardino-Circassian language is oversaturated with such inclusions. There is only one conclusion – it is necessary to take further steps to create a full-fledged system of national linguistic terms, which will contribute to the activation of publications of Adyghe scholars in their native language and, accordingly, the development of their scientific style.

Key words: Adyghe linguistics, Kabardino-Circassian language, linguistic term, name, designation, grammar, research

For citation: Bizhiov B.Ch. From the history of the formation of Kabardino-Circassian linguistic terminology. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2022; 3 (54): 29–36. (In Rus.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-29-36

Возникновение лингвистических терминов на адыгских языках совпадает по времени с началом изучения этих языков. Первым исследователем кабардино-черкесского языка был выдающийся просветитель Шора Бекмурзович Ногмов. В его грамматике, составленной в 1840 году (рукопись), он применил ряд терминов, придуманных им самим. Как заметил исследователь его научного наследия Г.Ф. Турчанинов, в первоначальном варианте грамматики, написанном на арабской графике, он следовал арабской терминологии, попытку же применить свои национальные термины он предпринял в русскоязычной версии. Их не так много, приведем в современной транскрипции:

№ п/п	Ногмовские Термины	Современные названия	Русский вариант
1	<i>зэрытыпІэ</i>	<i>пкыгыгуэ</i>	Член
2	<i>цІэ зи фацэуэ шыІэр</i>	<i>щыІэцІэхэр</i>	существительные
3	<i>пльыфэцІэхэр</i>	<i>пльыфэцІэхэр</i>	прилагательные
4	<i>цІэм и пІэ итхэр</i>	<i>цІэпациІэхэр</i>	местоимения
5	<i>Пкыгыгуэхэр</i>	<i>глаголхэр</i>	глаголы
6	<i>Лажьэхэр</i>	<i>причастиехэр</i>	причастия
7	<i>бзэ нальэхэр</i>	<i>наречиехэр, деепричастиехэр</i>	наречия, деепричастия
8	<i>Псалъэпыдзэ</i>	<i>префикс, суффикс</i>	префикс, суффикс
9	<i>бзэ кьуэдзэ</i>	<i>Союз</i>	союз
10	<i>бзэ им-щым</i>	<i>междометие</i>	междометие

Из десяти перечисленных с современными названиями или, говоря точнее, применяемыми сейчас терминами совпадает лишь одно: прилагательные и у Ногмова *пльыфэцІэ*, и теперь их называют так же. По остальным девяти, как можно убедиться по таблице, «наследники» нашего просветителя пошли по более «легкому» пути – обошлись иноязычными словами. Что же касается указанного совпадения, то и оно произошло случайно, поскольку рукопись Ш. Ногмова была опубликована лишь в 1959 году [Ногма 1959], до этого языковеды не были с ней знакомы и она никак не могла повлиять на возникновение термина *пльыфэцІэ* вторично в 1920-е годы. Название, данное Ногмовым именам существительным – *цІэ зи фацэуэ шыІэр* (букв. все, что имеется в форме имени) в принципе отражает значение данной части речи, но его недостаток в том, что это слишком громоздкое и поэтому неудобное для применения образование. Другой термин – *псалъэпыдзэ*

(букв. придаток к слову) в значении «аффикс» т.е. объединяющий в себе префикс и суффикс, на наш взгляд, вполне приемлем в данной роли, но мы все же предпочли вместо *пыдзэ* «придаток» использовать *гъусэ* «спутник, попутчик» в соединении с другим, утвердившимся уже в языке *лябжьэ* «корень»: *лябжьэгъусэ* «аффикс». Более критично мы относимся к образованиям типа *бзэ им-щым* «междометия» и встречающимся в рукописи пару раз *кӀуэдынӀэ* «падеж». Первый из приведенных терминов буквально означает «языковое хмыканье», т.е. звуки, выражающие удивление, досаду и т.п., однако звуки способны выражать более широкий спектр эмоций, и чтобы термин охватывал всё это, я дал междометиям название *макьыцӀэ* (букв. имя звука). Что же касается *кӀуэдынӀэ*, можно предположить, что он возник в результате осмысления русского термина «падеж» как «падѣж», т.е. «гибель» – именно такое значение имеет кабардино-черкесское *кӀуэдынӀэ*. Понятно, что его трудно ассоциировать с функцией лингвистического падежа. Более удачным я посчитал вариант, предложенный А. Черкесовым [Шэрджэс 2009] уже в наши дни: *псалъэзешэ*, образованный из двух слов: *псалъэ* «слово» и *зешэ(н)* «водить», т.е. «водящий слово». Его и включил в этот словарь.

Можно, разумеется, с позиции сегодняшних достижений адыгского языкознания «придраться» к трудам Шоры Ногмова, но нельзя забывать о том, что он был первопроходцем в этой науке, в том числе именно он заложил основу нашей национальной лингвистической терминологии. Можно только сожалеть о том, что его инициативу недостаточно активно развивали его последователи, которые предпочли «не утруждать» себя подобной проблемой, а «легко и просто» пользоваться иноязычной терминологией.

Выраженный упрек никак не относится к Борукаеву Туте Магомедовичу – начинателю нового – советского – этапа развития адыгovedения, когда новая власть обозначила на государственном уровне задачу исследования языков всех народов СССР. Для подобного занятия требовалась соответствующая терминология, за что он активно взялся. Сразу же отметим, что он в этом преуспел: никто из языковедов ни до него, ни после него не сделал столько, сколько он.

В 1930 году Т. Борукаев издал учебник *Янэ лъэбакъуэ, къэбэрдей Ӏэлыфбей* «Первый шаг, кабардинский букварь» [Борыкъуей 1930]. Здесь впервые были четко разграничены разряды кабардино-черкесских местоимений, при этом каждая разновидность получила своё название. Вот они [Борыкъуей 1930: 73–76]:

№	Термины Т. Борукаева	Современное название	Русское название
1	<i>цӀэ паницӀэхэр</i>	<i>ичхьэ цӀэпаницӀэхэр</i>	личные местоимения
2	<i>цӀэ гъэлыгъуэхэр</i>	<i>зыгъэлыгъуэ цӀэпаницӀэхэр</i>	указательные местоимения
3	<i>цӀэ щӀыпӀэ гъэлыгъуэхэр</i>	<i>щӀыпӀэ превербхэр</i>	местные (локальные) превербы
4	<i>еигъэ къызэрыкӀ цӀэхэр</i>	<i>еигъэ цӀэпаницӀэхэр</i>	притяжательные местоимения
5	<i>пыбзыгъэ зыщӀ цӀэхэр</i>	<i>белджылыгъэ цӀэпаницӀэхэр</i>	определятельные местоимения
6	<i>пыбзыгъэ зымыщӀ цӀэхэр</i>	<i>белджылынишагъэ цӀэпаницӀэхэр</i>	неопределенные местоимения

Из приведенного перечня нужно исключить местные превербы, т.е. глагольные аффиксы, и добавить вопросительные местоимения, которых автор по каким-то соображениям не включил в разряды местоимений. Что касается остальных названий, не все они удержались в лингвистической литературе, однако при этом их основа осталась, сравним: *гъэлыгъуэ* – *зыгъэлыгъуэ*, *еигъэ къызэрыкӀ* – *еигъэ*, *цӀэ паницӀэ* – *цӀэпаницӀэ*.

То же самое можно сказать и о таких образованиях, примененных в указанном издании: *зэзылгыт* «сравнительный» [Борыкъуей 1930: 81], *псалъэ лъабжьэхэр* «корни слова» [Борыкъуей 1930: 86], *пльыфэ кызырыкI цIэхэр* «имена, обозначающие признак» [Борыкъуей 1930: 87], *зэрыуицIэхэр* «вопросительные» [Борыкъуей 1930: 104] и др. И по сегодняшний день мы пользуемся такими внедренными Т. Борукаевым терминами, как *макъ* «звук», *пычыгъуэ* «слог», *макъзешэ* «гласный», *макъ дэкIуашэ* «согласный», *цIэ уней* «собственное имя», *псалъэ зэхэлэ* «сложное слово»...

Близки к нынешним *закъуэ* «единственный» и *куэд* «множественный» Борукаевские *зы(рэ)* и *къом(рэ)*.

Терминологическое словотворчество Т.М. Борукаев продолжил в выпущенной им в 1932 году «Грамматике кабардино-черкесского языка» [Борукаев 1932]. Начнем с того, что именно в этой книге автор впервые применил термин «кабардино-черкесский язык», подчёркивая тот факт, что это единый язык искусственно разделенной на кабардинцев и черкесов нации. И как бы не противились некоторые исследователи, этот термин в настоящее время утвердился как единственное официальное русское название данного языка.

Пройдемся по списку терминов, приведенных в Грамматике Борукаева [Борукаев 1932: 111–119]:

№ п\п	Русское название	Термин Т.М. Борукаева	Современное название
1	<i>Аморфный</i>	формэншэ	<i>формэншэ</i>
2	<i>Аналогия</i>	зэлыгын, зэггэщхын	<i>еггэщхыныгъэ</i>
3	<i>Атрибут</i>	пльыфэ, щифэт	<i>нэцэнэ</i>
4	<i>Вид</i>	теплэ	<i>теплэ</i>
5	<i>Время</i>	зэман	<i>зэман</i>
6	<i>вопросительный знак</i>	упщIэ нагыщэ	<i>упщIэ нагыщэ</i>
7	<i>Восклицание</i>	гу лыгъэгтэныгъэ	<i>хIэтыкIыныгъэ</i>
8	<i>второстепенные члены предложения</i>	псалъэ мьпажэ пкъыгъуэхэр	<i>псалъэхам и пкъыгъуэ етIуанэхэр</i>
9	<i>главные члены предложения</i>	псалъэ пажэхэр	<i>псалъэхам и пкъыгъуэ нэхъыщхьэхэр</i>
10	<i>Глагол</i>	глагол, лэжыгъэ зыхэлэ псалъэ	<i>глагол</i>
11	<i>гласные звуки</i>	макъзешэхэр	<i>макъзешэхэр</i>
12	<i>глухие согласные</i>	макъ дэкIуашэ дэгухэр	<i>макъ дэкIуашэ дэгухэр</i>
13	<i>губные звуки</i>	Iупэ (макъхэр)	<i>Iупэм кыыщхьу (макъхэр)</i>
14	<i>Деепричастие</i>	деепричастие, хьэл	<i>деепричастие</i>
15	<i>долгие звуки</i>	макъ укъуэдия	<i>макъ укъуэдия</i>
16	<i>Дополнение</i>	лэжыгъэ зыльэIэс	<i>дополненэ</i>
17	<i>единственное число</i>	закъуэ (бжыгъэ)	<i>закъуэ (бжыгъэ)</i>
18	<i>желательное наклонение</i>	фIэигъуагъэ зыхэлэ лэжыгъэ псалъэ	<i>фIэфIыныгъэ наклоненэ</i>
19	<i>Звук</i>	макъ	<i>макъ</i>
20	<i>звонкие согласные</i>	макъ жьгыжыгъхэр	<i>макъ жьгыжыжыгъхэр</i>
21	<i>знаки препинания</i>	теувыIэпIэ нагыщэхэр	<i>нагыщэхэр</i>
22	<i>знаменательные слова</i>	мышьэнэ тэмэм кызырыкI псалъэхэр	<i>зи цхьэ хущыт псалъэхэр</i>
23	<i>Инфинитив</i>	инфинитив, кыыхэкIыпIэ	<i>инфинитив</i>
24	<i>Корень</i>	къуэпс	<i>лъабжьэ</i>
25	<i>Лицо</i>	увыгъуэ	<i>цхьэ</i>
26	<i>Местоимение</i>	цIэ папщIэ	<i>цIэпапщIэ</i>

27	Определение	белджылыгыэ	определенэ
28	Орфография	тхэкIэ	пэжырытхэ, орфографие
29	Подлежащее	зылэжь	подлежащэ
30	Предикат	лэжьыгыэ псалъэ	сказуемэ, предикат
31	Предложение	псалъэ едзыгыуэ	псалъэуха
32	Прилагательное	плъыфэ	плъыфэцIэ
33	Речь	хъыбар	жьабзэ
34	Слово	псалъэ	псалъэ
35	Слог	пычыгыуэ	пычыгыуэ
36	согласный звук	макъ дэкIуашэ	макъ дэкIуашэ
37	Союз	псалъэзэпх	союз
38	существительные	хъэпшыпыцIэ, шыIэхэм я цIэ	цыIэцIэ
39	твердые звуки	макъ быдэхэр	макъ пхъашэхэр
40	Термин	зэреджэ цIэ	фIэщыгыэцIэ
41	Ударение	хэIэтыкIа	ударенэ

Мы приводим полный перечень не без оснований – до этого издания ни в одной публикации по адыгским языкам не наблюдалось такое обилие адыгоязычных терминов, и большинство из них прочно вошло в научный оборот. Правда, имеются здесь также ряд наименований, которые не назовешь столь удачными. Таковы, на наш взгляд, *псалъэ едзыгыуэ* «предложение», *тхэкIэ* «орфография», *увыгыуэ* «лицо», *гулытэныгыэ* «восклицание» и другие. Более совершенны их нынешние варианты: *псалъэуха* (букв. заверщенное слово, т.е. предложение), *пэжырытхэ* (букв. правописание), *щхъэ* (букв. голова, т.е. лицо), *хэIэтыкIа* (букв. вытянутый, приподнятый). Далее *теувыIэпIэ* больше подходит для понятия «пауза», чем для знаков препинания, его буквально можно перевести как «приостановка».

С другой стороны, среди не удержавшихся обозначений имеются несколько таких, которые, как мне кажется, вполне можно было и принять на вооружение: *кыыхэкIыпIэ* «инфинитив» (букв. исходное), *псалъэзэпх* «союз» (букв. связывающий слова), *хэIэтыкIа* «ударение» (букв. приподнятый), *пажэ* «главный» (он, кстати, иногда используется и поныне вместо более распространенного *нэхъыщхъэ*), *мыпажэ* «второстепенный» (букв. неглавный). Борукаевское *фIэгыуагыэ* как название желательного наклонения ничуть не уступает нынешнему *фIэфIыныгыэ* и т.д.

В последующие годы Т. Борукаев написал школьный учебник в трех частях по кабардино-черкесскому языку, где использовал в основном те же термины, которые приведены выше. Тем не менее, имеются и некоторые нововведения. В первой части [Борыкьуей 1933а], например, можно обнаружить *гыэщIэгыуэныгыэ зыхэлъ псалъэ едзыгыуэхэр* (букв. предложения, выражающие удивление) – это нынешний *хэIэтыкIа псалъэуха* «восклицательные предложения»; *хэIэтыкIа зытемыхъа* «безударный» (букв. на что не нашло ударение) – сейчас говорят *ударенэ зытемыхъа* (букв. на чем не лежит ударение); *хъэрф тIуащIэ* «двойная (сдвоенная) буква»; *псалъэ кIапэхэр* – буквально «хвосты слов» – судя по приведенным к ним примерам, имеются ввиду частицы.

В третьей части школьного учебника [Борыкьуей 1933б] использованы *зэрызыхуагыазэ* «обращение» (букв. то, чем обращаются к кому-л.) *зылэжь причастие* «субъектное причастие» (букв. делающий), *зэлэжь причастие* «объектное причастие» (букв. над чем работают), *пкыыгыуэ зэлэпкыэгыуэ* «однородные члены», *псалъэ едзыгыуэ зэкIэлъыхыкIэ* «сочинительная связь предложений». Все приведенные из третьей части термины закрепились в лингвистической адыгоязычной литературе.

Вызывает определенный интерес также классификация видов сочинительной связи предложений, приведенная в этой части учебника [Борыкьуей 1933б: 23–27]:

1) *зэдэжлэу кызыэкэлтыкгуэжлэ* «перечисление»: *Тыкуэнхэр хуащлыжахэщ, уэддыгьэхэр щлагьэнахэщ, Налшык урамыр нэху хьуащ.* «Магазины закрыли, фонари зажгли, на улице Нальчика стало светло»;

2) *зэпэщлэу кызыэкэлтыкгуэжлэ (противоположение)*: *Жьым хоцл, щлэм хохьуэ.* «Старое убавляется, новое прибавляется»;

3) *зэлыта кызыэкэлтыкгуэжлэ (сравнение)*: *Ахьшэр абы кыхьащ – джэдур гьыкьуащ* «Деньги он принёс – кот заплакал» (это калька с русского: *денег он принёс – кот заплакал*);

4) *зэрыгьэбелджылы кызыэкэлтыкгуэжлэ* «объяснение одного действия или явления другим как причиной»: *Сэ иджыпсту стын слээктыркьым: сэ силэкьым ахьшэ.* «Я сейчас не в состоянии заплатить: у меня нет денег»;

5) *зэригьэку кызыэкэлтыкгуэжлэ* «пояснение или дополнение одной мысли другой»: *Сэ уэ укьызгуроуэ: уэ си дэлэпыкьуныгьэм уноплээ.* «Я тебя понимаю: ты ожидаешь мою помощь»;

6) *зэтеувылэ кызыэкэлтыкгуэжлэ* «обусловленность одного действия или явления другим»: *Ахьшэ кызыэптыниц – тхыль кьэсцэхуниц.* «Дашь деньги – куплю книгу».

Из шести перечисленных терминов более устойчивыми оказались два – *зэпэщлэуэ* и *зэрыгьэбелджылы*, также нечасто, но можно встретить в литературе еще один – *зэдэжлэуэ*.

В указанный учебник первый раз Т. Борукаев внедрил такие обозначения, как *псалъэ едзыгьуэ клэрыгьэпщла* «придаточное предложение» (букв. приклеенное (прилепленное) предложение). Вместо него теперь говорят *псалъэуха гүэдзэ; псалъэ занцлэ* «прямая речь» (букв. прямое слово), *лэмэпсымагьэ кызыэрыкл префикс* «орудный (инструментальный) префикс» (букв. префикс, обозначающий инструмент). Все они, а также названия временных форм – *блэкла* «прошедшее», *дызэрыт* «настоящее», *кьэжлэуэн* «будущее» применяются по сей день.

В 1935 году Т. Борукаев переиздал учебник для начальных классов [Борыкьуей 1935]. И в этой книге он расширил круг терминов, пополнил их следующими: *псалъэ кьэхьэжын* «перенос слово», *псалъэ едзыгьуэ щыцхэмрэ щымыцхэмрэ* «полные и неполные предложения» (калька с русского: *щыз – полный, щымыз – неполный*; в современной литературе они заменены синонимичными словами *ирикьуэ* «полный» (букв. достаточный) и *иримыкьуэ* «неполный» (букв. недостаточный)).

По вкладу в создание лингвистической терминологии для адыгского языкознания Т.М. Борукаева трудно с кем-либо сравнивать, этим и объясняется столь подробный анализ в данной статье его наследия в этой сфере деятельности. Несомненно, он сделал бы намного больше и в дальнейшем, но, к огромному сожалению, он стал жертвой политических репрессий в СССР, был осужден «за буржуазный национализм» и расстрелян, а его труды были под запретом вплоть до 1956 года, до этого нельзя было даже произносить его имя. Многогранная деятельность Т.М. Борукаева до сих пор достаточно не изучена, мы затронули лишь одну из её сторон, желая в какой-то мере восполнить многолетний пробел.

После Т. Борукаева о кабардино-черкесском языке исследования на родном языке активно вёл Хасан Увжуков Эльбердов. С послевоенного года (1945) и вплоть до 1960-х годов кабардино-черкесский язык в школах учили именно по его учебникам – начиная с букваря для первого класса и завершая пособиями для старшеклассников. Наряду с этим много лет Эльбердов работал научным сотрудником сектора кабардинского языка Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института и из-под его пера вышли десятки научных статей и одна монография [Елберд 1959] – все это на кабардино-черкесском языке. Я неслучайно подчеркиваю, что Эльбердов писал на родном языке – ведь национальная терминология находит применение в подобной литературе. Разумеется, Эльбердов уже в основном применял термины предшественников, и прежде всего

Т. Борукаева. Тем не менее нужно особо отметить тот факт, что именно благодаря трудам Х. Эльбердова в языке твёрдо закрепились и стали привычными для слуха такие термины, как *щыІэцІэ* «имя существительное», *пльыфэцІэ* «имя прилагательное», *бжыгъэцІэ* «числительное», *псалъэ зэпха* «словосочетание», *псалъэуха* «предложение», *закъуэ, куэд бжыгъэ* «единственное, множественное число», *блэкІа, ит(дызэрым), къэкІуэну зэман* «прошедшее, настоящее, будущее время», *макъзешэ* «гласный звук», *макъ жьгъыжьгъэрэ дэгурэ* «звонкие и глухие звуки» и другие. Можно с небольшой натяжкой утверждать, что на нём закончился процесс создания системы лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке. Правда, и после него выходили языковедческие работы на этом языке, назовем наиболее продуктивных авторов на этом поприще: выдающийся педагог и ученый Х.Ш. Урусов – создатель школьных и вузовских учебников, а также издавший ряд научных трудов как на кабардино-черкесском, так и на русском языке [Урус 2000; Урус 2001; Урус 2002]; такую же характеристику можно дать Х.З. Гяургиеву и Х.Е. Дзасежеву [Дзасэж 1964; Джаурджий 1996; Джаурджий, Дзасэж 1995]. Их главная заслуга в том, что в кабардино-черкесском языке сформировался языковедческий научный стиль. Вместе с тем в их творчестве уже не появились новые термины и явная их недостаточность компенсировалась иноязычными, прежде всего русскими, названиями: *наречие, причастие, деепричастие, глагол, частица* и т.д. Особенно изобилует подобными терминами раздел синтаксиса: *подлежащее* «подлежащее», *сказуемэ* «сказуемое», *дополненэ* «дополнение», *определенэ* «определение», *обстоятельство* «обстоятельство» и множество других.

Из сказанного приходим к следующему выводу. Оценивая по достоинству вклад тех, кто в свое время внедрял в язык специальную терминологию по лингвистике – Ш. Ногмова, Т. Борукаева, Х. Эльбертова, в то же время очевиден тот факт, что подобных названий явно недостаточно для ведения исследовательской работы на родном языке, в силу чего публикации на этом языке характеризуются перенасыщенностью иноязычной лексикой и это мешает формированию полноценного научного стиля. Необходимо в дальнейшем предпринять шаги для пополнения системы национальной лингвистической терминологии недостающими названиями.

Список источников

Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Пособие для учителей, слушателей ВУЗов, учащихся школ повышенного типа и самообразования. Нальчик: Кабардино-Балкарский облнациздат, 1932. 142 с.

Борыкъуей 1930 – *Борыкъуей Т.М.* Япэ лъэбакъуэ, къэбэрдей Іэлыфбей. Налшык: КъБОблнациздат, 1930. 104 н.

Борыкъуей 1933а – *Борыкъуей Т.М.* Адыгэбзэ тхыль, пэщІэдзэ еджапІэхэм шаджыну грамматикэрэ тхэкІэ тэмэрэ. Іыхъ І. Налшык: Къэб.-Балъкъ. облнациздат, 1933. 62 н.

Борыкъуей 1933б – *Борыкъуей Т.М.* Адыгэбзэ тхыль, пэщІэдзэ еджапІэхэм шаджыну грамматикэрэ тхэкІэ тэмэрэ. Іыхъ ІІІ. Налшык: Къэб.-Балъкъ. облнациздат, 1933. 72 н.

Борыкъуей 1935 – *Борыкъуей Т.М.* Адыгэбзэ тхыль. ПэщІэдзэ еджапІэм шаджын Адыгэбзэ тхыль. Грамматикэрэ тхэкІэрэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр нациздат, 1935. 92 н.

Джаурджий 1996 – *Джаурджий Хь.З.* Адыгэбзэ, еджакІуэхэр зрыгъуэзэн. Налшык: Эльбрус, 1996. 272 н.

Джаурджий, Дзасэж 1995 – *Джаурджий Хь.З., Дзасэж Хь.Е.* Адыгэбзэ. Япэ Іыхъэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.

Дзасэж 1964 – Дзасэж Хь.Е. Иджырей къэбэрдей-черкесыбзэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапІэ, 1964. 228 н.

Елберд 1959 – *Елберд Хь.У.* Адыгэбзэ грамматикэм и Іуэхугъуэ зэхэмыбзэхэм щыщ. Налшык, 1959. 138 н.

Ногма 1959 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. 2. Нальчик: Кабардинское книжное издательство. 1959. 199 с.

- Урыс 2000 – *Урыс Хь.Ш.* Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 н.
Урыс 2001 – *Урыс Хь.Ш.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ, морфемикэ, морфологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н.
Урыс 2002 – *Урыс Хь.Ш.* АдыгэбзэмкІэ практическэ стилистикэ. Налшык: Эльбрус, 2002. 208 н.
Шэрджэс 2009 – *Шэрджэс А.И.* Яхуэмыфашэу лэныкыуэ едгъэза псалъэхэр. Адыгэ псалъэгъэнахуэм цыгъужыпхъэхэр. Налшык, 2009. 172 н.

References

- BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language. A manual for teachers, students of universities, students of schools of advanced type and self-education]. Nalchik: Kabardino-Balkarian oblnatsizdat, 1932. 142 p. (In Russian)
- BORYK"UEJ T.I.M. *Yape l"ebak"ue, k"eberdej Ielyfbei* [First steps, Kabardian alphabet]. Nalchik: K"BOblnacizdat, 1930. 104 p. (In Kabardino-Circassian)
- BORYK"UEJ T.I.M. *Adygebze thyl", peshchledze edzhapIekhem shchadzhynu grammatikere thekle tememre. Iyh'e I.* [Kabardian language textbook for studying grammar and writing in elementary grades. Part I]. Nalchik: K"eb.-Bal"k". oblnacizdat, 1933a. 62 p. (In Kabardino-Circassian)
- BORYK"UEJ T.I.M. *Adygebze thyl", peshchledze edzhapIekhem shchadzhynu grammatikere thekle tememre. Iyh'e III* [Kabardian language textbook for studying grammar and writing in elementary grades. Part III]. Nalchik: K"eb.-Bal"k". oblnacizdat, 1933b. 72 p. (In Kabardino-Circassian)
- BORYK"UEJ T.I.M. *Adygebze thyl". Peshchledze edzhapIem shchadzhyn Adygebze thyl". Grammatikere theklere* [Textbook on the Kabardian language for elementary grades. Grammar and writing]. Nalchik: K"eberdej-Bal"k"er nacizdat, 1935. 92 p. (In Kabardino-Circassian)
- DZHAURDZHII H'.Z. *Adygebze, edzhakIuekher zeryg"uezen* [A guide for students in the Kabardian language]. Nalchik: El'brus, 1996. 272 p. (In Kabardino-Circassian)
- DZHAURDZHII H'.Z., DZASEZH' H'.E. *Adygebze. Yape Iyh'e* [Kabardian language. First part]. Nalchik: El'brus, 1995. 288 p. (In Kabardino-Circassian)
- DZASEZH' H'.E. *Idzhyrej k"eberdej-cherkesybz* [Modern Kabardino-Circassian language]. Cherkessk: Stavropol' thyl" tedzapIe, 1964. 228 p. (In Kabardino-Circassian)
- ELBERD H'.U. *Adygebze grammatikem i Iuekhug"ue zekhemybzkhem shchlyshch* [Difficult questions of Kabardian grammar]. Nalchik, 1959. 138 p. (In Kabardino-Circassian)
- NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy* [Philological works]. T. 2. Nalchik: Kabardian book publishing house. 1959. 199 p. (In Russian)
- URYS H'.SHCH. *Adygebzem i thyde* [History of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El'brus, 2000. 360 p. (In Kabardino-Circassian)
- URYS H'.SHCH. *Adyge grammatike. Fonetike, morfemike, morfologie* [Kabardino-Circassian grammar. Phonetics, morphemics, morphology]. Nalchik: El'brus, 2001. 232 p. (In Kabardino-Circassian)
- URYS H'.SHCH. *AdygebzemkIe prakticheske stilistike* [Practical stylistics in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El'brus, 2002. 208 p. (In Kabardino-Circassian)
- SHERDZHES A.I. *Yahuemyfashcheu l"enyk"ue edg"eza psal"ekher. Adyge psal"eg"enahuem shchlyg"uzhyph"ekher* [Undeservedly bypassed words for the Kabardino-Circassian explanatory dictionary]. Nalchik, 2009. 172 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhoyev – Doctor of Philology, leading research scientist, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

О ВПЕРВЫЕ ВВОДИМЫХ РАЗДЕЛАХ В ГРАММАТИКУ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Дзуганова Рита Хабаловна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Р.Х. Дзуганова, 2022

Аннотация. Целью исследования является освещение некоторых новых разделов создаваемой грамматики на кабардино-черкесском языке. Речь идет о таких разработках по актуальным проблемам адыгovedения, как не отраженные в предыдущих грамматиках формы отглагольных образований, закономерности аблаутных чередований в словообразовании, также детальный анализ междометий и звукоподражаний. Научная новизна работы заключается в том, что здесь раскрывается все новое, что содержится в указанных разделах, включая внедрение нового терминологического аппарата. В разделе о отглагольных образованиях вводятся новые формы: герундий, неопределенная личная форма, условная форма, альтернатив, долженствование, инфинитная форма на –ми. В исследовании по аблаутным чередованиям раскрываются сложные процессы альтернатив, устанавливаются причины тех или иных языковых преобразований и как они отражаются в языковой системе. При установлении морфонологических рядов становится очевидной взаимообусловленность словообразовательных и морфонологических явлений. В разделе Междометия выявляются не только функциональные, морфологические особенности междометий и ономапопов, но также проводится подробная дифференциация их фонетического состава. В рассматриваемый раздел вводятся новые материалы по анализу тексто- и дискурсообразующих, контактоустанавливающих (фатических) функций междометий, роли междометий и ономапопов в образовании фразеологических единиц, о синтаксических особенностях и способах обособления в предложениях, а также субстантивации междометий и звукоподражаний, о заимствовании. В работе использованы методы описательного, контекстуального анализа. Рассмотренный материал показал, что и другие разделы представлены в грамматике в переработанном, с привлечением современных работ, дополненном, расширенном виде. Таким образом, можно сделать вывод, что создаваемый уникальный труд, в отличие от предыдущих традиционных грамматик, носит научно-исследовательский и информационно-справочный характер, что способствует более полному освещению основных проблем лингвистического адыгovedения.

Ключевые слова: грамматика, отглагольные образования, аблаутные чередования, междометия, ономапопы, кабардино-черкесский язык

Для цитирования: Дзуганова Р.Х. О впервые вводимых разделах в грамматику кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 37–44. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-37-44

Original article

ABOUT THE FIRST TIME INTRODUCED SECTIONS IN THE GRAMMAR OF THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Rita Kh. Dzuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© R.Kh. Dzuganov, 2022

Annotation. The aim of the study is to highlight some of the new sections of the grammar being created in the Kabardino-Circassian language. We are talking about such developments on topical issues of Adyghe studies, as forms of verbal formations not reflected in previous grammars, patterns of ablaut alternations in word formation, as well as a detailed analysis of interjections and onomatopoeia. The scientific novelty of the work lies in the fact that it reveals everything new that is contained in these sections, including the introduction of a new terminological apparatus. In the section on verbal formations, new forms are introduced: gerund, indefinite personal form, conditional form, alternatives, obligation, infinite form in *-mu*. The study of ablaut alternations reveals the complex processes of alternations, establishes the causes of certain linguistic transformations and how they are reflected in the language system. When establishing morphonological series, the interdependence of word-formation and morphonological phenomena becomes obvious. In the Interjections section, not only functional, morphological features of interjections and onomatopes are revealed, but also a detailed differentiation of their phonetic composition is carried out. The section under consideration introduces new materials on the analysis of textual and discourse-forming, contact-establishing (phatic) functions of interjections, the role of interjections and onomatopes in the formation of phraseological units, on syntactic features and methods of isolation in sentences, as well as substantiation of interjections and onomatopoeia, on borrowing. The work uses methods of descriptive, contextual analysis. The considered material showed that other sections are presented in the grammar in a revised, with the involvement of modern works, supplemented, expanded. Thus, we can conclude that the unique work being created, unlike previous traditional grammars, is of a research and information and reference nature, which contributes to a more complete coverage of the main problems of linguistic Adyghe studies.

Keywords: grammar, verbal formations, ablaut alternations, interjections, onomatopes, Kabardino-Circassian language

For citation: Dzuganova R.Kh. On the first introduced sections in the grammar of the Kabardian-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 37–44. (In Rus.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-37-44

Современные тенденции в исследованиях по адыгским языкам в настоящее время претерпели значительные изменения. В состав грамматики включаются ранее не вошедшие или мало исследованные разделы, в частности, такие, как «Новые формы отглагольных образований», «Закономерности аблаута», раздел «Междометия» и другие. В данной статье речь пойдет об этих новых разделах «Граматики кабардино-черкесского языка», которая находится в стадии завершения. Включение в орбиту исследования указанных разделов привело к пересмотру многих положений традиционной грамматики. Весьма плодотворным оказалось в этом отношении использование приемов синхронного плана, особенно применение морфологического и морфонологического анализа грамматического строя кабардино-черкесского языка, а также при описании характеристик новых форм отглагольных образований, играющих важную роль, как в словообразовании, так и в построении предложений. Кроме того, новшеством является внедрение национального терминологического аппарата для грамматики на кабардино-черкесском языке, что было сопряжено с определенными трудностями. Эту нелегкую работу взял на себя автор проекта и научный редактор новой грамматики, доктор филологических наук Б.Ч. Бижоев. Опорой ему послужил задел, сделанный авторами, ранее издававшими свои труды на кабардинском языке [Борукаев 1930, 1933], [Эльбердов 1945], [Урусов 1968], [Гяургиев, Дзасежев 1995].

Отличие новой грамматики от подобных изданий прошлых лет не только в том, что впервые кабардинцы и черкесы получают возможность изучать свой язык на родном языке, хотя и одного этого факта достаточно, чтобы оценить ее новизну и значимость. Ведь решиться на подобный шаг было не так просто, зная, что

не выработан научный стиль языка, отсутствует необходимая для решения задуманного плана терминология – еще всего несколько лет назад в распоряжении лингвистов-адыговедов имелись не более полутора десятка терминов. Учитывая все это, автор проекта Б.Ч. Бижоев сначала взялся за исправление данной ситуации – разработал глубоко обдуманную систему языковедческих терминов на базе кабардино-черкесского языка, которая в настоящее время включает в себя более 1200 единиц [Бижоев 2022].

Однако, как уже отмечено выше, новаторство этим не ограничено. Включение в орбиту исследования ряда новых разделов привело к пересмотру многих положений традиционной грамматики. Приемы лингвистического анализа, использованные в создаваемой грамматике, получили новую интерпретацию. Изменение методики анализа исследовательского материала с привлечением современных работ позволил автору проекта определить основные направления большинства разделов создаваемой грамматики. Иначе говоря, новый материал, входящий в настоящую грамматику, подвергается проверке и пересмотру в свете новых языковых явлений. Здесь же используются также методы и приемы, сложившиеся в исследованиях известных кавказоведов [Рогава, Керашева 1966], [Кумахов 1964, 1989], [Шагиров 1962, 2004], [Урусов, Таов 1995], [Бижоев 2005]. Таким образом, по-новому осмыслены многие словообразовательные и словоизменительные категории, как в системе имени, так и в системе глагола.

Более подробно остановимся на разделе об отглагольных образованиях, разработчиком которого является Б.Ч. Бижоев. Ученый уже многие годы изучает указанную область грамматики, этой теме посвящена значительная часть его исследований, в том числе отдельная монография [Бижоев 1991]. В фундаментальном издании «Кабардино-черкесский язык» [КЧЯ 2006] Б.Ч. Бижоев впервые раздельно привел такие формы, как инфинитив и масдар. До него часть исследователей считала, что в кабардино-черкесском языке наличествует только инфинитив, а другая группа, напротив, признавала только масдар. Б.Ч. Бижоев утверждает наличие в языке и того и другого, и подтверждает это убедительными аргументами. Теперь в новую грамматику он добавляет в раздел об отглагольных образованиях такие понятия, как герундий, неопределенная личная форма, условная форма, альтернатив, долженствование, инфинитная форма на *-ми*. Автор раздела аргументирует такое решение тем, что образуемые перечисленными формами в качестве зависимых предикатов инфинитные (дополнительные) конструкции являются важнейшей и в то же время малоизученной частью кабардино-черкесского синтаксиса, а дальнейшая подробная разработка указанных конструкций невозможна без выяснения сущности образующих их отглагольных форм, без их разносторонней грамматической характеристики.

Из перечисленных дополнительных конструкций, по наблюдениям Б.Ч. Биждоева, наиболее частотными являются герундий и альтернатив, а менее употребительными – условная форма и форма на *-ми*. Здесь он дает краткую характеристику этим грамматическим явлениям. Зависимые предикаты, – отмечает он в своем исследовании, – имеют формы словоизменения и словообразования. Категориями времени и лица обладают герундий, альтернатив, долженствование, условная форма и форма на *-ми*. Неопределенная личная форма изменяется по падежам.

Далее он перечисляет формы, свойственные зависимым предикатам. Это формы каузатива, соучастия, взаимности, совместности, возможности, версии, возвратности, избыточности, чрезмерности и некоторые другие формы. Вместе с тем, отмечает Б.Ч. Бижоев, имеются ограничения на употребление зависимых предикатов с формами словообразования. От зависимых предикатов не образуются также вопросительные формы. Что же касается отрицательной формы, то здесь встречаются жесткие семантические и морфологические ограничения на употребление ряда зависимых предикатов с префиксальной формой отрицания,

а суффиксальное отрицание и вовсе невозможно в зависимых предикатах. Как видно, морфологический потенциал разбираемых зависимых предикатов настолько сложен и различен, что каждая из отмеченных грамматических форм требует специального рассмотрения.

Однако важно то, что осуществлен значительный прорыв в данной области адыгской грамматики усилиями ведущих адыгovedов М.А. Кумахова, К. Вамлинг [Кумахов, Вамлинг 1998] и Б.Ч. Бижоева [Бижоев 2005]. Первые два из них открыли это направление в монографии «Дополнительные конструкции в кабардинском языке», изданном в Швеции. Б.Ч. Бижоев значительно развил его, достаточно отметить его уточненную классификацию альтернатива.

Сравнительно недавно в этом русле появилась статья, посвященная суффиксальному способу образования форм долженствования в адыгских языках, где рассматриваются формы долженствования, строящиеся с помощью глагольного суффикса *-пхъэ* [Дзуганова 2019: 167]. При этом анализ фактического материала показывает, что разные формы долженствования главным образом зависят от лексического содержания главного предиката, содержащего указанный суффикс. Это обязательные, вынужденные, необходимые, желательные, уверенные, готовые и другие формы. Здесь же отмечены некоторые морфологические особенности рассматриваемых конструкций. Так, в адыгских языках формы долженствования, имеющие негативное, отрицательное значение, допускают наличие отрицательных аффиксов как – префикса *мы-*, так и суффикса *-къым(-п)*. Например, в адыгейском языке: *Хъау, хъау, зи мы-Іуа-пхъэ п-Іуа-гъэ-п* [Тлюстен 1962: 56]. «Нет, нет, ты **не** сказал ничего такого, что **не** следовало бы». Сравни в кабардино-черкесском языке: *Шу псори зэбгъурыту макІуэ, псалъэм папцІэ, япэ и-мыщы-пхъэ хэтмэ, и шыр къыжъэдекъуэ, ауэ а шу къомыр атакэ кІуэуэ ежъакъэ – къыжъэдекъуэ-ныжъэдекъуэ щыІэжкъым, ихъэж и шым и къару къызэрхыкІэ теутІыпцхъауэ мажэ* [Кешоков 2005: 89]. «Все всадники (в строю) идут рядом, если вдруг у кого-то лошадь вырвется, а так **не должно быть**, всадник притормаживает ее, а если пошли в атаку – тут уже никого не остановить, все несутся что есть мочи».

Характерной особенностью моделей рассматриваемого ряда является ограничение в употреблении форм времен. Наличие у них только двух временных форм – перфекта I и перфекта II связано со многими факторами. Это может зависеть от типа долженствительной конструкции, семантики главного предиката, грамматической формы объектного причастия и т.д.

Один из разделов новой грамматики кабардино-черкесского языка посвящен выявлению закономерностей аблаута как в глагольном, так и в именном словообразовании. Исследованием данного направления много лет занимается автор данных строк. Сложным морфонологическим процессам в кабардино-черкесском словообразовании посвящена наша отдельная монография, а также несколько десятков научных статей: [Дзуганова 2005], [Дзуганова, Кумыкова 2015] и др. Впервые разделы «Аблаутные чередования в глагольном словообразовании» и «Аблаутные чередования в именном словообразовании» вошли в русскоязычную грамматику кабардино-черкесского языка [КЧЯ 2006: 149–153, 270–289]. Разделы, включенные в завершаемую в настоящее время грамматику, разработаны уже с учетом новейших данных, использованы более современные приемы исследования. Здесь выявлены лексические, грамматические, дистрибутивные особенности словообразовательных аффиксов, вызывающих аблаутные чередования. Раскрытие сложности процессов альтернатив позволяет обозначить причины тех или иных языковых преобразований и как они отражаются в языковой системе. Так, при установлении морфонологических рядов становится очевидной взаимообусловленность словообразовательных и морфонологических явлений. При прослеживании семантической направленности глагольных превербов и суффиксов обнаруживается, что направительные суффиксы в кабардино-черкесском языке по

своему значению сопоставимы со многими локальными превербами. Когда семантическая специализация очевидна, глагольный суффикс связан с превербом и не выступает без него, в то время как наблюдаются многочисленные случаи, когда глаголы с превербом допускают варианты без суффикса. Это подчеркивает, что связь преверба с основой является более прочной, чем суффикса с основой, что лишний раз оправдывает их более широкое распространение в языке. Превербы лексически более значимы, поэтому они и чаще влияют на изменение лексического содержания глагольной основы. Иначе говоря, суффикс морфологически связан с превербом, подчинен ему. Между тем морфонологические процессы, происходящие в глагольном словообразовании, определяются суффиксацией. Анализ альтернативных рядов позволяет констатировать наличие определенной тенденции в языке, сопровождающей альтернацию гласных. Так, при сочетании глагольной основы с локальными превербами корневая морфема последовательно оформляется огласовкой э. (**ы:э**). Включение суффиксальных морфем сопровождается возникновением другого типа аблаута **ы** (**э:ы**). Аблаутные чередования связаны с изменениями направления глагольного действия, с переходностью или непереходностью глагольного значения и т.п. При этом каждая суффиксальная морфема имеет свои особенности сочетаемости с локальными превербами. Для установления всей картины морфонологических явлений в области глагольного словообразования через их призму пропущен каждый из глаголообразующих суффиксов в отдельности. Их раздельное рассмотрение дает возможность наиболее четко выявить закономерности их функционирования. Такая необходимость диктовалась еще тем обстоятельством, что включение этих аффиксов в состав производящей основы сопровождается разными морфонологическими изменениями, которых можно контролировать только при индивидуальном анализе каждого суффикса.

В именном словообразовании аблаутные чередования наблюдаются большей частью в сфере словосложения. Установление причины изменений гласных в соединительной позиции сопряжено с рядом значительных трудностей. В кабардино-черкесском языке при построении сложных моделей путем сложения имеются определенные закономерности, регулирующие либо сохранение, либо восстановление или появление срединного гласного, поэтому интерпретация срединного гласного бывает различной. При анализе учитываются эти факты в той мере, насколько это возможно. Не игнорируются также структурные различия сочетающихся основ.

Отдельного внимания заслуживает и раздел новой грамматики, посвященный междометиям и ономатопам. Изучением междометий и звукоподражательных слов кабардино-черкесского языка в разное время занимались известные кавказоведы. Однако они в двухтомном коллективном труде «Кабардино-черкесский язык» занимают всего несколько страниц [КЧЯ 2006: 366–370]. В определении места междометий и ономатопов в системе кабардино-черкесского языка среди специалистов существуют некоторые разногласия. Например, Г.Ф. Турчанинов и М. Цагов считают, что междометия нельзя рассматривать как часть речи [Турчанинов, Цагов 1940: 159]. Б.Х. Балкаров, Х.З. Гяургиев, Х.Э. Дзасежев относят их к служебным частям речи, аргументируя отсутствием у них семантических и грамматических функций [Балкаров 1963: 47], [Гяургиев, Дзасежев 1995: 272]. М.А. Кумахов [Кумахов 1964: 256], А.К. Шагиров [Шагиров 2004: 202], Х.Ш. Урусов, Х.Т. Таов [Таов, Урусов 1995: 114], М.Л. Апажев [Апажев 2000: 60] указывают на функциональные особенности, отличающие их от знаменательных и служебных частей речи и выделяют как отдельную часть речи. Многие специалисты объединяют междометия и звукоподражательные слова в одну группу. Специалисты-адыговеды классификацию указанного разряда проводили следующим способом: а) по способу образования, выделяя первичные и производные; б) по половозрастному принципу (на «женские», «мужские», «детские»); в) по значению –

на эмоциональные, побудительные, этикетные. Ономатопы с функциональной точки зрения делились на три группы: в первую группу включали слова, употребляющиеся для понукания рабочего скота; во вторую группу входили слова, с помощью которых отгоняют животных; третью группу составляли слова-призывы, которые употребляются в удвоенной или утроенной форме.

Автор соответствующего раздела в новой грамматике А.А. Афаунова ранее посвятила специальное исследование данному лексико-грамматическому классу [Афаунова 2012], что позволило ей пересмотреть традиционную трактовку как о междометиях, так и о ономатопах. Выявленные ею варианты изъяснительных слов значительно расширили и дополнили представления о составе этой лексической категории. При классификации междометий А.А. Афаунова исходит из того, какие именно эмоции они могут выражать: положительные, отрицательные и многозначные или ситуативные (которые в зависимости от ситуации (контекста) могут передавать как положительные, так и отрицательные эмоции). На основе подробной проработки эмоциональных коннотаций автор подразделяет данный класс на подгруппы. Здесь выявляются не только функциональные, морфологические особенности междометий и ономатопов, но также проводится подробная дифференциация их фонетического состава. Очень важно, что в рассматриваемый раздел автор вводит новые материалы по анализу тексто- и дискурсообразующих, контактоустанавливающих (фатических) функций междометий, роли междометий и ономатопов в образовании фразеологических единиц, о синтаксических особенностях и способах обособления в предложениях, а также субстантивации междометий и звукоподражаний, о заимствовании междометий. Таким образом, комплексный анализ позволил А.А. Афауновой выстроить полную картину междометий и ономатопов в кабардино-черкесском языке.

Проведенный анализ показывает, что создаваемый уникальный труд – новая грамматика на кабардино-черкесском языке – носит научно-исследовательский и информационно-справочный характер. Соотношение исследовательского и справочного материала способствует более полному и достоверному освещению многих основных проблем кабардино-черкесской грамматики.

Список источников

Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык: Лексикология. Лексикография. Нальчик: Эльбрус, 2000.

Афаунова 2012 – *Афаунова А.А.* Семантико-грамматический анализ междометий и звукоподражаний кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2012.

Балкаров 1963 – *Балкаров Б.Х.* О принципах выделения частей речи в кабардино-черкесском языке // Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963.

Бижоев 1991 – *Бижоев Б.Ч.* Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик, 1991.

Бижоев 2005 – *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-фа, 2005. 348 с.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингвистических терминов. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. 172 с.

Борукаев 1930 – *Борукъуей Т.М.* Япэ лъэбакъуэ. Къэбэрдей Илыфбей. Налшык, Кэб.-Балькъ.издат-вэ, 1930. 104 н. (Борукаев Т.М. Первый шаг. Кабардинская азбука)

Борукаев 1933 – *Борукъуей Т.М.* Адыгэбзэ тхыль. Пэщэдзэ еджапгэхэм щаджыну грамматикэрэ тхэкIэ темэмрэ. Налшык, Кэб.-Балькъ.издат-вэ, 1933. 63 н. (Борукаев Т.М. Книга по кабардино-черкесскому языку. Грамматика и орфография для начальных классов).

Гяургиев, Дзасежев 1995 – *Гяургиев Х.З., Дзасежев Х.Э.* Учебник кабардинского языка для средних специальных учебных заведений, школ и классов с углубленным изучением родного языка: в 2-х ч. Нальчик: Эльбрус, 1995. Ч. I.

- Дзуганова 2005 – Дзуганова Р.Х. Морфонологические процессы в кабардино-черкеском словообразовании. Нальчик, 2005.
- Дзуганова, Кумыкова 2015 – Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М. Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.
- Дзуганова 2019 – Дзуганова Р.Х. Суффиксальный способ образования форм должностования в адыгских//Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 166–169.
- Кешоков 2005 – Кешоков А.П. Чудесное мгновение // Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 2005. 488 с.
- Кумахов 1964 – Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964.
- Кумахов 1989 – Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
- Кумахов, Вамлинг 1998 – Кумахов М.А., Вамлинг К. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Швеция: Лундский университет, 1998.
- КЧЯ 2006 – Кабардино-черкесский язык. В 2-х томах. Нальчик, 2006.
- Рogaва, Керашева 1966 – Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп, 1966. 462 с.
- Таов, Урусов 1995 – Таов Х.Т., Урусов Х.Ш. Сравнительная грамматика адыгских языков: учебное пособие. Нальчик: КБГУ, 1995.
- Тлюстен 1962 – Тлюстен Ю. Ожбанокoвы. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1962. 380 с.
- Турчанинов, Цагов 1940 – Турчанинов Г.Ф., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: АН СССР, 1940.
- Урусов 1968 – Урыс Хь.Щ. Адыгэбзэм и тхьдэ. Налшык: Эльбрус, 1968. 344 н.
- Шагиров 1962 – Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн-е изд-во, 1962. 215 с.
- Шагиров 2004 – Шагиров А.К. Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004.
- Эльбердов 1945 – Эльберд Хь.У. Адыгэбзэ грамматикэ. Синтаксис. Налшык: Къэбгoсиздат, 1945. 135 н. (Эльбердов Х.У. Адыгская грамматика. Синтаксис).

References

- APAZHEV M.L. *Sovremennyy kabardino-cherkesskiy yazyk: Leksikologiya. Leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language: Lexicology. Lexicography]. Nal'chik: El'brus, 2000. (In Russian)
- AFAUNOVA A.A. *Semantiko-grammaticheskij analiz mezhdometij i zvukopodrazhanij kabardino-cherkesskogo yazyka* [Semantic-grammatical analysis of interjections and onomatopoeia in the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik, 2012. (In Russian)
- BALKAROV B.H. *O principah vydeleniya chastej rechi v kabardino-cherkesskom yazyke* [On the principles of singling out parts of speech in the Kabardino-Circassian language]. IN: Voprosy opisatel'nyh grammatik yazykov Severnogo Kavkaza i Dagestana [Problems of descriptive grammars of the languages of the North Caucasus and Dagestan]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. (In Russian)
- BIZHOEV B.CH. *Prichastie v adygskih yazykah v sravnitel'nom osveshchenii* [Participle in the Adyghe languages in comparative light]. Nal'chik, 1991. (In Russian)
- BIZHOEV B.CH. *Grammaticheskie i leksiko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexical-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: El'-fa, 2005. 348 p. (In Russian)
- BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskiy i kabardino-cherkessko-russkiy slovari lingvističeskikh terminov* [Russian-Kabardino-Circassian and Kabardino-Circassian-Russian Dictionary of Linguistic Terms]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr», 2022. 172 p. (In Russian)
- BORUKAEV T.M. *Pervyj shag. Kabardinskaya azbuka* [First step. Kabardian alphabet]. Nalshyk, Keb.-Bal'k".izdat-ve, 1930. 104 p. (in Kabardino-Circassian)
- BORUKAEV T.M. *Kniga po kabardino-cherkesskomu yazyku. Grammatika i orfografiya dlya nachal'nyh klassov* [A book on the Kabardino-Circassian language. Grammar and spelling for elementary grades]. Nalshyk, Keb.-Bal'k".izdat-ve, 1933. 63 p. (in Kabardino-Circassian).

GYAURGIEV H.Z., DZASEZHEV H.E. *Uchebnik kabardinskogo yazyka dlya srednih special'nyh uchebnyh zavedenij, shkol i klassov s uglublennym izucheniem rodnogo yazyka: v 2-h ch.* [Textbook of the Kabardian language for secondary specialized educational institutions, schools and classes with in-depth study of the native language]. Nal'chik: El'brus, 1995. CH. I.

DZUGANOVA R.H. *Morfologicheskie processy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardino-Circassian word-formation]. Nal'chik, 2005. (In Russian)

DZUGANOVA R.H., KUMYKOVA D.M. *Principy opisaniya morfonologicheskikh yavlenij v glagole kabardino-cherkesskogo yazyka* [Principles of description of morphonological phenomena in the verb of the Kabardino-Circassian language]. IN: Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2–7. S. 1542–1545. (In Russian)

DZUGANOVA R.H. *Suffiksial'nyj sposob obrazovaniya form dolzhenstvovaniya v adygskih* [The suffixal way of forming the forms of obligation in the Adyghe]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12. № 5. P. 166–169. (In Russian)

KESHOKOV A.P. *Chudesnoe mgnovenie* [Wonderful moment]. IN: Sobr.soch. v 6-ti tomah. T. 2. Nal'chik: El'brus, 2005. 488 p. (In Russian)

KUMAHOV M. A. *Morfologiya adygskih yazykov. Sinhronno-diahronnaya karakteristika* [Morphology of the Adyghe languages. Synchronous-diachronous characteristic]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. (In Russian)

KUMAHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika adygskih (cherkesskih) yazykov* [Comparative-historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1989. 384 p. (In Russian)

KUMAHOV M.A., VAMLING K. *Dopolnitel'nye konstrukcii v kabardinskom yazyke* [Additional constructions in the Kabardian language]. Shveciya: Lundskej universitet, 1998. (In Russian)
Kabardino-cherkesskij yazyk. V 2-h tomah [Kabardino-Circassian language. In 2 volumes]. Nal'chik, 2006. (In Russian)

ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygejskogo yazyka* [Grammar of the Adyghe language]. Krasnodar-Majkop, 1966. 462 p. (In Russian)

TAOV H.T., URUSOV H.SH. *Sravnitel'naya grammatika adygskih yazykov: uchebnoe posobie* [Comparative grammar of the Adyghe languages: a textbook]. Nal'chik: KBGU, 1995. (In Russian)

TLYUSTEN YU. *Ozhbanokovy*. Majkop: Adygejskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 380 p. (In Russian)

TURCHANINOV G.F., CAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: AN SSSR, 1940. (In Russian)

URUSOV H. *Adygebzem i thyde (Istoriya adygskogo yazyka)* [History of the Adyghe language]. Nalshyk:El'brus, 1968. 344 p. (in Kabardino-Circassian)

SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noj leksikologii adygskih yazykov* [Essays on comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe kn-e izd-vo, 1962. 215 p. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. Nal'chik: El'-Fa, 2004. (In Russian)

EL'BERDOV H.U. *Adygskaya grammatika. Sintaksis* [Adyghe grammar. Syntax]. Nalshyk: K'ebgosizdat, 1945. 135 p. (in Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

R.Kh. Dzuganova – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

**АДЫГЭБЗЭ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭ)
ПЭЖЫРЫТХЭР ЗЭРЫЗЭФЭУВАР**

Абазэ Маритэ Мухэмэд инхыу

Гуманитар кэхутэныгэхэмкIэ институт – Федеральнэ кэрал бюджет шIэныгэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъккэр шIэныгэ центр» Федеральнэ шIэныгэ центрэм» и филиал, Налчык, Россие (Урысей), marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

© Абазэ М.М., 2022

Аннотаци. Статъяр къэбэрдей-шэрджэсыбзэ пэжырытхэр (орфографиер) зэрызэфIувам теухуаш. Лэжыггэр щыдгэхьэзырым зэгъэпщэныгэ, кэхутэныгэ Iэмалхэр кэдгэсэбэпаш. БзэшIэныгэлIхэм я еплыкIэ зэхуэмыдэхэмрэ я кэхутэныгэхэмрэ кырикIуахэр лъабжэ хуэтIаш. Ди статъям БищIо Б.Ч. адыгэбзэкIэ зэридзэклэ бзэшIэныгэм ехэлIа фIэщыггэцIэхэр (терминхэр) кэдгэсэбэпурэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и пэжырытхэм ехэлIа Iуэхугуэхэр щыдубзыхуаш. Мурад нэхьыщхьэу зыхуэдгэувыжар: пэжырытхэр зытет хабзэ нэхьыщхьэхэр кэхутэн, абыхэм кIэщIу тепсэлыыхьын, дэтхэнэми яIэ шхьэхуэныггэхэр гьэнэлэун. Ди мурадыр кыдэхьулэн папщIэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и пэжырытхэм кыкIуа гьуэгуанэм дриллэжаш. 1920 гэхэм кыщышIэдзауэ пэжырытхэм игьуэга зэхуэкIыныггэхэр кэдгэльэгуаш. КъызэщIэгткьуэжмэ, кыжылапхьэщ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм фонологие и лъэныкьуэкIэ и зэхэтыкIэри фонемэхэр зэрызэпэщIэувэри пэжырытхэм зэрызэхиггэкIыр, абы и мызакьуэкьуэуи ар грамматикэми, лексикэми зэрыпыщIар. Пэжырытхэм нэхьыщхьэу фонетикэ принципыр лъабжэ хуэхуаш, апхуэдэу шIыщытым и щхьэусыггуэр макхэм псалъэм зэхуэкIыныггэ зэрышагьуэтырщ. Фонетикэм нэмьщI морфологие, этимологие принципхэри кьеггэсэбэп.

Зэрыгьуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэ, пэжырытхэ, фIэщыггэцIэ (термин), фонетикэ, морфологие, лексикэ

Цитатэ кьызырыхэнхьыну: Абазэ М.М. Адыгэбзэ (къэбэрдей-шэрджэсыбзэ) пэжырытхэр зэрызэфIувар // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 45–51. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-45-51

Original article

**ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF SPELLING
IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE**

Marita M. Abazova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

© М.М. Abazova, 2022

Abstract. The article is devoted to the study of the ways of the formation of the spelling of the Kabardino-Circassian language. In this study, a comprehensive approach has been implemented to evaluate and systematize a wide range of sources on phonetics,

phonology, vocabulary and morphology of the Adyghe (Circassian) languages. The source base consists of the works of scientists-adygologists who have studied various aspects of the problem under study. To study spelling, as well as to determine its basic principles, a set of methods and techniques was used: comparative-historical, analytical. It is noted that the formation of the spelling of the Kabardino-Circassian language begins in the 1920s. It is directly related not only to the phonetics and phonology of the studied language, but also to morphology and vocabulary.

For the first time, a significant number of new linguistic terms are being introduced into scientific circulation (the list is attached at the end of the article), formed on their own language base. The author is Doctor of Philology B.Ch. Bizhoyev.

It is concluded that the spelling of the Kabardino-Circassian literary language is based on the phonetic principle, since the sounds in a word can vary depending on semantics and context. Along with the phonetic principle, morphological and etymological principles are also used.

Keywords: Kabardino-Circassian literary language, spelling, terminology, phonetics, morphology, vocabulary.

For citation: Abazova M.M. On the question of the formation of spelling in kabardino-circassian language. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2022; 3 (54): 45–51. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-45-51

Научная статья

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ОРФОГРАФИИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Марита Мухамедовна Абазова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, marita.abazova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7701-1133>

© М.М. Абазова, 2022

Аннотация. Статья посвящена изучению путей становления орфографии кабардино-черкесского языка. В данном исследовании осуществлён комплексный подход к оценке и систематизации широкого круга источников по фонетике, фонологии, лексике и морфологии адыгских (черкесских) языков. Источниковую базу составляют труды учёных-адыгovedов, которые изучали те или иные аспекты исследуемой проблемы. Для изучения орфографии, а также для определения её основных принципов был использован комплекс методов и приемов: сравнительно-исторический, аналитический. Отмечается, что становление орфографии кабардино-черкесского языка начинается с 1920-х годов. Она непосредственно связана не только с фонетикой и фонологией исследуемого языка, но и с морфологией и лексикой.

Впервые в научный оборот вводится значительное количество новых лингвистических терминов (список прилагается в конце статьи), образованных на собственной языковой базе. Автор – доктор филологических наук Б.Ч. Бижоев.

Делается вывод о том, что орфография кабардино-черкесского литературного языка основана на фонетическом принципе, так как звуки в слове могут меняться в зависимости от семантики и контекста. Наряду с фонетическим принципом используются также морфологический и этимологический принципы.

Ключевые слова: кабардино-черкесский литературный язык, орфография, терминология, фонетика, морфология, лексика

Для цитирования: Абазова М.М. К вопросу о становлении орфографии в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 45–51. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-45-51

Адыгэбзэ пэжырытхэм тхыгъэм щыгъуу къекъауэ, абы зыдеужь. Абы и тхыдэр 1920 гэхэм кыщожьэ. Адыгэбзэ пэжырытхэр зэфгъуэвэнымкIэ япэ лъэбакъуэхэр ичауэ щытащ Бoryкъуей ТIутIэ [Борукаев 1932, 1936, 1937],

адэкIэ абы зрагъэуужьащ Елберд Хъэсэн [Эльбердов 1946], КIыщокъуэ Алим [Кешоков 1946], Урыс Хъэтэлий, Зэхъуэху Лиуан [Урусов, Захохов 1963, 2005], Урыс Хъэтэлий [2000] сымэ, нэгъуэщIхэми. Абыхэм къэбэрдей-шэрджэсыбзэ пэжырытхэр гъащIэм хэпща хунымкIэ, зы мардэм тету цIыхухэр тхэ хунымкIэ лэжыггэщхуэ ирагъэкIуэкIащ.

Адыгэбзэм тхыггэ игъуэту абы еджапIэхэм шыхурагъаджэ зэрыхуэ лъандэрэ тхэкIэм и хабзэхэми хуэмурэ зэфIэувэу щIадзащ. Япэ дыдэу къэбэрдей-шэрджэс пэжырытхэм и хабзэр фонетикэ, морфологие принципхэм тету зэхэзылхъауэ щытар Бoryкъуей ТIутIэщ. Ар щыубзыхуащ 1932 гъэм абы кыдыггэкIа къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и грамматикэм [Борукаев 1932]. Бoryкъуейм лъабжэ морфемэхэр кызырапсэлым хуэдэу тхамэ нэхыфIу кельытэ, ауэ фонетикэ принципмрэ морфологие принципмрэ щхэ лъабжэпэхэм я тхыкIэм щызэдэщIыгъуш [Борукаев 1932: 12]. 1936 гъэм Бoryкъуей ТIутIэ адыгэбзэм и пэжырытхэ хабзэм и япэ проектър [Борукаев 1936] кыдыггэкIащ, 1937 гъэм адыгэбзэкIи урысыбзэкIи ар кыдыггэкIыжаш [Борукаев 1937]. ИужькIэ 1938 гъэм Налшык кышщыдэкIащ адыгэбзэм и пэжырытхэм и проект [ПКЧО 1938].

Адыгэбзэм 1939 гъэ пщIондэ правительствэм къищтауэ пэжырытхэ хабзэ иIакъым, ауэ 1936, 1937, 1938 гъэхэм ягъэхъзырауэ щыта проектым тету къекIуэкIащ. Профессор Яковлев Н.Ф. зи унафэщI правительствэ комиссэм Бoryкъуей ТIутIэ и проектър и лъабжэу зэхалхъа пэжырытхэр 1939 гъэм къищтауэ щытащ [КЧО 1939]. Проектым кыггэуэвт макъзешитI зэхэль *уы*, *уу*-хэм я пIэкIэ макъзешэ *у* тхын хуейуэ: *уынэ – унэ, бзыу – бзу*; IупщIэIуш макъхэм я ужькIэ *ы* мытхыныр: *гъудэ, хупхъэ*; пычыгъуэ *йы*-р *и*-кIэ тхыныр. 1939 гъэм къащтауэ щытащ текъузэ зытель *е*, *и*-хэм я ужькIэ псалъэпкъым и кIэм *й* щытхыныр, псалъэм папщIэ: *Алий, шейтIан, пцIуй*, н.; кIэух-лъабжэуужь *-уэ*, *-у*-хэм я тхыкIэри.

Зи гугъу тщIы зэманым зыкъомкIэ зэIубз хуащ адыгэбзэм кыыхыхъа урыс псалъэхэм я тхыкIэри. Урысыбзэ, хамэбзэ псалъэхэу адыгэбзэм кыыхыхъахэм я псалъэпкъым зэхъуэкIыныггэ игъуэтыркъым, ауэ я кIэм макъзешэ эятх (*общество*, *техника*, *политика*, н.), тхыпкъзешэ *ё*-р урысыбзэм е хамэбзэм кыыхэкIыу адыгэбзэм кыыхыхъа псалъэхэм щатх (*пулемёт*, *шофёр*, н.), тхыпкъзешэ *о*-р урысыбзэ псалъэу адыгэбзэм кыыхыхъахэм я пэм щатх (*одеколон*, *офицер*), ауэ адыгэбзэ псалъэхэм я пэм *о* щатхыркъым; тхыпкъзешэ *ю*-ри кышцаггэсэбэпыр нэхыбэрэ урысыбзэ псалъэу адыгэбзэм къищта цIэ унейхэрщ: *бюро*, *парашиот*, *Юрэ*, *Iэюб*.

Урысыбзэ псалъэу адыгэбзэм кыыхыхъахэм зыггэбыдэ дамыггэм (*ь*) зэпэщIэзык къалэн щеггэзащIэ (*съезд*, *субъект*, *объект*), зыггэщабэ дамыггэ *ь*-р зэпэщIэзык дамыггэуи, зи ужь ит макъ дэкIуашэр зэрышчабэм и дамыггэуи къаггэсэбэп (*пьеса*, *статья*, *тетрадь*). Адыгэбзэм къищта языныкъуэ урыс псалъэхэр фонетикэ зэхъуэкIыныггэ ямыггэуэтауэ бзэм кыыхохъэ, псалъэм папщIэ: *кассэ*, *коллектив*, *аэродром*, *пианино*, н.

Урысыбзэм, хамэкъэралыбзэхэм къахэкIа шыIэцIэхэм кIэух *ий*-р пымыту адыгэбзэм щатх: *алюмин*, *пролетар*. Ауэ языныкъуэ псалъэхэм кIэух *ий*-р кышщызэтенауэ бзэм дыщрохьэлIэ (*магний*, *кальций*, н.). Бзэм псалъэ гуп хэтщ кIэух *ий*-м и пIэкIэ э псалъэм щатхыу: *санаторэ*, *служащэ*, *работэ* [БРКЧС 2021].

Елберд Хъэсэнрэ КIыщокъуэ Алимрэ пэжырытхэ хабзэм зэхъуэкIыныггэ гуэрхэр халххэри 1946 гъэм кыдаггэкIыжыгъащ [КЧО 1946]. Ауэ абыи и кIэм нэсу пэжырытхэм и хабзэ нэхышхъэхэр убзыхуа шыхъуакъым, зи тхыкIэ хабзэм арэзы укымыщI, гъэтэмэмын хуейхэри хэтт. 1963 гъэм Урыс Хъэтэлийрэ Зэхъуэху Лиуанрэ а пэжырытхэр теггэщIапIэ ящIщ икIи ираггэфIакIуэри «Адыгэбзэ орфографиэмрэ пунктуацэмрэ я хабзэхэр» [Урыс, Зэхъуэху 1963] тхылыр кыдаггэкIащ. Пэжырытхэм арэзы укъэзымышI, е зэхъуэкIыныггэ зыггэуэтын хуей хабзэхэр щызэраггэггэуэжаш, апхуэдэуи пэжырытхэм нэхъапэм хэмыта

зыкьоми щлэуэ хагъэхьащ. Псалъэм папщлэ, 1946 гъэм кызырацтамклэ –*ство*-р адыгэбзэм –*ствэ*-уэ ятх (щылэцлэм пыт лъабжьэужь –*ство*-р адыгэбзэм лъабжьэужь –*ствэ*-уэ щатх, шапхъэ: *производство, хозяйствэ, обществэ, правительствэ*). Зи гугъу тщлэ пэжырытхэм япэ дьдэу хабзэ щашлэ адыгэ унэцлэхэм я тхыклэр, абы итщ лъабжьэужь – *хэ*-р, урысыбзэ клэуэ пымыту бзэм кызырэщапсэлым хуэдэу тхын хуейуэ.

Пэжырытхэм кызырэщлэуэ бзэщлэныгъэмехьэллэупщлэкуэд. Арбзэщлэныгъэ и лэныкыуэклэ къэпхутэн щхьэклэ, псом япэ бзэм фонологие и лэныкыуэклэ и зэхэтыклэр, фонемэхэр зэрызэпэщлэуэр зэхэгъэкыпхьэщ. Пэжырытхэр зэпхар фонетикэмрэ фонологиэмрэ я закыуэкыым, атлэ грамматикэми, лексикэми пыщлэщ. Абы кызырэщлэуэ псалъэхэм я зэхэтыклэр, псалъэ кэхьуклэмрэ синтаксисымрэ (тхыгъэм морфемэмрэ псалъэмрэ ялэ зэщхьэщыкыныгъэхэр кышыгъэлыгъуэныр, псалъэ зэхэлымрэ псалъэ гупымрэ зэрызэхэгъэкхэр, н.).

Къэбэрдей-Балъкър АССР-м и Верховнэ Советым и Президиумым и унафэклэ 1963 гъэм майм и 20-м адыгэбзэр иджыпсту зытет «Адыгэбзэ пэжырытхэмрэ нагъыщэ гъэувыклэмрэ я хабзэхэр» жыхуилэр къащтащ. Адыгэбзэ пэжырытхэр тетщ фонетикэ, морфологие принцип нэхьыщхьитлым. Бзэм нэхь къезэгъыр кызырапсэлым хуэдэу тхыжын хабзэрщ, нэгъуэщлэу жыплэмэ, фонетикэ принципырщ.

Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм макъ дэклэуашэхэми макъзешэхэми я клэуэцлэ фонетикэ хабзэхэр илэщ [Абазэ 2021: 10]. Адыгэбзэ пэжырытхэм фонетикэ принципыр лъабжьэ щлэуэхьум щхьэузыгъуэ илэщ – ар макъхэм псалъэм зэхьукыныгъэ зэрыщагъуэтырщ, псалъэщлэхэм хэт фонемэхэм нэгъуэщлэ къэпсэлыкылэ ялэ зэрыхьурщ, абы кыхэклэ псалъэм и мыхьэнэр гурылуэгъуей, языныкыуэклэ нэгъуэщлэ кыкылэ зэрыхьурщ. Псалъэм папщлэ, псалъэклэм кышыкылуэ макъзешэ *ы*-р текъузэ темыхуэжмэ покыуэдыкы: *хы – тхылых, тхуы – махуитху*, н.; лъабжьэпэхэм я клэуэцлэ макъзешэ *э, е, и*-хэр *ы*-м хуэклэуэ хабзэщ: *кыхын – кызох, незгъэхьащ – нызогъэхь, кэхьын – кызохь*. Адыгэбзэм и пэжырытхэ хабзэмклэ макъ дэклэуашэ дэгурэ жыгыжыгърэ зэбгъэдэуэкыым, псалъэм апхуэдэ макъхэр щызэрихьэлэклэ япэ итыр кыкылэлыкылуэм жыгыжыгъ, дэгуклэ ещхь мэхьу, абы зэреджэр и клэм кытитым ещхь хуныгъэщ: *содэ – здащ, соджэ – зджащ, абы хуэдэ – апхуэдэ*; щхьэ лъабжьэпэ *д-р т-уэ* ятх, макъ дэклэуашэ дэгум, пытлэм бгъэдэуэмэ: *къэтхьащ, тцлэащ, тццэфлэащ*.

Фонетикэ тхыклэм ипкы итклэ, лэжыгъэцлэхэм хэт текъузэ зытемыхуэж *а-р э-уэ* къапсэлэ хьуащ (*лажьэ-лэжьащ, къащтэ – къэщтэн, къаплэ – къэплэн*).

Гъэнахуэ псалъэ зэпхэхэр зэпыту ятх:

– гъэнахуэ псалъэ зэпхэхэм щыщу иужь итыр (щылэцлэ *е* плыфэцлэр) пычыгъуэ закыуэрэ и клэр *ы, э*-клэ иухмэ (*унэцлэ, выфэ*);

– псалъэ зэпхэитлым япэ ит псалъэр *о, у*-клэ иухрэ псалытлым ззыпх *у (уы)* дэтмэ (*фоупс, пкьоужь*);

– псалъэ зэпхэитлым япэ итыр тхыпкы дэклэуашэклэ иухрэ ззыпх *ы* дэтмэ (*шэнттыщхьэ, тхылыщлэ*);

– зыгъэналуэ псалъэ зэпхам щыщу иужь итыр бжыгъэцлэ *тлу, шы, плы, тху, блы, и, бгъу, пщлы, шэ-рэ*, а зыпыувэхэм я кум ззыпх *уи, и* кыдэуэрэ, щылэцлэм и клэр тхыпкы *о, у, ы, э, а, я*-клэ иухмэ (*боуищлэ, шындырхьуоуищлэ, бзуибгъу*);

– зи щхьэ хушымытыж еигъэ цлэпапщлэхэу *си, ди, уи, фи, и, я, зи*-хэмрэ абы я ужьклэ щыт псалъэмрэ гъэзэщлэну щытрэ щхьэ лъабжьэпэ пыувэмэ, а псалъэмрэ цлэпапщлэмрэ сыт щыгъуи зэпыту ятх (*узиадэщ, фыдикыуажэгъуэщ, сывигысэщ*).

Адыгэбзэ пэжырытхэр фонетикэ тхыклэм кышытэклэ щылэщ. Лъабжьэгъусэ *зы-, зэ-, зэдэ-, зыдэ-, здэ-, къэ-, къуэ-, лы-, лу-*хэр морфологие тхыклэм тету тхын хуейуэ щыжылащ пэжырытхэм. Псалъэм папщлэ, лъабжьэпэ *зы*-мрэ *зэ*-мрэ я лүклэклэ зэтэхуэу, ауэ я мыхьэнэклэ зэщхьэщыкылуэ псалъэ куэдым кыщапсэлэ, ауэ пэжырытхэм и хабзэмклэ абыхэм я тхыклэр зэхэгъэклэ мэхьу: *зэтелхьэн*

ГэлыщIыр – *зытельхээн мэжур*; *зыдэшэ* (пщIыгъуу) – *зэдэхэ* (лэжыгъитIыр); *кьоплэ* (си деж) – *кьуоплэ* (бжэкъуагъым), н.

Фонетикэ, морфологие тхыкIэм нэмышI, адыгэбзэ пэжырытхэм къегъэсэбэп этимологии, хабзэ хуэхъуа, зэхэщхэхукIыныгъэ (н.ж. дифференциация), елыта (условнэ) тхыкIэхэри [Пазов 2000].

Адыгэбзэм хэтщ псалтэ куэд я къэпсэлъыкIэкIэ зэтемышуэу, ахэр зы тхыкIэм тебгъэувэн щхэкIэ, псалтэр къызэрыхъуар, къызытекIар, зэрызиужьыр зэхагъэкIын хуейщ, псалтэм папщIэ, *пхэмгъу* – *пхэмбгъу* – *пхэбгъу*, зэратхыр – *пхэбгъу* (*пхэ+бгъу*); *лъамтIэ* – *лъамцIэ*, зэратхыр – *лъамцIэ* (*лъэ+тIэ* морфемэхэр зэхыхэри къэхъуаш).

Адыгэбзэм хэтщ псалтэ зыбжанэ, зэмышхъу къапсэлъу, ауэ тхыкIэ пыухыкIа яIу: *кьулэн* – *кьуэлэн*, *къажэр* – *къэжэр*. Хабзэ хуэхъуа тхыкIэм тет псалтэхэр зэратх хабзэм тегъэщIапIэ щхэхуэ иIэкъым, зэресам хуэдэу ятхуу аращ.

ЗэхэщхэхукIыныгъэ тхыкIэми тетщ ди пэжырытхэр, нэгъуэщIу жыпIэмэ, зэщхъу къапсэлъ, ауэ я мыхьэнэкIэ зэмыкIуапIэ псалтэхэр зэмышхъу итхрэ абыкIэ лексикэ-морфологие мыхьэнэр зэхигъэкIыу апхуэдэщ, псалтэм папщIэкIэ, *псо* (зыкъэмынэу) – *псэур* (ныкьуэу щымытын, псэун) жыхуиIэхэр, нэгъуэщIэхэри.

Елыта тхыкIэр къагъэсэбэп тхыгъэр нэхь кIэщI щIын мурадкIэ. Абы и шапхэщI IупщIэIуш макъ дэкIуашэхэм я ужькIэ, къапсэлъу щытми, **ы** зэрамытхыр (*у[ы]нащхэ*, *ху[ы]жь*, *гъу[ы]дэ*, н.). Мы тхыкIэр бзэм къозэгъ, сыт щхэкIэ жыпIэмэ апхуэдэ макъхэм я ужькIэ *ы* дымытхми, ар къыдопсэлъ.

Щхэ лъабжьэпэ **с-**, **д-**, **ф-**хэм я ужь **ы** ятхыркъым тхыпкъ дэкIуашэ **р** къащыкIэлъыкIуэм деж. Псалтэм папщIэ: *с[ы]рилэжъащ*, *д[ы]рижащ*, *ф[ы]ришащ*. Мы хабзэр 1939 гъэ лъандэрэ шыIэщ, ауэ 1963 гъэм къыдэкIа пэжырытхэм и ужькIэщ къагъэсэбэпу шыхуежъар.

Елыта тхыкIэ хабзэхэм шыщI пычыгъуэ **йы-**р къыкIыу хьэрфзешэ **и** зэрыттхыр (*и[йы]н*, *дэкIуэ[йы]н*, *и[йы]ихыкIын*, *и[йы]выкIын* [Дзуганова 2016: 203–204]); макъ пIыгIахэм я пэ иту **пI**, **тI**-хэр къыщыкIуэм деж **п**, **т**-уэ ятх (*тIцIы*, *тIкIуаткIуэ*). Тхыпкъзешэ **а-**м макъзешэ **э** кIэщI къыгъэлыгагъуэу псалтэпэм, псалтэкум (лэжыгъэцIэхэм къищынэмышIа адреи псалтэ лъэпкъыгъуэхэм) щатх: *адыгэ*, *абгъуэ*, *мазэгъуэ*, *хадэхэкI*, *лъаганIэ*, н. ЛэжыгъэцIэхэм къапсэлъ макъыр **а-**ми, **э-**ми апхуэдэ дыдэу щытхыныр лэжыгъэцIэ тхыкIэм тетщ: *лажъэ* – *лэжъэн*, *псалтэ-псэлъэн*, *макIуэ* – *мэкIуэж*, н. Тхыпкъзешэ **е-**р пычыгъуэ **йэ** къыгъэлыгагъуэу псалтэпэм, тхыпкъзешэм и ужькIэ ятх: *егъэджакIуэ*, *ежэлэн*, *цIэкIуен*, *уае*, н. [СКЧЯ 1999]. Адыгэбзэм тхыпкъзешэ **ы-**р ятх, адыгэбзэ макъзешэ **ы** къыгъэлыгагъуэу псалтэпэм, псалтэкум, псалтэкIэми: *ыIы*, *псысэ*, *дыгъэ*, *угъурлы*, *арэзы*. Тхыпкъзешэ **ы-**р тхыпкъ дэкIуашэ *г*, *гъ*, *к*, *кI*, *къ*, *кхъ*, *х*, *хъ*, *I*-хэмрэ тхыпкъзешэ **у-**мрэ я кум зэпэщIэзых дамыгъуэ къыщокIуэ IупщIэIуш макъ дэкIуашэхэм хэмыгъуэщэн папщIэ: *зэхыумыхыу*, *пыгуфIыкIыу*, *макъыу*, *иIыгыу*, н.

КъызэщIэткъуэжмэ, адыгэбзэр нэхьыщхъуэ икIи нэхьыбэу фонетикэ тхыкIэм зэрытетым ди пэжырытхэр нэхь тынш ещI. Абы адыгэ пэжырытхэм дежкIэ иIэ мыхьэнэм имызакъуэу пэжырыпсалтэм и мардэхэр зэфIэувэнымкIи, литературэбзэм зиужьын папщIи къалэнышхуэ егъэзащIэ, сыт щхэкIэ жыпIэмэ зэрыттхым хуэдэу къэтпсэлъу досэри.

Мы статьям щIэуэ къыщыдгъэсэбэпа фIэщыгъэцIэхэр:

IупцIэIуш макъхэр – **лабиализованные звуки**

IупцIэIуш макъ дэкIуашэ – **лабиализованные согласные**

гъэзэщIэн – **сказуемое**

гъэнэхуа псалтэ зэтха – **определенные словосочетания**

елыта – **условный**

еицхъ хъуныгъэ – **ассимиляция**

зыгъэбдыдэ дамыгъэ – **твёрдый знак**
зыгъэщабэ дамыгъэ – **мягкий знак**
зэхэщхьэхукІыныгъэ – **дифференциация**
кІэух-лъабжьэужь – **суффикс**
лэжьыгъэцІэ – **глагол**
пэжьырыпсалъэ – **орфоэпия**
пэжьырытхэ – **орфография**
текъузэ – **ударения**
тхыпкъ – **буква**
тхыпкъзешэ – **гласная буква** [Бижоев 2022].

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Абазэ 2021 – Абазэ М.М. Адыгэбзэм щекІуэкІ фонетикэ зэхуэжІыныгъэхэр // В сборнике: Адыгэбзэхэм я грамматикэм и Іуэхугъуэ зэІумыбзхэр. Нальчик: «Принт Центр», 2021. С. 9–16. (Фонетические изменения в кабардино-черкесском языке // Спорные вопросы грамматики адыгских (черкесских языков). Нальчик: «Принт Центр», 2021. С. 9–16).

Адыгэ псалъалъэ 1999 – *Адыгэ псалъалъэ*. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Словарь лингвистических терминов. Нальчик: Принт Центр, 2022. 171 с.

Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарский Облнаниздат, 1932. 140 с.

Борукаев 1936 – *Борукаев Т.М.* Правила правописания кабардино-черкесского языка. Нальчик: Каббалнаиздат, 1936 (тип. им. Революции 1905 г.). 34 с.

Борыкъуей 1937 – *Борыкъуей П.* Къэбэрдэ-черкесыбзэм и орфограф тхыкІэ хабзэхэр. Налшык, 1937.

БРКЧС 2021 – *Большой русско-кабардино-черкесский словарь*. Б.Ч. Бижоев, Х.Ч. Жилетежев, Д.М. Кумыкова, Х.Т. Тимижев. Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. 792 с.

Дзуганова, Бижоев 2016 – *Дзуганова Р.Х., Бижоев Б.Ч.* Синонимия превербов в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 4 (66). 2016. С. 201–205.

КЧО – *Кабардино-черкесская орфография*. Утв. НКП РСФСР; Н.-и. ин-т нац. культуры КБАССР / Утв. НКП РСФСР; Научно-исследовательский ин-т национальной культуры КБАССР. Нальчик : Каббалкгосиздат, 1939. 48 с.

КЧО – *Кабардино-черкесская орфография*: Утв. Министерством просвещения РСФСР / под ред. А. Кешокова, Х. Эльбердова; Кабард. науч.-исслед. Ин-т при Совете Министров Кабард. АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. 36 с.

Пазов 2000 – *Пазов А.Х.* Лингвистические основы кабардино-черкесской орфографии. Автореф. на соис. Учен. степ. канд. ф.н. Нальчик, 2000. 17 с.

ПКЧО – *Проект Кабардино-черкесской орфографии*. Нальчик: Кабардино-Балкарск. гос. изд-во, 1938. 45 с.

Урыс 2000 – *Урыс Хь.Ш.* Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 358 с. (Урусов Х.Ш. История кабардинского языка. Налшык: Эльбрус, 2000. 358 с.).

Урыс, Зэхуэжхуэ 2005 – *Урыс Хь.Ш., Зэхуэжхуэ Л.Г.* Адыгэбзэ пэжьырытхэмрэ нагъыщэ гъэувыкІэмрэ я хабзэхэр. Нальчик: Эльбрус, 2005. 284 с. (Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г. Правила орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2005. 284 с.).

Урыс, Зэхуэжхуэ 1963 – *Урыс Хь.Ш., Зэхуэжхуэ Л.Г.* Адыгэбзэ орфографиэмрэ пунктуациэмрэ я хабзэхэр. Налшык: Къэб.-Балкъ. тхыль тедзапІэ, 1963. 259 н.

References

ABAZE M.M. *Foneticheskie izmeneniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Phonetic changes in the Kabardino-Circassian language]. In: Spornye voprosy grammatiki adygsikh

(cherkesskikh yazykov) [Controversial issues of grammar of Adyghe (Circassian languages)]. Nal'chik: «Print Tsentr», 2021. S. 9–16. (in Kabardino-Circassian).

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

BIZhOEV B.Ch. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nal'chik: Print Tsentr, 2022. 171 s. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskii Oblnatsizdat, 1932. 140 s. (In Russian)

BORUKAEV T.M. *Pravila pravopisaniya kabardino-cherkesskogo yazyka* [Spelling rules for the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: Kabbalnatsizdat, 1936 (tip. im. Revolyutsii 1905 g.). 34 s. (In Russian)

BORYK'UEI TI. *K'eberdei-cherkesybzem i orfograf tkhykle khabzekher*. Nalshyk, 1937. (in Kabardino-Circassian)

Bol'shoi russko-kabardino-cherkesskii slovar' [Large Russian-Kabardino-Circassian dictionary]. B.Ch. Bizhoeff, Kh.Ch. Zhiletezhiev, D.M. Kumykova, Kh.T. Timizhev. Nal'chik: OOO«Fregat», 2021. 792 s. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

DZUGANOVA R.Kh., BIZhOEV B.Ch. *Sinonimiya preverbov v kabardino-cherkesskom yazyke* [Synonymy of preverbs in the Kabardino-Circassian language]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [Knowledge of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. № 4 (66). 2016. S. 201–205. (In Russian)

Kabardino-cherkesskaya orfografiya [Kabardino-Circassian spelling]. Utv. NKP RSFSR; N.-i. in-t'nats. kul'tury KBASSR / Utv. NKP RSFSR; Nauchno-issledovatel'skii in-t natsional'noi kul'tury KBASSR. Nal'chik : Kabbalkgosizdat, 1939. 48 s. (In Russian)

Kabardino-cheresskaya orfografiya [Kabardino-Circassian spelling]: Utv. Ministerstvom prosveshcheniya RSFSR/ Pod red. A. Keshokova, Kh. El'berdova; Kabard. nauch.-issled. In-t pri Sovete Ministrov Kabard. ASSR. Nal'chik: Kabgosizdat, 1946. 36 s. (In Russian).

PAZOV A.Kh. *Lingvisticheskie osnovy kabardino-cherkesskoi orfografii* [Linguistic foundations of Kabardino-Circassian orthography]. Avtoref. na sois. Uchen. step.kand. f.n. Nal'chik, 2000. 17 s. (In Russian)

Proekt Kabardino-cherkesskoi orfografii [Project of Kabardino-Circassian spelling]. Nal'chik: Kabardino-Balkarsk. gos. izd-vo, 1938. 45 s. (In Russian)

URYS Kh'.Shch. *Adygebzem i tkhyde* [Adygebzem and Thyde]. Nalshyk: El'brus, 2000. 358 s. (in Kabardino-Circassian)

URYS Kh'.Shch., ZEKHUEKHU L.G. *Adygebe pezhrytkhemre nag'yshche g'euyklemre ya khabzekher* [Rules of spelling and punctuation of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: El'brus, 2005. 284 s. (in Kabardino-Circassian)

URYS Kh'.Shch., ZEKHUEKHU L.G. *Adygebe orfografiemre punktuatsemre ya khabzekher*. Nalshyk: K'eb.-Bal'k'. tkhyl' tedzapple, 1963. 259 n. (in Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Абазэ М.М. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьбакIуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

М.М. Абазова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.M. Abazova – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

**АДЫГЭ ЛЕКСИКОГРАФИЕ ЗЫУЖЬЫНЫГЪЭМ И ЛЪЭХЪЭНЭЩІЭ
(I Ыхъэ – 1950–1975 гъэхэр)**

АфІэунэ Анджелэ Анэтолэ инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Налшык къалэ, Урысей, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© АфІэунэ А.А., 2022

Аннотациэ. Статъям къышыгъэлыгъуаш е-XX-нэ лІэщІыгъуэм къыдэкла адыгэбзэ псалъалъэхэм я зэпкърыхыныгъэр. Материалыр куэд зэрыхъум къыхэкІкІэ лэжыгъэр ЫхъитІ ищІыкІащ. Мы статъям къышыгъэлыгъуар къэхутэныгъэм и япэ Ыхъэрщ. Псалъалъэхэм я теплър, я ухуэкІэр, зэрызэщхъэщыкІ лІэужыгъуэхэр, щхъэхуэныгъэ, ехъулэныгъэ яІэхэр, ахэр еджэныгъэми адыгэ бзэщІэныгъэми щхъэпэ зэрахуэхуныр шыубзыхуаш. Къэхутэныгъэм и мурад нэхъыщхъэр – 1950 гъэм шыщІэдзауэ 1975 гъэм нэс къыдэкла псалъалъэхэр псори къызэщІэкъуауэ абыхэм тетхыхынырщ, я мыхъэнэр зэхэгъэкІынырщ.

ЩІэуэ лэжыгъэм хэлъыр – адыгэбзэкли урысыбзэкли мы темэм теухуа тхыгъэ хъа зэрышымыІэм къыхэкІкІэ мыпхуэдэ зэпкърыхыныгъэм япэ дыдэу зызэрапщытарщ. Абы нэмыщкІкли нэщэнэ нэхъыщхъэ дыдэу тхыгъэм хэлъхэм ящыщц филологие шІэныгъэхэмкІэ доктор БищІо Б.Ч. адыгэбзэм хузэхилъха бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэщІэхэр къызэрыщыхар.

Статъям къышыгъэсэбпащ бзэщІэныгъэ къэхутэныгъэ методхуэ кІэлышлгыныгъэ, зэпкърыхыныгъэ, тетхыхыныгъэ, ззыгъащцэ-зэпзыгъуэув зэпкърыхыныгъэхэр.

Къэхутэныгъэм кърыкІуар шыхъэт тохуэ адыгэбзэр лъабжъэ зыхуэхуа псалъалъэ зэмылІэужыгъуэ куэд дунейм къызэрытехар: мыхъэнэгъэнахуэ, зэыздзэкІ, псалъафэ, зэмыхъэнэгъу, н. Псалъащхалъэр къызэгъэпэщын папщІэ къэгъэсэбпа хуащ ипэкІэ къыдэкла псалъалъэхэр, художественнэ литературэр, Іуэрыуатэр, зэхуэхъесауэ шыІэ картотекэхэр, н. Лэжыгъэм шыубзыхуаш зэпкърыха псалъалъэхэр лексикографие къыдэкІыгъэхэм къыхуагъуэув хабзэхэм зэрыхуэкІуэр, адыгэ бзэщІэныгъэм зегъэужьын папщІэ мыхъэншхуэ зэриІэм, икІи, шэч хэмылгу, урысыбзэри адыгэбзэри фІыуэ зэрызэрагъэщІэфын Іуэхугъуэм, бзэр нэхъ шэрыуэ, къулей хъуным зэрытелъжэным.

Зрыгъуазэ псалъэхэр: адыгэбзэ, грамматикэ, лексикографие, псалъалъэ, гуэшыныгъэ

Цитатэ къызэрыхэлхыну: АфІэунэ А.А. Адыгэ лексикографие зыужыныгъэм и лъэхъэнэщІэ (I Ыхъэ – 1950–1975 гъэхэр) // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 52–60. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-52-60

Original article

**A NEW STAGE OF THE DEVELOPMENT OF ADIGE LEXICOGRAPHY
(I part – 1950–1975)**

Angela A. Afaunova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© А.А. Афаунова, 2022

Abstract. The article evaluated the dictionaries of the Kabardino-Circassian language, published in the twentieth century. Due to the large volume, the material is divided into two parts. This paper presents the first part of the study. It describes the content, structural, typical features of dictionaries, highlights their merits, evaluates their usefulness both for general education and for scientific activity. The main purpose of the work is to collect all the dictionaries of the Kabardino-Circassian language published in the period from 1950 to 1975, to give a general overview, analyze and determine their meaning.

The novelty of the work lies in the fact that there are no in-depth studies on the topic either in Kabardino-Circassian or in Russian, thus such a study is being conducted for the first time. Also, one of the main innovations is the use of B.Ch. Adyghe linguistic terms.

The work uses such methods of philological research as observation, analysis, description, comparative methods.

The results of the study indicate that a huge number of different dictionaries have been published on the basis of the Kabardino-Circassian language: explanatory, translation, phraseological, synonymous, etc. For the formation of the dictionary, previously published dictionaries, works of art, folklore materials, collected card files, etc. are used. It is proved that the analyzed dictionaries meet all the requirements for lexicographic publications, that they are of great importance for the development of Adyghe grammar, and, no doubt, will serve as a good help for better assimilation of both the Kabardino-Circassian and Russian languages, and enrichment, expansion of vocabulary.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, lexicography, dictionary, typology

For citation: Афаунова А.А. А new stage in the development of Adyghe lexicography (I part – 1950–1975). Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2022; 3 (54): 52–60. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-52-60

Научная статья

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ АДЫГСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (I часть – 1950–1975 гг.)

Анджелә Анатольевна Афаунова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Россия, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© А.А. Афаунова, 2022

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного анализу развития адыгской (кабардино-черкесской) лексикографии в XX веке. Здесь описываются содержательные, структурные, типовые особенности словарей, выделяются их достоинства, оценивается их польза как для общего образования, так и для научной деятельности. Основная цель работы – собрать все словари кабардино-черкесского языка, изданные в период с 1950 г. по 1975 г., дать общий обзор, проанализировать и определить их значение.

Новизна работы заключается в том, что подобное исследование проводится впервые, так как нет глубоких исследований по теме ни на кабардино-черкесском, ни на русском языках. Также одним из главных нововведений является использование разработанных доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч. адыгских лингвистических терминов.

В работе использованы такие методы филологических исследований как наблюдение, анализ, описание, сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что на основе кабардино-черкесского языка издано огромное количество различных словарей: толковых, переводных, фразеологических, синонимических и т.д. Для формирования словаря используются ранее изданные словари, художественные произведения, фольклорные

материалы, собранные картотеки и т.п. Доказано, что проанализированные словари соответствуют всем требованиям, предъявляемым к лексикографическим изданиям, что они имеют огромное значение для развития адыгской грамматики, и, бесспорно, послужат хорошим подспорьем для лучшего усвоения как кабардино-черкесского, так и русского языка, и обогащения, расширения словарного запаса.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, лексикография, словарь, типологизация.

Для цитирования: Афаунова А.А. Новый этап развития адыгской лексикографии (I часть – 1950–1975 гг.) // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 52–60. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-52-60

Урысыбзэ лексикографием и теориерэ и практикэмрэ и ехьулэныгъэшхуэхэр Кавказ Ищхьэрэм къышчысар зауэ нэужь зэманьрщ, псом хуэмыдэу бзэщцэныгъэм шеклуэкIа псалъэмакъым и ужькIэщ. Зауэ нэужь ильэсхэм цыхубэ-политикэ, идеологии, щэнхабзэ гъащцэ зыкызырэзыщцэиужьэм, цыхухэр урыс, дунейпсо щэнхабзэм хэшэным, къалэмрэ къуажэмрэ я зэпыщцэныгъэр гъэлыгъэ зэрыхьум, щыпIэм шыпсэу лъэпкъхэм шышу лэжьаклуэ, гуащцэдэкI акырылажьэхэм я бжыгъэм зэрыхэхуэм, еджапIэ нэхьыщхьэхэм щцэс студентхэм, IэцIагъэм шыхурагъаджэ еджапIэ курытхэм я еджаклуэхэм я бжыгъэр зэрыхэхуэм икIи зэдзэкIыныгъэ Iуэхум фIыуэ зэрызиужьым кыхэккIэ, ди республикэм адыгэбзэми урысыбзэми я лексикэр нэхь шызу кызыщыгъэлыгъэуа бзитI псалъальэхэр зэхэлыхьэн зэрыхуейм и ушцIэр къоув.

Адыгэбзэ лексикографием и зыужьыныгъэ лгъэхэнэщцэ и щцэдзапIэ хуащ 50 гъэхэр. Абы ирихэлIэу жылагуэ-политикэ терминхэр зэрадзэкIыным яужь йохьэ икIи 1951 гъэм къыдокI «Русско-кабардинский политико-терминологический словарь»-р. Абы и зэхэлыхьаклуэхэм (Джырандокъуэ У., Ерыжокъуэ А., Къардэн Б., Сэбан Х., Хэжъу А., ШоджэнцIыкIу I.) мурад нэхьыщхьэу зыхуагъэуащ зэдзэкIынымкIэ, пэжырытхэмкIэ гугъу зыдехь жылагуэ-политикэ фIэщыгъэцIэхэмрэ гурылуэгъуэхэмрэ зэгъэзэхуауэ, зыхуей хуэгъэзауэ зэрыт псалъалгъэ тэрмэшхэм, тхылгъедзапIэм, радио лэжьаклуэхэм я пащхьэ ильхьэныр [Русско-кабардинский политико-терминологический словарь 1951]. Псалъалгъэм къышчыбар зи мыхьэнэр мыкьутэу адыгэбзэкIэ зэдзэкI хьу жыIэгъуэхэрщ. Апхуэдэу къыдэкIыгъуэм къызэщцэиубыдащ 3700-м нэс псалъэ бжыгъэр.

Урыс псалъэхэр тхыпкъылыгъэм тегу зэкIэлыхьащ. Псалъалгъэ статьяхэм хыхьащ нэхьыбэрэ къагъэсэбэп цыхубэ-политикэ мыхьэнэ зиIэ жыIэгъуэхэр, псалъэ зэпхахэр. Языныкыуэхэм деж зэдзэкIа псалъэхэм нэмыщцI гурылуэныгъэхэри къыщоклуэ. ЗэдзэкIыныр шымыхьум ахэр урыс тхэкIэм кытранэ, шыхуэныкыуэм деж адыгэбзэ лъабжьэгъусэхэр дыщцIагъу. Тхылгъым и редактору шытащ АбытIэ Мухьэб.

КыкIэлыкIуэу Мэзкуу 1955 гъэм къыщцэдэкIащ Къардэн Б.М., БищцIо А.ТI. сымэ я «Русско-кабардино-черкесский словарь»-р (псалъэу 30000 итщ), Къардэн Бубэ итхауэ адыгэбзэм и грамматикэ очерк кIэщцI дэщцыгъуу [Карданов, Бичоев 1955].

Мы псалъалгъэм и къыдэкIыныр республикэм и щэнхабзэ гъащцэ дежкIэ мыхьэнэшхуэ зиIэ Iуэхугъуэ хуащ икIи адыгэбзэ лексикографием япэкIэ ича лъэбакъуэ лгъэщц. Мыр зэзыдзэкI псалъалгъэци, и къалэн нэхьыщхьэр урыс фIэщыгъэхэм я мыхьэнэр тэмэму къэзылуатэ адыгэ псалъэхэр къахуэгъуэтынырщ. Ар къащемыхьулIэм деж и мыхьэнэр ягъэнахуэ. Авторхэм я мурадакъым урыс псалъэ псори къызэщцIаубыдэну, псалъащхьалгъэм ихуащ нэхь мыхьэнэшхуэ зиIэ, нэхьыбэрэ къагъэсэбэп, литературэм нэхь узыщрихьэлIэ псалъэхэр, щцэныгъэ, техникэ фIэщыгъэхэр.

Псалъалгъэр нэхьыщхьэу зыхуэунэтIар адыгэхэм урысыбзэр зэрагъэщцIэнымкIэ щцэгъэкъуэн хьунырщ, урысыбзэ текстхэр адыгэбзэкIэ зэзыдзэкI тэрмэшхэм, адыгэ еджапIэхэм урысыбзэ щезыгъаджэ егъэджаклуэхэм я дэIэпыкыуэгъуу шытынырщ. Нэхьапэм къыдэкIа адыгэбзэм и зы псалъалгъэи хуээфIэкIынутэкъым ахэр.

Псалъальгэм Къэбэрдей щэныгъэ-къэхутаклуэ институтым и унафэкIэ елжбын щадзащ. Лэжыгъэр еклукIащ 1946–1952 гъэхэм. 1952–1953 гъэхэм псалъальгэм редактор гуп хэлэжыкыыжжаш; Къардэн Б.М., Елбэрд Хь.У., АбыгIэ М.Л., Налэ А.Хь., Урыс Хь.Щ. Авторхэм тхылтыр дунейм кытехъэнымкIэ зыкыщIагъэкуащ СССР-м и лъэпкъхэм я псалъальгэхэр зыгъэхъзыр редакцэм и унафэщIэ Брянцевэ Т.Г.

Псалъальгэм дэщыгъу Къардэн Бубэ зэхилъхъа «Адыгэбзэм и грамматикэ очерк кIэщI» 1ыхъэр топсэлтыхъ адыгэбзэм и фонетикэм, морфологиэм, псалъэуаха кызырэыкIуэхэм я синтаксисым яIэ щхъэхуэныгъэхэм.

Псалъальгэм псалъэхэр щызэдзэкIыным имызакъуэу псалъэ зыбжанэхэмрэ мыхъэнэ щхъэхуэхэмрэ къарыкIхэр жылэгъуэхэмкIэ гъэбелджылауэ къоклуэ. Апхуэдэщ урысыбзэм кыыхэкIу адыгэбзэм кыыхыхъа политикэ, философиэ, щэныгъэ, н. фIэщыгъэхэр. Ахэр зэдзэкIа псалъэхэм я ужь иту, тхыхъхэм дэту Iэрытх зэрыбкIэ къэщыпауэ къоклуэ.

«Русско-кабардино-черкесский словарь»-р дунейм кытехъа иужь, пIалъэ куэд дамыгъэкIу унафэ ящIащ Къэбэрдейр Урысейм зэрыхыхъэрэ илъэс 400 щрикъум ирихъэлIуэ «Къэбэрдей-урыс псалъальгэ» адыгэбзэ жылэгъуэу 20000-р иту кыдагъэкIын хуейуэ. Лэжыгъэр икьукIэ зэман кIэщIым ягъэхъзырын хуей хъуащ икIи Апажэ М., Багъ Н., Багъ П., н. я фIыгъэкIэ ар 1957 гъэм июным Мэзкуу дунейм кыщытехъащ, Къардэн Б.М. зэхилъхъа адыгэбзэм и бзэхабзэр и гуэльхъэну [Апажев, Багов... 1957]. Мыбы и къалэн нэхыщхъэу увар адыгэ жылэгъуэхэм урыс гурылуэгъуэ хуэкIуэхэр къахуэгъуэтынырщ, нобэрей адыгэбзэм ахэр кызырэыщагъэсэбэпыр къэгъэлъэгъуэнырщ.

Мы псалъальгэхэр зэман кIыхъкIэ адыгэбзэм бзитI лексикографие еджалъэ нэхыщхъэхэу щытащ, я псалъэ бжыгъэ кызыэщIаубыдэкIи, зэрыэдзэкIам и фIагъкIи нэхь ипэ итахэм ящхъэпрыкIащ. Зэхэлъхъакуэхэм икьукIэ къалэн гугъухэр къапэщылъащ, къапщтэмэ, япэрей адыгэ-урыс псалъальгэ иным и псалъащхъальгэ зэхэгъуэвэнымрэ лексикэ занэхэр гъэнэхуэнымрэ епхауэ.

«Къэбэрдей-урыс псалъальгэ»-р псалъэ 20000 щызэхуэхъэса япэрей лэжыгъэщ икIи иджырей адыгэ литературэбзэм и псалъэхэр зэгъзулуным, абыхэм я мыхъэнэр нэсу убзыхуным и япэрей екуныгъэщ. Совет властым и зэманым адыгэхэм я цIыхубэ хозыайствэмрэ щэнхабзэмрэ ехъулэныгъэшхуэхэр ягъуэтащ икIи ар сэбэп хъуащ адыгэбзэм и лексикэм зиужынымкIэ икIи нэхь къулей хъунымкIэ.

Къумахуэ М.И. «Ученые записки НИИ» журналым кытехуа и рецензэм зэрыщитхамкIэ, псалъальгэр адыгэ лексикографием и ехъулэныгъэ инщ, адыгэ бзэщIэныгъэ лексикографием и япэрей лъэпкъ-урыс псалъальгэщ, иджырей адыгэбзэм псоми къагъэсэбэп лексикэр нэхь куууэ щызэхуэхъэсауэ, щызэпкърыхауэ [Кумахов 1959: 444.]. Мыбы хыхъащ нэхь убгъуауэ къагъэсэбэп псэукIэ лексикэр, Къэбэрдейм и щэнхабзэ, цIыхубэ, мылькультуащIэ-экономикэ гъащIэм епха псалъэщIэхэр, фIэщыгъэщIэхэр, адыгэбзэм нэгъуэщIыбзэ псалъэ кыыхыхъахэр, псом хуэмыдэу урысыбзэм кыыхэкIахэр. Псалъальгэм кыщыхъащ къэкIыгъэхэм, къуалэбзухэм, псэуэщхъэхэм я цIэхэри, жбы хъуа псалъэхэм щыщ гуэрхэри.

Тхылбым лъабжэ хуэхъуащ Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгъэ-къэхутаклуэ институтым и адыгэбзэ къудамэм и картотекэр. Абы къэзэщIеубыдэ иджырей адыгэ художественнэ литературэбзэр, ПашIэ Б., ЩоджэнцIыкIу А., нэгъуэщI классикхэм я бзэр, адыгэ Iуэрылуатэм, пIалъэкIэ кытрадзэ кыдэкIыгъуэхэм я лексикэр, курыт еджапIэхэм я джыльэхэм кыщагъэсэбэп щэныгъэ терминхэр. Псалъальгэм хыхъащ нэхыбэрэ бзэм кыыхэхуэ псалъафэхэр, идеомэхэр. Нэхь гурылуэгъуэ хъун папщIэ абыхэм шапхъэхэр къахуэхъащ.

Псалъальгэм и къалэн нэхыщхъэр адыгэбзэ жылэгъуэхэм урысыбзэм и псалъэ хуэкIуэхэр кыыхуэхъынырщ, ахэр тэмэму къагъэсэбэпынымкIэ дэIэпыкыуэгъу хъунырщ.

Тхылбым елэжыхъэщ: Апажэ М.Л., Багъ Н.А., Багъ П.М., Балъкъэр Б.Хь., ЖъакIэмыхъу Хь., Клуэкуэ Дж.Н., Урыс Хь.Щ. Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгъэ-

кьэхутакуэ институтым и щІэныгъэ лэжыакІуэ Нало З.М. псэущхьэхэм, кьэкІыгъэхэм я цІэхэр зэдзэкІыным яужь итащ.

Редактор нэхыщхьэ кьалэныр игъээщІащ Кьардэн Б.М. Абы щІэныгъэлІ зыбжанэм я лэжыгъэм яІэ зэтемыхуэныгъэхэр я пІэ иригъэуэжащ, псалъальгъэм жыІэгъуэщІэхэр хигъэуващ.

Лэжыгъэм гуэдзэну кыыхуэхьащ адыгъбзэ бзэхабзэм и зэхалыкІэ-ухуэкІэм иІэ щхьэхуэныгъэхэр кыщыгъэлыгъуа Кьардэн Б.М. итха очеркымрэ щыпІэцІэхэр щызэхуэхьэса Іыхьэмрэ.

ПэщІэгъуэкІэ зэрызыхалъхам кыыхэкІкІэ, шыуагъэ гуэрхэр кІуами, псалъальгъэр, зэрыщыту кьапщтэмэ, зэхэгъуэващ лексикографие кьыдэгъэкІыгъэхэм кыыхуагъэуэ хабзэ мардэм тету.

ПсалъальгъытІри, шэч хэмылы, мыхьэнэшхуэ зиІэ, иджыри кьыздэсым адыгъбзэмрэ урысыбзэмрэ джыным телажьэ лексикографие лэжыгъэщ.

Зауэ нэужь илгъэхэм гулытэшхуэ хуащІащ пэжырытхэм зегъэужыным эпха Іуэхугъуэхэм, абыхэм ящыщ пэжырытхэ псалъальгъэхэр дунейм кьытегъэхьэным.

1946 гъэм адыгъбзэ пэжырытхэм мыхьэнэшхуэ зиІэ зэхуэкІыныгъэшхуэхэр игъуэтащ, пэжырытхэ хабзэхэри ефІэкІуащ. Дунейм кьытохьэ Елбэрд Хь.У., Кьыщокъуэ А.П. я редакцекІэ «Къэбэрдей-шэрджэс орфографие» лэжыгъэр. Пэжырытхэр зэгъээхуэнымкІэ, егъэфІэкІуэнымкІэ лэжыгъэшхуэ ирагъэкІуэкІащ Урыс Хь.Щ., Зэхуэхуэ Л.Хь. сымэ – нэхь нэгъэсауэ адыгъбзэ пэжырытхэр, нэгъыщэ гъэувыкІэ хабзэхэр зыгъэхьэзырахэм. Абыхэм зэхалыхьауэ шыта «Адыгъбзэм орфографиэмрэ пунктуацэмрэ я хабзэхэр» 1963 гъэм Къэбэрдей-Балъкьэр АССР-м и Совет Нэхыщхьэм и Президиумым кьыщтауэ шытащ.

Нэхь иужькІэ, 1982 гъэм, Урыс Хь.Щ., Зэхуэхуэ Л.Хь. сымэ кьыдагъэкІащ «Адыгъбзэ орфографическэ псалъальгъэ»-р, фонетикэ, морфологие, н. гъэпсыкІэ хабзэхэм тету зэхэгъуэуауэ [Урусов, Захохов 1982]. Мы псалъальгъэр хущІокъуэ литературэбзэм кьыщта псалъэ гъэпсыкІэр кьэгъэлыгъуэным, и тхыкІэм елытауэ абы и кьэпсэлыкІэ тэмэмри убзыхуным.

Адыгъбзэ орфографие псалъальгъэр адыгъбзэм и псалъэ зэхуэхьэсауэ шыІэр кьызэщІэзыубыдэ и япэ пэжырытхэ кьыдэкІыгъуэщ, псалъэр зэхуэкІа щыхьукІэ, гъэпсыкІэхэм я тхыкІэр кыщыгъэлыгъуауэ. АбыкІэ тегъэщІапІэ хьуащ «Къэбэрдей-урыс псалъальгъэ»-р (Апажэ М.Л., Багъ П.М., Балъкьэр Б.Хь., КІуэкІуэ Дж.Н., ЖьакІэмыхуэ Хь.Хь., Урыс Хь.Щ., 1957), «Адыгъбзэ орфографиэмрэ пунктуацэмрэ я хабзэхэр» (Урыс Хь.Щ., Зэхуэхуэ Л.Хь., 1963) тхылым и гуэлъхьэн Псалъальгъэр.

КьыдэкІыгъуэм кьызэщІиубыдащ псалъэ 90000 хуэдиз. Мыбы ипэ итар еджапІэхэм папщІэ Зэхуэхуэ Лиуан зэхильхьауэ шыта «Орфографическэ псалъальгъэ»-рщ (1967).

Тхылым жыІэгъуэхэр тхыпкылыгъэкІэ щызэкІэлыхьащ. Щхьэхуэу кыщыгъэлыгъуащ гъэиныгъэ лъабжьэужь *-ихуэ*-кІэ кьэхьахуэ бзэм нэхьыбэрэ узыщрихьэлІэ шыІэцІэхэр, зэлытыныгъэ кьызэрыкІ лъабжьэужькІэ кьэхьуа плыфэцІэхэр, лэжыгъэцІэ зыгъээжхэр, блэкІа зэманым ит зэлэж ІуэхуцІэхэр, ІуэхудэкІуэхэм ящышу кьэхьукІэцІэм хуэкІуахэр, псалъэ Іэдэжхэр (псалъэужь, псалъээпыщІэ, псалъэклапэ), макъыцІэхэр, н. Псалъальгъэм хиубыдащ шыІэцІэ, плыфэцІэ, бжыгъэцІэ зэхалъхэр, куэдрэ кьагъэсэбэп псалъэ зэхалъ гъэкІэщІахэр, урысыбзэ, хамэбзэ псалъэу адыгъбзэм кыыхьахэр. КьыщынэмыщІауэ, тхылым итщ адыгъэхэм нэхьыбэрэ яІурыл астрономие, щыпІэ, администрацэ, щыхь ин зыхалъ кьулыкъуэ нэхьыщхьэ кьэзыгъэлыгъуэ фІэщыгъэхэр, н. Зы пычыгъуэ нэхьэр нэхьыбэ хьу псалъэхэм текъузэхэр ятегъэуващ.

Псалъэ зэхалъхэм, псалъэ зэпыщІахэм, псалъафэхэм – зэпытуи зэпыхауи щатхым – я кьэгъэсэбэпыкІэхэри убзыхуащ, ахэр пажэ псалъэм и лъабжьэм щІэту кьокІуэр, нэзым тІэкІу кьыкІэщІахуэ. Зи тхэкІэкІэ зэщхьэщыкІэ, кьэпсэлыкІэкІэ зэтэхуэ жыІэгъуэхэр зэгъусэу кьэхьащ, зыщыщ псалъэ лъэпкыгъуэр, и

къэгъэсэбпыкIэр гъэбелджылауэ. Псалъэхэм я мыхъэнэр щызэпкърыхакъым, ауэ шэч зыхэлъ псалъэхэм зыгъэбелджылы дамыгъэхэр я гъусэщ (илыф., къэкI., бзуц), е мыхъэнэр гурыуэгъуэ нэхъ пщищIу зи гъусэу къакIуэ псалъэм дэщIыгъуш.

Псалъалъэм гуэдзэну и гъусэщ кIэщIу адыгэбзэм и бзэхабзэхэр щызэпкърыха «Адыгэбзэ орфографием и хабзэхэр» Iыхъэр.

XX лIэщIыгъуэм и еIуанэ Iыхъэм бзэщIэныгъэм и нэгъуэщI лъэныкъуэхэм я зэпкърыхыныгъэм зиужыны щIедзэр. Псалъэм щхъэкIэ, къэхутаКIуэхэм зрапщыт псалъафэхэм яIэ щхъэхуэныгъэхэр къэхутэным. Апхуэдэу Къардэн Б.М. 1963 гъэм игъэхъэзырауэ щыта «Къэбэрдей-урыс псалъафэ псалъалъэ кIэщIыр» адыгэбзэм и псалъафэ занэхэм я псалъалъэ зэхэгъэувэнымкIэ япэ лъэбакъуэ хъуаш [Къардэн 1963]. Зэрыгурыуэгъуэщи, псалъафэкIэ къулей бзэм хэплъагъуэ жыIэгъуэ псори къызэщIэкъуэныр гугъут, япэ псалъалъэми ар хузэфIэкIакъым. Ауэ псалъафэхэм я мыхъэнэр зэхэхуауэ ахэр урысыбзэкIэ тэмэму зэдзэкIыныри къалэн тынштэкъым.

Къардэныр тхылъым илъэс зыбжанэкIэ елжъаш, щыуагъэ псори къилыгъэти, зэрыхузэфIэкIкIэ иригъэфIэкIуаш икIи 1968 гъэм щIэрыщIэу къыдыгъэкIыжаш. Авторым псалъафэ занэхэм я картотекэ къулей зэхуихъэсащ, картчкэ мин 20 хуэдиз хъууэ, къыщынэмыщIауэ, Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ-къэхутаКIуэ институтым и картотекэм щыщи къыгъэсэбэпаш. А псор я лъабжъуэ зэпкърыха хъуаш псалъалъэ статьяуэ 5600-м нэс. Псалъафэхэм нэмыщI, псалъалъэм къыщыхъаш псалъэ шэрыуэхэр, псалъэжъхэр, цIыхубэ лэжъакIуэ, тхакIуэ цIэрыуэхэм къагъэщIа жыIэгъуэхэр, зэгъэщхыныгъэ шэрыуэхэр.

Къыхэгъэщыпхъэщ, адыгэбзэми, е нэгъуэщI сыт хуэдэ бзэми, я псалъафэхэр щызэхуэхъэса, щызэпкърыха лексикографие лэжыгъэ мащIэ дыдэ фIэкIа а зэманым зэрыщымыIар, абы къыхэкIкIэ Къардэным и лэжыгъэм мыхъэнэу иIам и инагъыр жыIэгъуейш.

Псалъалъэм хыхъа псалъафэхэр адыгэ Iуэрыуатэм, литературнэ тхыгъэхэм къыхэхаш. Ахэр зэхуэхъэсынымкIэ тегъэщIапIэ нэхъыщхъэ хъуаш КIыщокъуэ Алим и тхыгъэхэр. ПсалъафэхэмкIэ КIыщокъуэм и бзэр нэхъ къулей дыдэу Къардэным къилыгъэрти, абы и тхылъу а зэманым дунейм къытехъахэр псори гупсэхуу щIипщытыкIаш.

ПсалъафэхэрурысыбзэкIэщызэридзэкIымКъардэнымIэмалитIкъыгъэсэбэпаш: зэпэбж – и мыхъэнэки къарыкIки зэтэхууэ; хуэдэ дыдэ – зы псалъэм зы мыхъэнэ фIэкIа къимыкIу. Псалъафэ занэхэр тхыпкъыльэкIэ зэкIэлъыхъаш.

Урысыбзэм ижъ къыщIихуурэ адыгэбзэм зыужыныгъэ зэригъуэтыр къилыгъэти, авторым псалъалъэм хигъэхъаш калькэхэмрэ калькэ ныкъуэхэмрэ. Псалъалъэм бзэхабзэ щыуагъэхэр (псалъэхэр зэпыхауэ, зэпыту щытхын хуейхэр) зэромышIыну Iэмалхэр тэмэму зэхэхуауэ къыщыхъаш. Ар толажъэ адыгэбзэ зыджхэм я псалъэкIэм, тхэкIэм, щэнхабзэм хагъэхуэным, абыхэм я бзэр къулей щIыным. Мыр лъабжъэ яхуэхъуаш иужькIэ псалъафэхэр зыджхэм я къэхутэныгъэхэм, псалъафэ псалъалъэхэр зэхэзыльхъэхэм я лэжыгъэм.

Мыбдеж псалъафэ занэхэр къызэрыщыкIуэр псалъашхъэм елытауэщ, ар псалъэ зэпхам и мыхъэнэ купсэщ. Къардэным зэрыжиIэмкIэ, ахэр жыIэгъуэхэм нэхъ хэжыхъауэ щытщ. Псалъашхъэхэр тхыпкъыльэкIэ зэкIэлъыхъаш. Псалъэ зэпхаитIым псалъэ нэхъыщхъэр къыхэбгъэкIыну здэгугъум деж псалъафэ зэхыхъэр къызэрыригъажъэ псалъэм тещIыхъауэ къэхъаш. Зэгъэпщэныгъэ зэхэжыхъахэри (зызымыхъуэжхэри) къэхъаш псалъэ нэхъыщхъэр къызэрыригъажъэм тещIыхъауэ.

Зы зэхыхъэм иIэ мыхъэнэ зэхуэмыдэхэр зэкIэлъыхъаш хъэрып бжыгъэхэмкIэ, икIи ткIуанэрэ IуантIэрэкIэ зэпэщIэхаш. Псалъафэ зэхыхъэ куэдым шапхъэ къахуэхъаш, абыхэм псалъафэхэм я мыхъэнэр нэхъ гурыуэгъуафIэ зэращIым тещIыхъауэ. Художественнэ литературэм, пIальэкIэрэ къыдэкI тхыгъэхэм къыщищIыгъуэта шапхъэхэр къызыхахэр гъэкIэщIауэ къэгъэлыгъуаш, тхакIуэхэм я цIэхэм, адрей гъэкIэщIыныгъэхэм хуэдэу.

Адыгэбзэм кыыхэщ зэмыхэнэгъу псалъэхэр зэхуэхъэсынымкІэ япэ лъэбакъуэ ячаш Пщыбий И.Хъ, Сэкий Н.Я. сымэ, япэрей «Адыгэбзэм и синонимхэм я псалъалъэ кІэщыр» 1971 гъэм кыдэзыгъэкІахэм [Пшибиев, Сакиев 1971]. Тхылъым хагъэхъаш, а зэманым бзэм убгъуауэ кыгъэсэбэпу шыта псалъэхэм нэмышцІ, зэман блэкІам дэкІуатэу жыы хъуа, бзэм хэкІуэдыкІыжыпа жыІэгъуэхэри, щыпІэбзэхэри, убгъуауэ къапсэль нэгъуэщыбзэ псалъэхэри. Псалъалъэр мыпхуэдэ хабзэхэм тету ухуаш: зэмыхэнэгъухэу узэдженур къэпсэльыкІэ зэхуэмдэ яІэу зы мыхъэнэ къэзыгъэлыагъуэ жыІэгъуэхэрщ; зэмыхэнэгъуу къэлыгътэн хуейр Іэмал имыІэу зы псалъэ лъэпкыгъуэм шыщу, зы грамматикэ гъэпсыкІэ къежъапІэ зиІэхэрщ.

Авторхэм зэмыхэнэгъу псалъэ гупым нэхъыщхъэу, пажэу ягъэувыр а псалъэхэм къаІуатэ мыхъэнэр нэхъ кызыэщІэзыубыдэрщ, литературэбзэм ехъэлІауэ бзэм нэхъ кышагъэсэбэпрейуэ къалыгътэрщ. ЩыпІэбзэ, нэгъуэщыбзэ псалъэхэр пажэу ягъэувыркыым. Ауэ нэгъуэщыбзэ псалъэмрэ адыгэбзэм еймрэ зэгъусэу кышыцкІуэ нэгъуэщыбзэр япэ ирагъэувауэ хэбгъуэтэнущ, ар литературэ тхыбзэм кызырэщыгъэсэбэпа мардэм тещыкІауэ.

Псалъэ пажэмкІэ зэмыхэнэгъу гупым хиубыдэ жыІэгъуэхэр гъэбелджылаш, я мыхъэнэхэм зэщхъэщыкІыныгъэ яІэхэр убзыхуаш. Лъэныкыуэ псомкІи мыхъэнэ зэхуэкІуэ дыдэ зиІэ псалъэхэр бзэм шыгъуэтыгъуейщ, ауэ зэмыхэнэгъухэр зэрызэщхъэщыкІ пльыфэхэр зэхэгъэкІынри тыншкыым.

Псалъалъэм зэмыхэнэгъу псалъэ гупу 545-рэ хыхъаш. Редактору шытащ Темыр Рае.

И ухуэкІэкІэ укІэлыплъмэ, зэмыхэнэгъу псалъэхэр зыр зым и лъабжьэ щІэгъу къэхъаш: ищхъэм пажэр тхыпкъ нэхъ инкІэ, зэрыб фыцІэкІэ къэщыпауэ, и гуэгъу псалъэхэр зэкІэльхъэужьу абы кІэщІэгъу. Псалъэхэм я мыхъэнэгъэнахуэ Іыхъэр къакІэлыокІуэр. АдэкІэ шапхъэхэр къахуэхъаш, мыхъэнэр нэхъ гурыІуэгъуэ хъун, псалъэм и къэгъэсэбэпыкІэм кІэлыплъын папщІэ.

КІэрыдзэну «Синоним гупхэм я зэкІэлыкІуэкІэ» Іыхъэр дэщыгъуш.

1975 гъэм Зэхуэхъу Лиуан игъэхъэзыраш зи тхыгъэхэр адыгэ литературэм и лъабжьэгъэтІыль хуэхъуа «ЩоджэнцыкІу Али и псалъалъэ»-р [Захохов 1975]. Ар зэхэльхъэным шапхъэ хуэхъуаш 1956–1961 гъэхэм кыдэкІа Пушкин А.С. и бзэр лъэныкыуэ куэдкІэ щызэпкырыха хъуа псалъалъэ томиплър. Зэхуэхъум кызыэрилыгътэмкІэ, ЩоджэнцыкІум и бзэр купщІафІэт, шэрыуэт, гъэхуат икІи абы и тхыгъэхэм адыгэ литературэбзэр ирагъэфІагъуэ зэпыгт.

Зэхуэхъум ЩоджэнцыкІу Алий и тхыгъэ псори (адыгэбзэкІэ тха усэхэр, поэмэхэр, рассказхэр, газетхэм кытригъэдза статьяхэр, урыс тхакІуэхэм, усагІуэхэм я тхыгъэу адыгэбзэкІэ зэридзэкІахэр) щІипшытыкІри карточкэ мин 60-м щІигъу игъэхъэзыраш. Абыхэм хыхъакыым цІыхуцІэхэр, унэцІэхэр, щыпІэцІэхэр. ЖыІэгъуэхэр зэхидзыжри псалъэ мини-7-рэ 200-рэ кыыхэкІащ. Ахэраш псалъэ бжыгъэу псалъалъэм ихуари. КышыцынэмышцІауэ, усагІуэм зы псалъэ хэхам и мыхъэнэщІэхэр кыгъэхъуурэ литературэбзэр абыкІэ нэхъ къулей ищІащ, адыгэ синтаксисыр, стилыр иригъэфІагъуаш.

Шэчыншэу, ипэрей адыгэбзэ псалъалъэхэм къадэкІуэу, мыри щІэгъэкъуэн яхуэхъуаш иужькІэ псалъалъэ зэхэльхъэным зезыпшыташэм. Ауэ гу лыытапхъэщ ЩоджэнцыкІум и псалъалъэм псалъэхэм я мыхъэнэр зэрышымыгъэнэхуам. ЩІэджыкІагъуэм ар езым и къару кызыэрхыкІэ иубзыхужын хуейуэ кыыхудокІ, контекст зыхэтым шигъэзащІэ къалэным, шигъэбелджылы гурыІуэгъуэм елытауэ. Абы кыыхэкІкІи, Зэхуэхъум и ІэдакъэщІэкІыр псалъэгъэнахуэу убжыныр шыуагъэщ. КъыдэкІыгъэр частотнэ псалъалъэ теплгъэ иІэу зэхэгъэуващ, абы шыубзыхуаш ЩоджэнцыкІум псалъэхэр кызыэригъэсэбэпа бжыгъэр.

Псалъалъэ статьяхэм мыпхуэдэухуэкІэяІэщ: псалъашхъэ; псалъэр кызыэрыкІуэ бжыгъэр; мыхъэнэ дапщэ иІэу псалъэр къэкІуами къэзыгъэлыагъуэ грамматикэ дамыгъэхэр; а мыхъэнэр иІэу псалъэр кызыэрыкІуэ бжыгъэр; мыхъэнэр наІуэ

къэзыщІ шапхъэхэр. ЦІэхэмрэ цІэпапщІэхэмрэ цІэиуэ псалъэзешэм, лэжыгыгъэцІэр инфинитив гъэпсыкІэм игъэуаш.

ЩоджэнцІыкІум и зэманым, адыгэ тхыбзэр зтеуэвэн щІэызда къудейм, елытауэ 7200 псалъэ бжыгъэр, шэч хэмылбу, мащІэккъым. Зэхуэухум иригъэкІуэкІа лэжыгыгъэшхуэм и фІыгъэкІэ тхылъеджэхэм я пащхъэ къыхъаш адыгэ классикым и ІэдакъэщІэкІыр нэхъ кууэ джыным сэбэп хуэ псалъалъэр.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Апажев, Багов... 1957 – *Апажев М.Л., Багов Н.А., Багов П.М., Балкаров Б.Х.*, н. Кабардино-русский словарь. Под редакцией Б.М. Карданова. 20 000 слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 590 с.

Захохов 1975 – *Захохов Л.* Словарь языка Али Шогенцукова. Нальчик: Эльбрус, 1975. 328 с.

Карданов, Бичоев 1955 – *Карданов Б.М., Бичоев А.Т.* Русско-кабардинско-черкесский словарь: 30 000 слов / Под ред. А.О. Шогенцукова; С приложением краткого грамматического очерка кабардино-черкесского языка Б.М. Карданова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 1056 с.

Кумахов М.А. Рецензия на Кабардино-русский словарь // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. XIV. С. 444.

Къардэн 1963 – *Къардэн Б.* Къэбэрдей-урыс фразеологическэ псалъалъэ. 3500 ФЕ. Нальшык: Эльбрус, 1963. 163 с.

Пишибиев, Сакиев 1971 – *Пишибиев И.Х., Сакиев Н.Я.* Краткий словарь синонимов кабардино-черкесского языка. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1971. 272 с.

Русско-кабардинский политико-терминологический словарь 1951 – Русско-кабардинский политико-терминологический словарь. / сост. У. Герандоков, А. Ерижоков, Б. Карданов [и др.]. Под редакцией Абитова М.Л. Нальчик: Эльбрус, 1951. 144 с.

Урусов, Захохов 1982 – *Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г.* Орфографический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 1982. 1132 с.

References

APAZHEV M.L., BAGOVA N.A., BAGOVA P.M., BALKAROV B.H., n. *Kabardino-russkij slovar'* [Kabardino-Russian Dictionary]. Pod redakciej B.M. Kardanova. 20 000 slov. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1957. 590 s. (In Russia and in Kabardino-Circassian)

ZANOHOV L. *Slovar' jazyka Ali Shogencukova* [Dictionary of Ali Shogentsukov's language]. Nal'chik: Jel'brus, 1975. 328 s. (In Kabardino-Circassian)

KARDANOV B.M., BICHOEV A.T. *Russko-kabardinsko-cherkesskij slovar': 30 000 slov* [Russian-Kabardian-Circassian dictionary: 30,000 words / Pod red. A.O. Shogencukova; S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka kabardino-cherkesskogo jazyka B.M. Kardanova. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1955. 1056 s. (In Russia and in Kabardino-Circassian)

KUMACHOV M.A. *Recenzija na Kabardino-russkij slovar'* [Review of the Kabardino-Russian dictionary] // Uchenye zapiski KBNII. Nal'chik, 1959. T. XIV. S. 444. (In Russia and in Kabardino-Circassian)

KARDJEN B. *Kjebjerdej-urys frazeologicheskje psalalje (Kabardino-russkij frazeologicheskij slovar')* [Kabardino-Russian Phraseological Dictionary]. 3500 FE. Nal'shyk: Jel'brus, 1963. 163 s. (In Russia and in Kabardino-Circassian)

PSHIBIEV I.H., SAKIEV N.JA. *Kratkij slovar' sinonimov kabardino-cherkesskogo jazyka* [Brief dictionary of synonyms of the Kabardino-Circassian language]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, 1971. 272 s. (In Russia and in Kabardino-Circassian)

Russko-kabardinskij politiko-terminologicheskij slovar' [Russian-Kabardian politics-terminological dictionary] / sost. U. Gerandokov, A. Erizhokov, B. Kardanov [i dr.]. Pod redakciej Abitova M.L. Nal'chik: Jel'brus, 1951. 144 s. (In Russia and in Kabardino-Circassian)

URUSOV H.SH., ZANOHOV L.G. *Orfograficheski slovar' kabardino-cherkesskogo jazyka* [Spelling dictionary of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: Jel'brus, 1982. 1132 s. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

АфІэунэ А.А. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ.

Информация об авторе

А.А. Афаунова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Information about the author

A.A. Afaunova – Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

АДЫГЭБЗЭМ И ЗЭМЫХЭНЭГЪУ ПСАЛЪЭХЭР

Токмакъ Мадина Хьэсэнбий инхъу

Гуманитар кэхутэныгэхэмкIэ институт – Федеральнэ кэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакъ М.Хь., 2022

Аннотаци. Мы лэжыггэр адыгэбзэм синонимер зэрхэтым теухуаш. Зэмыхэнэгъу псалъэхэр кызырыхэгъэклI псалъэри, зэмыхэнэгъуагъым и лъабжэ хьури иджыри бзэшIэныгъэм и кIэм нэсу зэхэгъэкла шыхьуауэ шыткъыми, ар джыным и бгъэдыхьэклIэ зэмылIэужыгыуэхэм я гугъу дощI. Андрей лексико-семантикэ категорэхэм хуэмыдэу, зэмыхэнэгъу псалъэхэр ди бзэм нэхь кэхута шыхьуауэ зэршыгыр кыхыдогъэщ, адыгэбзэм хэлъхэныгъэшхуэ хуэзышIа шIэныгъэлIхэми датоупсэлыхь. Лэжыггэм налуэ шышIащ синонимием щекIуэклI зэхьуэкIыныгъэхэр, псом хуэмыдэу псалъэ кыхыхьэхэм (нэхьыбэу урысыбзэм кыхэкIахэм) адыгэбзэм и зэмыхэнэгъуггэм зэрзраггэужыр. Мыбы кышчыдогъэлягъуэ жьы хьуа псалъэхэм я шIэ инэхьыбэм къаггэсэбэп псалъэхэр (е езы бзэм ейуэ, е нэгъуэщIыбзэм кыхэкIауэ) зэриувэр. Зэмыхэнэгъу псалъэхэр мыхьэнэбэ псалъэхэм зэрпхам дытотхыхь – псалъэ кыхыхьэр езы бзэм и мыхьэнэбэ псалъэм и мыхьэнэ гуэрым теухэм, ар кызырыриггэклIуэтыр, абы и шIэм иувэу, а мыхьэнэбэ псалъэм и зы мыхьэнэр фIиггэклIуэду. Лэжыггэм эвфемизмэхэм дакышчытоувылэ – цIыху псалъэм зыгуэрым и жагъуэ имышIын шхьэклIэ, е зыгуэр шхьэтечауэ жиIэну фIэемыкIумэ, нэгъуэщI псалъэ гуэрхэр кызыриггэсэбэным. Апхуэдэхэм деж нэгъуэщIыбзэ псалъэ нэхь кызырашIтэм и шхьэусыггэуэр сэтэй кыдошI – ар и морфологие зэхэлыкIэклIэ, и мыхьэнэклIэ тэмэму къазэрыгурымылуэм, ар нэхь екIуу кызыралыггэтэрш. Эвфемизмэм нэмышI, табуми дылъоIэс, н.ж. социальнэ-политикэ, тхьдэ, шэнхабзэ, дин, цIыхуггэ (этикэ), зыхэщIэныггэ с. ху. Iуэху еплъыкIэхэм кыхэкIэклIэ кыуупсэлэ мыхьуну псалъэ гуэрхэм. Эвфемизмэхэми, табууэ шыт псалъэхэми синонимием хэлъхэныгъэ зэрхуашIым и шапхьэхэр кыдохь.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: зэмыхэнэгъу псалъэхэр, адыгэбзэ, мыхьэнэбэ псалъэхэр, кыхыхьэ псалъэхэр, эвфемизмэхэр, табу

Цитатэ кызырыхьэхьунур: Токмакъ М.Хь. Адыгэбзэм и зэмыхэнэгъу псалъэхэр // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 61–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-61-68

Original article

SYNONYMY OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2022

Annotation. The article is devoted to the synonymy of the Kabardino-Circassian language, one of the main categories of the lexico-semantic system. It is noted that the

problem of synonymy in modern domestic and foreign linguistics remains largely controversial and that there are different approaches to its resolution. The progress achieved in the study of this lexical-semantic category of the Kabardino-Circassian language is noted. The role of borrowings, mainly from the Russian language, in the development of synonymy is demonstrated, as a result of which the scope of use of some lexical units is limited and others are approved. One of the most important aspects of synonymy is considered – its inseparable connection with polysemy. It is noted that the destruction of the polysemanticism of a number of Kabardino-Circassian words, both as a result of the further development of the national language itself, and under the influence of certain borrowings, cannot be considered a loss for the language as a whole, since the learned words actively function in the speech practice of the people, entering into various semantic, word-forming, phraseological and other connections and relations with the original ones, participating in the creation or enrichment of various lexical-semantic microsystems – synonyms, antonyms, homonyms, paronyms, etc. The role of euphemisms and taboos, often used in oral speech, in the enrichment of synonymy is shown. It has been established that the speaker perceives foreign euphemisms as more decent due to the opacity of their internal form.

Keywords: synonymy, Kabardino-Circassian language, polysemy, borrowings, euphemisms, taboo

For citation: Tokmakova M.H. Synonymy of the kabardino-circassian language. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 61–68. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-61-68

Научная статья

СИНОНИМИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2022

Аннотация. Статья посвящена одной из основных категорий лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка – синонимии. Отмечено, что проблема синонимии в современной отечественной и зарубежной лингвистике остается в значительной степени спорной и что существуют различные подходы в ее решении. Указана важная роль лексикографических работ в развитии науки о синонимии. Отражены успехи, достигнутые в исследовании данной лексико-семантической категории кабардино-черкесского языка. Продемонстрирована роль заимствований, главным образом из русского языка, в смещении синонимии, в результате которых ограничивается сфера употребления одних лексических единиц и происходит утверждение других. Рассмотрен один из важнейших аспектов синонимии – ее неразрывная связь с полисемией. Подмечено, что разрушение полисемантизма ряда кабардино-черкесских слов как в результате дальнейшего развития самого национального языка, так и под влиянием определенных заимствований нельзя считать потерей для языка в целом, так как усвоенные слова активно функционируют в речевой практике народа, вступая в разнообразные семантические, словообразовательные, фразеологические и иные связи и отношения с исконными, участвуя в создании или обогащении различных лексико-семантических микросистем – синонимов, антонимов, омонимов, паронимов и т.д. Показана роль эвфемизмов и табу, часто используемых в устной речи, в обогащении синонимии. Установлено, что иноязычные эвфемизмы говорящий воспринимает как более благопристойные ввиду непрозрачности их внутренней формы.

Ключевые слова: синонимия, кабардино-черкесский язык, полисемия, заимствования, эвфемизмы, табу

Для цитирования: Токмакова М.Х. Синонимия кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 61–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-61-68

Иджырей бзэщIэныгъэм дежкIэ зэмыхьэнэгъу псалгэхэр кыхьэгъэкIыныр Iуэхугъуэ гугъухэм ящыщ зыщ. БгъэдыхьэкIэ зэмылIэужыгъуэхэм (логикэм тещIыхьами, цIэиIуэ зэтэхуэм тещIыхьами) а проблемэр зыхагъэкIыфыркъым, иджыри кыздэсым къахуэщIакъым псалгэхэм я зэмыхьэнэгъуагъым сыт и лъабжъэ хъуми – зэхуэдабзэу я мыхьэнэхэр зэрыщытыра, хьэмэрэ мыхьэнэхэм я зэгъунэгъугъэкIэ зэфIэкIрэ. Апхуэдэу зэрыщытым кыхьэкIкIэ, Горбачевич К.С. зэрыжиIэмкIэ, зэмыхьэнэгъу псалгэхэм я гуэшыкIэу щыIэхэри зэщхьэщокI: идеографием е стилым тещIыхьауэ, зы предметрэ предмет зырызу, псорэ мыпсоуэ зэрыщытым епхауэ, н. [Горбачевич 2001: 6, 7].

Иджырей бзэщIэныгъэм зэмыхьэнэгъу псалгэу ябж къэпсэлъыкIэкIэ зэтемыхуэ, мыхьэнэкIэ зэхуэдабзэ е зэгъунэгъу хуэ занэхуэ зы бзэ къатым (псалгэ, морфемэ с.ху) кыхьэхэр. Мы гурыIуэныгъэр семасиологием и IуэхуеплъыкIэщ. Евгъапщэ синонимиер ономасиологием зэригъэбелджылым – ар тещIыхьащ цIэиIуэ зэхуэдэныгъэм, н.ж. бзэм и занэ зэмылIэужыгъуэхэм а зы денотатыр (предметыр) кыззрагъэлыгъуэфым: *псалгээн*, *къэвэн*, *Iуцэцэн* псалгэхэм «жыIэныр» къокI [РЯЭ 1997: 465].

Адыгэбзэ синонимиер джыным Яковлев Н.Ф.[1948], Шагъыр I.Къ. [1962], Апажэ М.Л. [1992] сымэ хэльхьэныгъэшхуэ хуащIащ, абыхэм нэмыщI зэмыхьэнэгъу псалгэхэм теухуауэ нэгъуэщIхэми я лэжыгъэ щхьэхуэ гуэрхэр къыдэкIащ [Бижоев, Токмакова 2015; Абазова, Токмакова 2015; Дзуганова, Бижоев 2015; Токмакова 2015; Дзуганова 2019], синонимхэм я псалгальэ зыбжани зэхалхьащ [Пшибиев, Сакиев 1971; Дзуганова, Шериева 1997; АСЯП 2020].

Иджырей бзэщIэныгъэм и тегъэщIапIэ нэхьыщхьэхэм ящыщ зыщ бзэм псынщIэу зэрызимыхуэужыр, абы зиужыныр хуэм-хуэмурэ зэрэкIуэкIыр. Абы щыхьэт тохуэ синонимием щекIуэкI зэхуээкIыныгъэхэр – ныбжышхуэ зиIэ псалгэхэм я гуэсуэ езы бзэм и псалгэщIэхэмрэ нэгъуэщIыбзэ псалгэ кыхьыхьэхэмрэ кыззрагъэсэбэпыр. Зэман дэкIа нэужь, языныкыуэ занэхэр нэхьыбэрэ къагъэсэбэп мэхури адреихэр (п.п. жьы хуахэр) ирагъэкIуэт е бзэм хагъэкIыпэ. Псалгэм папщIэ, Нэгумэ Шорэ и зэманым щыгъуэ (XIX лэщIыгъуэм и пэхэм) адыгэбзэм «гуфIэгъуэ махуэ» къыкIыу кыхьыхьа *бэрэздж* псалгэр къыщагъэсэбэпт, ари диным пыщIауэ. ИужькIэ ар *махуэщI* псалгэкIэ зэрахуээкIащ, ауэрэ, *махуэшхуэ*-р абы и пIэм иуващ. Иджырей адыгэбзэм «гуфIэгъуэ махуэ» кърагъэкIыу куэдрэ урысыбзэ *праздник*-ыр кыхьохуэ. Адыгэбзэ синонимиер къулей зэрыхуэ щIыкIэхэри, абы нэгъуэщIыбзэхэм хэльхьэныгъэ зэрыхуащIри Апажэ М.Л. и лэжыгъэхэм убгъуауэ къыщигъэлыгъуащ [Апажев 1963: 111, 122; Апажев 2000: 136–145].

ЗэрытщIэщи, зэмыхьэнэгъугъэр быдэу епхащ мыхьэнэбагъым. Хамэбзэ псалгэ кыхьыхьэр езы бзэм и мыхьэнэбэ псалгэм и мыхьэнэ гуэрым теухэмэ, а зэщхьыр иригъэкIуэту езыр абы и пIэ щиувэ къохуэ. Апхуэдэу мыхьэнэбэ псалгэм и зы мыхьэнэр фIокIуэд. «ЩIэуэ къыкыуэкIа псалгэм Iэмал имыIэу хэльхьэныгъэ хуэщI мыхьэнэкIэ къыпэгъунэгъуу бзэм хэтыххэ псалгэм» [Будагов 1952: 75]. Къапщтэмэ, Лопатинскэ Л.Г. [1890] зэрыжиIэмкIэ, *дзэху* псалгэм япэм мыпхуэдэ мыхьэнэхэр иIащ: 1) «металл псынщIэ, и теплъэкIэ дыжыныфэу», 2) «а металлым кыхьэщIыкIа зыгуэр», 3) «гъуэщI пIащIэ», 4) «а гъуэщIым кыхьэщIыкIа зыгуэр», 5) «гъуэщI пIащIэм кыхьэщIыкIа банкI цыкIу», 6) «а банкIым ехьэлIа зыгуэр», 7) «шей, псы зэрыраф, къу зытет хьэкъушыкыу мыин», 8) «а хьэкъушыкыу ехьэлIа зыгуэр». Урысыбзэ *крушкIэ*-р адыгэбзэм кыхьыхьа иужькIэ, абы *дзэху* псалгэм абы хуэкIуэу иIэ мыхьэнэхэр къищтащ. «ГъуэщI пIащIэм», «гъуэщI пIащIэм кыхьэщIыкIа банкIым», абы къатекIа пIыфэцIэхэм я мыхьэнэхэр иджы *къэнжал* псалгэм къеIуатэ. КIэщIу жыпIэмэ, *крушкIэ*, *къэнжал* псалгэхэм я хэшIыхьыныгъэм кърикIуэу *дзэху*-м и мыхьэнэбагъым хощI.

Кузнецовэ А.И. Рудскогер А. и мыпхуэдэ жыIэгъуэ къехь: «Мыхьэнэбагъэр зэпкърыхугъэм хущлокъу. Мыхьэнэм и зэхэмыщIыкIыгъуагъэр ар кIуэдыным и

щхьэусыгъуэщ; зы псалъэ закъуи и мыхьэнэбагъэр зэрыщыту хуэхьумэфкъым, абы и зы Іыхьэр фІокІуэд» [Кузнецова 1963: 55]. Езы бзэм ей е абы кыыхыхьа хамэбзэ псалъэхэм я мыхьэнэхэм ящыщ гуэр фІэкІуэду щытмэ, абы мыхьэнэшхуэ зиІэ фІагъ къешэ – псалъэм и семантикэр нэхь ІупщІ, нэхь зэхэщІыкІыгъуэ мэхьу. Псалъэм и мыхьэнэ фІэкІуэдри бзэхьыркъым, бзэм кыыхонэ, нэгъуэщІ псалъэм и семантикэм хэту. «Системэу зэрыщытым и фІыгъэкІэ бзэм и Іыхьэ гуэр фІэкІуэдыным иджыри нэмыс щІыкІэ а кІуэдыным и пІэ иувэфын, абы и къалэныр зыгъээщІэфын нэгъуэщІ Іыхьэ гуэр зэрегъэпэщ. ЗэхьуэкІыныгъэхэм пхуэмыгъээкІуэжын, пхуэмыгъээхуэжын «зэраныгъэ» лъэпкъ бзэм иращІаркъым» [Косериу 2002: 174]. Апхуэдэ «зэраныгъэхэр» зэрыпхуэгъээкІуэж Іэмалхэм ящыщ зыуэ Косериу Э. ебж бзэм пІалъэ кІыхькІэ щІэмрэ жьымрэ кызырэщыздэгъуэгурыкІуэр [Косериу 2001: 185].

Аращи, адыгэбзэм езым и зиужьыныгъэм е нэгъуэщІыбзэ псалъэхэр кыыхыхьэным кыыхэкІыу псалъэ куэдым я мыхьэнэбагъэр яфІокІуэд. Ауэ ар хэщІыныгъэу къэплъыгъэ хьунукъым. Сыт щхьэкІэ жьпІэмэ, а ищхьэкІэ щыжытІахэм нэмыщІ, псалъэщІэ кыыхыхьэхэр псалъэ бжыгъэ къудейуэ щымыту жьджэру жьабзэм къышагъэсэбэп, абыхэм езы бзэм и псалъэхэм семантикэ, псалъэщІ, псалъафэ, нэгъуэщІ пыщІэныгъэхэр хуалэ мэхьу, синонимхэр, антонимхэр, омонимхэр, паронимхэр икІи абыхэм я лІэужьыгъуэхэр къагъэхьуэрэ е абыхэм зрагъэубгъуэрэ лексико-семантикэ системэр ирагъэфІакІуэ. Мы лъэхьэным бзэм куэду хьидольагъуэ адыгэ, урыс, нэгъуэщІыбзэ псалъэхэм зрагъэубгъуэ е щІэуэ къагъэхьуэ синоним гуп куэд. Псалъэм папщІэ:

<i>Хабзэ – закон</i>	<i>псалъэ – предложенэ (жылагъуэ фІэщыгъэцІэу)</i>
<i>Мыжсурэ – шытк</i>	<i>махуэишхуэ – праздник</i>
<i>Къалэ – город</i>	<i>пцыхьэщхьэ – вечер</i>
<i>Щыхьэр – столицэ</i>	<i>хьэщІэц – гостиницэ</i>
<i>Тезыр – итраф</i>	<i>бжыыхьэкІанэ – карниз</i>
<i>Къат – этаж</i>	<i>письмоульэ – конверт</i>
<i>шейефанІэ – чайнэ</i>	<i>письмо – сэлам тхьыл</i>
<i>мыхьур – печать</i>	<i>щхьэфІэпхькІ – плэтоку</i>
<i>еджапІэ – школ</i>	<i>егъэджакІуэ – учитель, н. [Апажев 2000: 141–143].</i>

Щапхьэ: *ДгъэцІагъуэу депльырт а къэхьуам, ЗауэлІ ди гъусэм мыр жиІац: «Сэлэту зилькІэ нып итІам Ігу ильыр цэкІым къытехьуац». [КІыщокъуэ 1956: 123]. Нэхь псыницІэу врач къевгъэплъын хуеяц, – желэ дохутырым... Ара Іуэхум хэтицІыкІыр? – мэкІий фызыжьыр. – ...Сэри бынжэ нызоупцІыр, сымыІээми. [Щомахуэ 1961: 80].*

НэгъуэщІыбзэ кыыхэкІа жьабзэ этикетым и гъэпсыкІэхэми адыгэбзэм и синонимикэм зрагъэубгъуэ. Апхуэдэхэщ зыхуэгъээзныгъэ, хьуэхьу сыт хуэдэхэр: *здравствуй, привет, с приездом, спасибо, пожалуйста, до свидания, поздравляю, доброе утро (день, вечер), спокойной ночи, приятного аппетита, н.; мама, папа, бабушка, дедушка, дядя, тетя*). Иужьу къэтхьа псалъэхэр лексикэ занэ кызырэгуэкІыуи къагъэсэбэп: *Ар си мамэц (папэц, бабушкэц, дедушкэц...)*. Мыбыхэм иджыри яхэбгъэхьэ хьунуц зи ныбжь хэкІуэтахэм жьабзэм зэблэхьуу къышагъэсэбэп урыс псалъэхэмрэ абы мыхьэнэкІэ япэхьу адыгэбзэ псалъэхэмрэ. Псалъэм папщІэ: *къэп – мэшоку, лъэпэд – нэскІий, маслэ – дагъэ, нэлъэщІ – бэлътоку, плэтоку – щхьэфІэпхькІ, нэган – кІэрахьуэ, уэздыгъэ – лампІ, н. Апажэ М.І. зэритхымкІэ [1992], нэшхьэку псалъэр къэхьуаш урысыбзэм кыыхэкІа нэш-ымрэ (нэш-ыр «печь») урыс псалъэм къытехьукІащ, иужькІэ абы «щыпсэу унэм блынхэмкІэ кыыхэгъэщхьэхукІа и зы Іыхьэ» (урысыбзэкІэ – *комната*) мыхьэнэ игъуэтащ) адыгэбзэ хьэку-мрэ зыхыхьэри. Зи гугъу тщІам ещхькъым *стІол-бжьэл, къэрэндац-мэрэндац, джэд-бжьэд с.ху.* псалъэхэр, абыхэм я етІуанэ Іыхьэхэм зыри къарыкІкъым. Пэжу, апхуэдэ зыри кызырэмыкІ Іыхьэхэм мыхьэнэ гуэр*

щрагъэгъуэтыфынуш гушылэхэм, художественнэ тхыгъэ гуэрхэм. Зэмыхьэнэгъу псалгэхэр зэщхьыркъабзэу щыт хабзэкъым, ахэр зыгуэркIэ зэщхьэщыкIын хуейщ – е мыхьэнэкIэ, е стилистикэкIэ, е гурыщIэ къауатэмкIэ, е нэгъушI зыгуэркIэ. Я мыхьэнэкIэ псомкIи зэтэхуэ псалгэхэм бзэм зэзэмызэххэщ уазрыщрихьэлэр. Абыхэм омосемиекIэ уеджэ хьунуш. Шанский Н.М. зэрыжиIэмкIэ, апхуэдэ псалгэхэр бзэм щIыхэтын щхьэусыгъуэ щыIэкъым, гувэ-щIэхми апхуэдэ къэхьугьэр мэкIуэдыж е апхуэдэ псалгэхэм къалэн ягъэзащIэхэр зэхокI [Шанский 1972: 52].

Езыбзэми лексикэмрэ псалгэ къыхыхьахэмрэ зэмыхьэнэгъугъэм илIэужьыгъуэ зэхуэмыдэхэр къагъэху. Абыхэм инэхьыбэм жьабзэрщ уащыхуэзэр, псалгэм папщIэ, цIыху псалгэм зыгуэрым и жагъуэ имыщIын щхьэкIэ, е зыгуэр щхьэтечауэ жиIэну фIэемыкIумэ, эвфемизм папщIэу псалгэ гуэрхэр къыщигъэсэбэным деж. Апхуэдэхэм деж нэгъуэщIыбзэ псалгэ къыхыхьар нэхъ къаштэ, ар и морфологие зэхэлыкIэкIэ, и мыхьэнэкIэ икIэм нэсу къазэрыгурымыIуэм къыхэкIкIэ, нэхъ къекIуу къалытэри. Щапхьэ: *фызгъалхуэ-м* ипIэкIэ *акушеркэ, лъхуэщ* е *лъхуанIэ унэ-м* ипIэкIэ *роддом, зэкIуэцIына-м* ипIэкIэ *запор, пэкъиж* е *пыхусыху-м* ипIэкIэ *простуд, ныбажэ-м* ипIэкIэ *понос*, н.

Эвфемизмэм къыщхьэщокI табур – социальнэ-политикэ, тхыдэ, щэнхабзэ, дин, цIыхугъэ (этикэ), зыхэщIэныгъэ с. ху. IуэхуеплъыкIэхэмкIэ къыупсэль мыхьун псалгэ гуэрхэр [Варбот 1979: 345]. Табум ирехулIэ цIыхухэм апхуэдэхэм деж хэкIыпIэ гуэр къагъуэтыну, апхуэдэхэм я пIэкIэ езы бзэм и нэгъуэщI псалгэ, е хамэбзэ псалгэ къагъэсэбэп. Псалгэм папщIэ, унагъуэ ихьа адыгэ цIыхубзым и щхьэгъусэм, абы и адэ-анэм, и къуэшхэм е нэгъуэщI благъэ гьунэгъуу щыт цIыхухуэ хэкIуэтахэм я цIэхэр къриIуэ хьуртэкъым. Абы, зэрыгурыIуэгъуэщи, гугъуехь гуэрхэр къишэрт. Псом хуэмыдэу а мытыншыгъэр къэхьут табууэ щыт цIэхэр сыт шыгъуи къагъэсэбэп псалгэхэм щытэхуэм деж. Апхуэдэу, Апажэ М.Л. зэритхымкIэ [Апажев 1992], Щхьэлыкъуэ щыщ лъэпкъышхуэ гуэрым цIыхубз къашэхэм *къарэ, фIыцIэ, фIыцIэжэ* псалгэхэр къажьэдэкI хьунутэкъым, а лъэпкъым я цIыхухуэ нэхьыжытIым *фIыцIэжэ, Къарэ* я цIэти. Арати, а цIыхубзхэм *къарэ, фIыцIэ, фIыцIэжэ* псалгэхэм я пIэкIэ *кIыфI-ыр* къагъэсэбэпт, псалгэм папщIэ, мыпхуэдэурэ: *къэрэндащ кIыфI, цIалэ кIыфI, шы кIыфI, хьэ кIыфI, лъэпэд кIыфI, щэкI кIыфI, Iуданэ кIыфI, цхьэц кIыфI...* А цIыхухуэитIыр дунейм ехыжа иужькIэщ зи гугъу тщIы псалгэхэр къапсэлъыну хуит щыхьужар, ауэ иужькIи пIалгэ кIыхькIэ фызыжхэм *къарэ, фIыцIэ, фIыцIэжэ* псалгэхэр жамыIуэ къекIуэклэщ.

Адыгэхэм япэ зэманми, нобэр къыздэсми я щхьэгъуэсэхэм хуэгъэзауэ *силI, си фыз* жалэ хабзэкъым. Абы ипIэкIэ *езыр, мыр, мор, цхьэгъусэ, унэгъуащэ* сыт хуэдэхэр къагъэсэбэп. Мы хабзэм и фIыгъэщ урысыбзэ *хозяин, хозяйкIэ* псалгэхэр бзэм къызэрищтар.

Адыгэхэм инэхьыбэм табу ящIырт узыфэ, дунейм и къэхьукъащIэ шынагъуэ сыт хуэдэхэр. Ахэр къэмыхьун, къамышэн, къемыуэлIэн щхьэкIэ, я фIэщыгъэхэм я пIэкIэ щIагъыбзэ е урысыбзэ къагъэсэбэпт. Щапхьэ: *тало-м* ипIэкIэ *холерэ; емынэ-м* ипIэкIэ *чума; жьэн-ым* ипIэкIэ *чахоткэ, туберкулэз* н.къ.

Мыарзыныгъэ гуэр къагъэльэгъуэн щхьэкIэ адыгэбзэм хэт псалгэ щэныншэхэм я пIэкIэ езы бзэм и нэгъуэщI псалгэ мыхьэнэкIэ нэхъ шабэу щытхэмрэ хамэбзэ псалгэ къыхыхьахэмрэ къагъэсэбэп хабзэщ. Къыхэгъэщыпхьэщ, жьабзэр нэхъ зыхэщIэныгъэ зыхэлъ, нэхъ дыдж ящIын папщIэ нэгъуэщIыбзэ псалгэхэр нэхъ къызэращтэр, псалгэм папщIэ: *дурак, босяк, черт, подлец, псих, сумзешэи (сумасшедший), хулиган, сволочь, подхалим, болван* сыт хуэдэхэр.

ИщхьэкIэ щыжытIахэм IупщI къащI зэмыхьэнэгъу псалгэхэм бзэм и лексикэм микросистемэ къызэрыщгагъэщIыр икIи социальнэ-экономикэ, щэнхабзэ зэхуэуэкIыныгъэхэмрэ урысыбзэм ижъ къыщIихумрэ я фIыгъэкIэ ар адыгэбзэм нэхъ убгъуа зэрыщыхьур, адэкIи зэрэфIакIуэр.

ТегъщӀаӀгъхэр Список источников

Абазова, Токмакова 2015 – *Абазова М.М., Токмакова М.Х.* Фразеологизмы в речи черкесской диаспоры в Турции и их синонимы в кабардино-черкесском литературном языке // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–1. С. 1203.

Апажев 1963 – *Апажев М.Л.* Вопросы влияния русского языка на кабардинский язык. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 152 с.

Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.

Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык: лексикология, лексикография. Нальчик: Эльбрус, 2000. 408 с.

АСЯП 2020 – *Адыгъбзэ синонимхэм я псалъалгъэ*. Налшык: «Принт Центр» тхыль тедзапгъ, 2020. 942 н.

Бижоев, Токмакова 2015 – *Бижоев Б.Ч., Токмакова М.Х.* Основные типы синонимов в кабардино-черкесском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 3–3 (45). С. 30–33.

Будагов 1952 – *Будагов Р.А.* К постановке курса «Введение в языкознание» в высшей школе // *Вопросы языкознания*. 1952. № 4. С. 70–83.

Варбот 1979 – *Варбот Ж.Ж.* Табу // *Русский язык*. Энциклопедия. М., 1979. С. 345–346. Горбачевич 2001 – *Горбачевич К.С.* Краткий словарь синонимов русского языка. М.: Астрель – АСТ, 2001. 608 с.

Дзуганова 2019 – *Дзуганова Р.Х.* Способы пополнения лексической синонимии кабардино-черкесского языка // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2019. № 4-1 (43). С. 138–143. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-138-143.

Дзуганова, Бижоев 2015 – *Дзуганова Р.Х., Бижоев Б.Ч.* Синонимия превербов в кабардино-черкесском языке // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2015. № 4 (66). С. 201–205.

Дзуганова, Шериева 1997 – *Дзуганова Р.Х., Шериева Н.Г.* Словарь синонимов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 1997. 120 с.

Къыщокъуэ 1956 – *Къыщокъуэ А.* Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапгъ, 1956. 543 н. (Кешоков А. Стихи и поэмы. Нальчик: Каб. книж. изд-во, 1956. 543 с.)

Косериу 2001 – *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 204 с.

Кузнецова 1963 – *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1963. 57 с.

Лопатинский 1890 – *Лопатинский Л.Г.* Русско-кабардинский словарь. Тифлис: Управление Кавказского Учебного Округа, 1890. 299 с.

Пишибиев, Сакиев 1971 – *Пишибиев И.Х., Сакиев Н.Я.* Краткий словарь синонимов кабардино-черкесского языка. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1971. 272 с.

РЯЭ 1997 – *Русский язык*. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

Токмакова 2015 – *Токмакова М.Х.* Группы синонимов в кабардино-черкесском языке (на материале синонимов кабардино-черкесского языка) // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2015. № 2 (25). С. 79–82.

Шагиров 1962 – *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 216 с.

Шанский 1972 – *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 327 с.

Щомахуэ 1961 – *Щомахуэ А.* Амирэт игу темыхуар // *Гуашхьэмахуэ*. 1961. № 5. Н. 76–86. (Шомахов А. То, что не понравилось Амират // *Ошхамахо*. 1961. No 5. С. 76–86).

Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 372 с.

References

ABAZOVA M.M., TOKMAKOVA M.H. *Frazeologizmy v rechi cherkesskoj diaspory v Turcii i ih sinonimy v kabardino-cherkesskom literaturnom yazyke* [Phraseologisms in the speech

- of the Circassian diaspora in Turkey and their synonyms in the Kabardino-Circassian literary language] IN: Contemporary problems of science and education. 2015. № 1–1. P. 1203. (In Russian)
- APAZHEV M.L. *Voprosy vlianiya russkogo yazyka na kabardinskij: leksika, semantika, fonetika* [Questions of the influence of the Russian language on Kabardian: vocabulary, semantics, phonetics]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1963. 152 p. (In Russian)
- APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoy leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)
- APAZHEV M.L. *Sovremennyy kabardino-cherkesskiy yazyk: leksikologiya, leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language: lexicology, lexicography]. Nalchik: Elbrus, 2000. 408 p. (In Russian)
- DSKCL *Slovar' sinonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing Printing House "Print Center", 2020. 942 p. (In Kabardino-Circassian)
- BIZHOEV B.CH., TOKMAKOVA M.H. *Osnovnye tipy sinonimov v kabardino-cherkesskom yazyke* [The main types of synonyms in the Kabardino-Circassian language] IN: Philological Studies. Questions of theory and practice. 2015. № 3–3 (45). P. 30–33. (In Russian)
- BUDAGOV R.A. *K postanovke kursa «Vvedenie v yazykoznanie» v vysshej shkole* [To the formulation of the course "Introduction to Linguistics" in higher education] IN: Questions of Linguistics. 1952. № 4. P. 70–83. (In Russian)
- WARBOT J.J. *Tabu* [Taboo] IN: Russian language. Encyclopedia. M., 1979. P. 345–346. (In Russian)
- GORBACHEVICH K.S. *Kratkiy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Brief dictionary of synonyms of the Russian language]. M.: Astrel – AST, 2001. 608 p. (In Russian)
- DZUGANOVA R.KH. *Sposoby popolneniya leksicheskoy sinonimii kabardino-cherkesskogo yazyka* [Ways to replenish the lexical synonymy of the Kabardino-Circassian language] IN: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. 2019. № 4-1 (43). P. 138–143. DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-138-143. (In Kabardino-Circassian)
- DZUGANOVA R.KH., BIZHOEV B.CH. *Sinonimiya preverbov v kabardino-cherkesskom yazyke* [Synonymy of preverbs in the Kabardino-Circassian language] IN: Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. № 4 (66). P. 201–205. (In Russian)
- DZUGANOVA R.KH., SHERIEVA N.G. *Slovar' sinonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Elbrus, 1997. 120 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Stihi i poemy* [Poems and poems]. Nalchik: Kabardian book publishing house, 1956. 543 p. (In Kabardino-Circassian)
- COSERIU E. *Sinhroniya, diahroniya i istoriya (problema yazykovogo izmeneniya)* [Synchrony, diachrony and history (the problem of language change)]. M.: Editorial URSS, 2001. 204 p. (In Russian)
- KUZNETSOVA A.I. *Ponyatie semanticheskoy sistemy yazyka i metody ee issledovaniya* [The concept of the semantic system of the language and methods of its research]. M.: Publishing House of Moscow University, 1963. 57 p. (In Russian)
- LOPATINSKY L.G. *Russko-kabardinskij slovar'* [Russian-Kabardian dictionary]. Tiflis: Administration of the Caucasian Educational District, 1890. 299 p. (In Russian)
- PSHIBIEV I.KH., SAKIEV N.YA. *Kratkiy slovar' sinonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Brief Dictionary of Synonyms of the Kabardino-Circassian Language]. Cherkessk: Stavropol book publishing house, 1971. 272 p. (In Kabardino-Circassian)
- RNAE *Russkiy yazyk. Enciklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. M.: Great Russian Encyclopedia; Drofa, 1997. 703 p. (In Russian)
- TOKMAKOVA H. *Gruppy sinonimov v kabardino-cherkesskom yazyke (na materiale sinonimov kabardino-cherkesskogo yazyka)* [Groups of synonyms in the Kabardino-Circassian language (based on the synonyms of the Kabardino-Circassian language)] IN: Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. 2015. № 2 (25). P. 79–82. (In Kabardino-Circassian)
- SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noj leksikologii adygskih yazykov* [Essays on comparative lexicology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabard-Balkar. book. publishing house, 1962. 216 p. (In Russian)
- SHANSKY N.M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow: Education, 1972. 327 p. (In Russian)

SHOMAKHOV A. *To, chto ne ponravilos' Amirat* [What Amirat did not like] IN: Iuash-khemahue. 1961. № 5. P. 76–86. (In Kabardino-Circassian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. 372 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Токъмакъ М.Хъ. – филологие щӀэныгъэхэмкӀэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьакӀуэ нэхъыжь, доцент.

Информация об авторе

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Docent.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Научная статья
УДК 811.3523
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-69-75

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ ОПТАТИВА В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Залина Рашиadowна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2022

Аннотация. В статье осуществлен комплексный анализ и классификация форм желательного наклонения, которое служит для транслирования говорящим своего желания, хотя выражение побуждения является также функцией императива. Безусловно, эти морфологические категории обладают семантической близостью, а в некоторых случаях и тождественностью. Яркой иллюстрацией выражения широкого спектра модальных значений желательного наклонения являются адыгские языки, которые весьма богаты формами, выражающими желание с различными оттенками, и вопрос о том, какие из них отнести к собственно оптативу, а какие к повелительному наклонению вызывает существенные разногласия. В зависимости от контекстуальных условий и интонации побуждение может иметь значение просьбы, приказа или призыва.

В статье отмечается необходимость четкой дифференциации форм повелительного и желательного наклонений, разграничения форм и способов их образования в морфологическом плане для построения парадигматической системы наклонения, как грамматического средства реализации модальных функции в целом.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, морфология, оптатив, повелительное наклонение, модальность, повелительная форма глагола

Для цитирования: Хежева З.Р. Способы образования форм оптатива в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 69–75. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-69-75

Original article

METHODS FOR FORMING OPTATIVA FORMS IN ADIGE LANGUAGES

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2022

Annotation. The article carried out a comprehensive analysis and classification of forms of the desired mood, which serves to broadcast the speaker's desire, although the expression of motivation is also a function of the imperative. Undoubtedly, these morphological categories have semantic closeness, and in some cases even identity. A vivid illustration of the expression of a wide range of modal meanings of the desirable mood are the Adyghe languages, which are very rich in forms expressing desire with various shades,

and the question of which of them can be attributed to the proper optative and which to the imperative mood causes significant disagreement. Depending on the contextual conditions and intonation, the urge may have the meaning of a request, order, or call.

The article notes the need for a clear differentiation of the forms of imperative and desirable moods, the differentiation of forms and methods of their formation in morphological terms to build a paradigmatic mood system as a grammatical means of implementing modal functions in general.

Keywords: Kabardino-Circassian language, morphology, optative, imperative mood, modality, permissive form of the verb

For citation: Khezheva Z.R. Methods for forming optativa forms in Adige languages. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2022; 3 (54): 69–75. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-69-75

В специальной литературе по морфологии адыгских языков желательное наклонение вызывает острую дискуссию в связи с существованием полярных точек зрения по вопросу определения самих форм и способов их образования, а также дифференциации повелительного и желательного наклонений.

В настоящее время фактически все адыговеды не подвергают сомнению сам факт существования желательного наклонения. Однако, дело в том, что адыгские языки чрезвычайно богаты формами, выражающими желание с различными оттенками, и вопрос о том, какие из них являются оптативом, а какие нет, специалисты трактуют по-разному.

В адыгских языках формы оптатива, как уже отмечено нами, весьма разнообразны. Например, в адыгейском языке в пределах желательного наклонения встречаются малопродуктивные формы, которые группируются по их грамматическим признакам: 1) формы, образованные от основы настоящего времени при помощи личных показателей второго лица (*о-псэу* «будь здоров»); 2) формы, образованные от основы настоящего времени посредством личных показателей второго и третьего лица (*у-е-шх* «чтоб он тебя съел»); 3) формы, образованные от основы настоящего времени вместе с каузативным аффиксом *-гъэ* (*-гъа*) при помощи личных показателей второго и третьего лица (*у-е-гъа-л* «чтоб ты подавился»); 4) очень редко желательное наклонение встречается в форме масдара (*уи-тхьэлэ-н* «чтоб ты утонул»). Однако нужно отметить, что в адыгейском языке все эти группы лексически ограничены. На наш взгляд, данные формы в прошлом были более употребительны и, в основном, явно были связаны с выражением проклинания. Эта семантическая направленность сохраняет силу и до сих пор, хотя сфера подобного применения более ограничена. При всей своей непродуктивности, они объединяются в пределах желательного наклонения единством семантического признака – выражение желания говорящего.

В русском языке доминантным значением данного наклонения является также выражение желания. Эти глаголы по своим факторным характеристикам являются ментальными побудительными: хотеть, желать, жаждать, мечтать и т.д. и обозначают непосредственно наличное у субъекта психическое (ментальное) состояние, определяемое субъективными (физиологическими, эмоциональными и др.) факторами и непосредственно побуждающее его к совершению действия [Категории глагола и структура предложения 1983: 31].

В кабардино-черкесском языке основным значением оптатива является выражение желания, которое может иметь весьма разнообразные оттенки (желание, повеление, просьба с оттенком желания), что делает неоднозначным его безоговорочное отнесение к желательному наклонению. Наверное, именно поэтому так остро стоит вопрос дифференциации форм повелительного и желательного наклонений, поскольку без четкого разграничения в морфологическом плане и обоснованного определения места каждого наклонения в парадигматической системе объективная модальность, которая сопровождает предложение, не будет показательной.

В специальных исследованиях по морфологии адыгских языков позвоительная форма желательного наклонения рассматривается в работах отдельных авторов. Еще Т. Борукев выделял повелительно-желательное наклонение [Борукаев 1932], а Б.К. Утижев считает, что повелительно-желательный вид – это особая форма повелительного наклонения [Утижев 1972]. В научных статьях по данному вопросу встречается также определение «позвоительная форма глагола», которое относят к желательному наклонению [Меретуков 1985].

Как видим, среди адыгovedов нет единодушия по вопросу о том, к какому наклонению отнести позвоительную форму глагола. Ряд исследователей относит ее к самостоятельным грамматическим категориям глагола (Г. Турчанинов, М. Цагов, У. Зекох), другие включают в состав повелительного наклонения (Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, Г. Рogaва, З. Керашева, Б. Утижев). Мы придерживаемся мнения, что позвоительная форма глагола по своей модальности и семантической направленности – разновидность оптатива. Богатство форм желательного наклонения можно объяснить, видимо, функциональным разнообразием некоторых форм, которые совмещают значения косвенных наклонений. Все встречающиеся разновидности форм с указанным значением можно разграничить на определенные типы выражения оптатива.

Основная форма желательного наклонения (оптатива I) образуется посредством суффикса *-рэт/-щэрэт*. Обычно этот суффикс выражает неосуществимое желание говорящего: *Нобэ узих къеишхашэрэт* «Хотя бы сегодня дождь пошел»; *Сэ къалэм сыкгуарэт* «Хоть бы я в город поехал».

Относительно этих форм мы согласны с мнением М.А.Кумахова, что вариант *-щэрэт* в кабардино-черкесском языке «представляет собой слияние частицы *гуышгъэ*, используемой в оптативных конструкциях с суффиксом *-рэт*: *къэкгуа гуышгъэрэт – къэкгуашгъэрэт* «хотя бы он пришел» [Кумахов 1971]. В настоящее время формы типа *гущэрэт* встречаются довольно редко, в основном в речи женщин более зрелого возраста. Мы не будем останавливаться на способах образования оптатива I, так как они более подробно охарактеризованы в литературе и существующее по их поводу мнение не вызывает возражений с нашей стороны.

В адыгских языках встречается разновидность желательного наклонения, которая употребляется в форме косвенного наклонения и образуется с помощью префикса *-ре* в кабардино-черкесском и *-рэ* в адыгейском языке. В зависимости от контекста этот префикс по своей семантике может иметь оттенки желания или повеления. Здесь тоже не обходится без разночтений по вопросу о том, к какому наклонению (желательному или повелительному) отнести форму с префиксом *-ре/рэ*. Некоторые специалисты относят данную форму к повелительному наклонению, что не лишено оснований с функциональной точки зрения. На наш взгляд, оптатив II отграничивается, хотя и не вполне четко, от собственно повелительного наклонения не только в грамматическом плане, но и в функциональном. Отличия можно проиллюстрировать на формах второго лица единственного числа в повелительном и желательном наклонениях: *тхэ* «пиши», *уы-ре-тхэ* «пусть ты пишешь». Отнесение форм типа *уырежэ* «пусть ты бежишь», *уыреджэ* «пусть ты читаешь» к желательному наклонению и объединение оптатива I и оптатива II под одним названием «желательное наклонение» могут вызвать некоторые возражения, однако представляется более правильным с функциональной точки зрения оптатив II отнести все-таки к желательному наклонению, нежели к повелительному [см. об этом: Кумахов 1971: 236].

Позвоительная форма желательного наклонения до сих пор специально не исследовалась с точки зрения ее возможности реализации субъектно-объектных морфем, хотя позвоительная форма глагола обладает более широким диапазоном для преобразования структуры, строения личной парадигматики среди других видов желательного наклонения.

Как известно, в адыгских языках, в частности в кабардино-черкесском языке, положительная форма повелительного наклонения в единственном числе выступает без показателей лица: *жэ* «беги», *плъэ* «смотри», а во множественном числе глагол в такой форме всегда сопровождается показателем второго лица множественного числа *ф-хьы* «вы несите», *фы-кӀуэ* «вы идите». В отличие от положительной формы императива позвоительная форма желательного наклонения выступает во всех трех лицах [Грамматика 1957]:

<i>сы-ре-кӀуэ</i>	«пусть я пойду»
<i>у-ре-кӀуэ</i>	«пусть ты пойдешь»
<i>и-ре-кӀуэ</i>	«пусть он пойдет»
<i>ды-ре кӀуэ</i>	«пусть мы пойдем»
<i>фы-ре-кӀуэ</i>	«пусть вы пойдете»
<i>и-ре-кӀуэ</i>	«пусть они пойдут».

В адыгских языках в парадигматике одноличных непереходных глаголов позвоительной формы желательного наклонения встречаются некоторые различия в строении как префикса, так и личных аффиксов:

адыг. <i>сэ-рэ-кӀу</i>	каб. <i>сы-ре-кӀуэ</i>	«пусть я пойду»
<i>уэ-рэ-кӀу</i>	<i>у-ре-кӀуэ</i>	«пусть ты пойдешь»

В кабардино-черкесском языке оптатив может осложняться префиксом *-е(йэ)*, который генетически представляет показатель косвенного объекта. В адыгейском мы видим другую картину: префикс *-е* выступает в двухличных и многоличных глаголах и предшествует префиксу оптатива, а не следует за ним, как это имеет место в кабардино-черкесском языке, где показатель позвоительности не фиксирован, ср.: адыг. *кь-е-рэ-нлъ*, каб. *кьы-р-е-нлъэ* «пусть он сюда посмотрит». Мы согласны с мнением М.А. Кумахова, что в кабардино-черкесском языке осложнение одноличных непереходных глаголов префиксом *-е(йэ)* является инновацией, т.к. присутствие косвенного объекта в одноличных непереходных глаголах не мотивировано с функциональной точки зрения и его появление может быть объяснено стремлением к выравниванию парадигматических рядов [Кумахов 1971].

Известно, что показатель позвоительности *-ре* не имеет четкой позиции в составе глагола кабардино-черкесского языка, тогда как в адыгейском языке *-рэ* всегда занимает препозицию по отношению к корневой морфеме глагола [Рогава, Керашева 1966]: *сэ-рэ-нлъ* «пусть я посмотрю», *шъу-сэ-рэ-нлъ* «пусть я на вас посмотрю», *шъу-кьы-сэ-рэ-нлъ* «пусть вы на меня посмотрите».

Интерес представляет то, что в адыгских языках префикс позвоительности может выступать не только средством оформления позвоительного значения. Кроме основного значения, *-рэ* может выступать в качестве соединительного элемента: адыг. *кьуишхьэмрэ псыхьомрэ* «гора и речка»; каб. *щӀалэмрэ хьыджэбзым-рэ* «парень и девушка».

Бытует также мнение, что данный префикс восходит к падежно-определенному аффиксу *-р*, а *-рэ* и может служить адвербиальным суффиксом, используемым при образовании наречий, выражающих количество или повторяемость действия или способа действия: адыг. *мафэрэ* «днем», *кӀэдрэ*, *бэрэ* «долго, часто» [Кумахов 1964].

В адыговедении нет единогласия по поводу происхождения префикса *-рэ//ре*. Например, Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф считают, что *-рэ* местоименного происхождения. Они пишут: «местоименное происхождение этого суффикса ясно из сопоставления его с местоименным префиксом, выражающим лицо орудного и отчасти дательного дополнения в составе глагола. В шапсугском диалекте этот префикс в виде «-рэ» употребляется в качестве показателя обоих чисел непродуктивного

субъекта в сложном спряжении (в том случае, если этот субъект в предложении словесно не выражен перед глаголом), когда в литературном языке мы имеем отсутствие субъектного префикса: шап. *рэ-кӀуагъэ* лит. *кӀуагъэ* «пошел», шап. *рэ-дагъэ* лит. *дагъэ* «шил» (вообще) [Яковлев, Ашхамаф 1941].

Существует точка зрения, что префикс *-ре* – исторически составной аффикс. Согласно этой версии, в формах *абы сэ сы-р-е-хь* «пусть он меня понесет» элемент *-р* выражает значение «пусть» в такой же мере, как и *-ре*. Однако, возможно и другое объяснение: что значение второго элемента показателя позволенности дается здесь показателем субъекта *-е*, т.е. можно допустить, что показатель субъекта слился со вторым элементом показателя позволенности: *абы сэ сы-р-е-хь* – *сы-рӀэ-йы-хь* «пусть он понесет меня» [Утижев 1972]. Возможно, эти утверждения и имеют реальную основу, тем не менее, данные положения требуют более детальной разработки.

Адыгские языки имеют некоторые различия по оформлению личных префиксов в оптативе II: префиксы субъекта в адыгейском выступают с огласовкой *-э*, в кабардино-черкесском – с огласовкой *ы*. Огласовка личных аффиксов первого и второго лица оптатива II в кабардино-черкесском языке тождественна формам прошедшего и будущего времен, в адыгейском – формам настоящего времени. Ср. аналогичное соотношение: адыг. *сэкӀуэмэ* – каб. *сыкӀуэмэ* «если я иду»; *уэкӀуэмэ* – *уыкӀуэмэ* «если ты идешь».

В кабардино-черкесском языке третье лицо единственного числа передается с помощью префикса *-и*, а второе – префиксом *-уы*, т.е. форма выражения субъекта дифференцирована:

с префиксом <i>-ре</i> :	без префикса <i>-ре</i> :
<i>и-ре-кӀуэ</i> «пусть он пойдет»	<i>уы-кӀуэ</i> «пусть» ты пойдешь
<i>и-ре-нлӀэ</i> «пусть он смотрит»	<i>уы-нлӀэ</i> «пусть ты посмотришь»
<i>и-ре-жэ</i> «пусть он бежит»	<i>уы-жэ</i> «пусть ты побежишь»

В глаголах типа *уы-ре-кӀуэ* «пусть ты пойдешь», *уы-ре-нлӀэ* «пусть ты посмотришь» показатель субъекта пребывает во втором лице единственного числа. В формах выражения показателей субъекта третьего лица единственного и множественного чисел также есть расхождения между адыгейским и кабардино-черкесским языками. Эти различия обнаруживаются как в переходных, так и непереходных глаголах в позволенной форме. В кабардино-черкесском языке в позволенной форме переходного глагола в третьем лице единственного числа в начальной позиции выступает показатель *-и*, а в адыгейском в основном аффикс *-е*: каб. *абы ар и-ре-шэ* – адыг. *ац ар е-рэ-щ* «пусть он поведет его»; *абы ар и-ре-хь* – *ац ар е-рэ-хь* «пусть он понесет то».

В кабардино-черкесском языке показатель субъекта третьего лица единственного числа может быть выражен префиксом *-ры*: *сы-ры-ре-хь* «пусть он понесет меня», *ды-ры-ре-хь* «пусть он понесет нас». При анализе выявляются некоторые особенности в передаче показателя субъекта третьего лица множественного числа. Например, «при выражении третьего лица множественного числа переходного субъекта префикс *-а* фонетически сливается с префиксом этого лица *-и/-йы/и* и *-е/-йэ/и* и образует с ними префикс *-я(йа)* [Грамматика 1957]. В кабардино-черкесском языке этот префикс реализуется в начальной позиции позволенной формы двухличного переходного глагола в качестве показателя субъекта третьего лица множественного числа: *абыхэм ар я-ре-шэ* «пусть они повезут то»; *абыхэм ар я-ре-хь* «пусть они понесут то». В адыгейском языке в этой роли выступает префикс *-а*: *ахэм ар а-рэ-щ* «пусть они повезут то»; *ахэм ар а-рэ-хь* «пусть они понесут то».

Нужно отметить, что в кабардино-черкесском языке в двухличных переходных глаголах, где конкретными показателями выражается прямой объект и субъект,

показатель третьего лица множественного числа –я нередко переходит в –а, но здесь происходит наращение элемента –р: *сы-ра-ре-т* «пусть меня отдадут»; *сы-ра-ре-хь* «пусть меня понесут».

В адыгейском языке, в отличие от кабардино-черкесского языка, показатель субъекта третьего лица множественного числа –а не имеет никакого наращения: *сэ ахэм с-а-рэ-хь* «пусть они меня понесут»; *сэ ахэм с-а-рэ-т* «пусть они меня отдадут».

Как уже было отмечено, в кабардино-черкесском языке в парадигме глагола префикс позволительности –ре не имеет устойчивой позиции, чего нельзя сказать о префиксе –рэ в адыгейском. Например, в формах типа *фэ сэ сы-вы-ре-шэ* «пусть вы меня поведете» префикс –ре занимает позицию между показателями прямого объекта и субъекта, тогда как в адыгейском языке в примере *шъо сэ сэ-шъо-рэ-хь* «пусть вы понесете меня» префикс –рэ не может выступать в другой позиции, кроме как в препозиции по отношению к основе глагола. Точно также в двухличных переходных глаголах в начальной позиции может выступать префикс –ре, за которым следуют показатели объекта и субъекта: *сэ ар и-ры-з-е-хь* «пусть я понесу то». В адыгейском языке префикс –рэ не может занимать подобной позиции.

В кабардино-черкесском языке в состав показателя позволительности –ре может вклиниться субъект, т.е. в парадигме глагола префикс –ре может функционировать раздельно: *сэ уэ ар у-ры-з-е-т* (показатель косвенного объекта + первый элемент показателя позволительности + показатель субъекта + второй элемент показателя позволительности + основа глагола) [Утижев 1972]. В адыгейском языке в парадигматическом ряду глагола подобное перемещение префикса –рэ невозможно. Следует заметить, что в адыгейском языке показатели, выражающие субъектно-объектные отношения, могут заменять друг друга, тем не менее, позиция префикса –рэ строго сохраняется.

Список источников

- Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Каб.-Балк. Облнаиздат., 1932. 142 с.
- Грамматика 1957 – *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 240 с.
- Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. 245с.
- Кумахов 1964 – *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 271с.
- Кумахов 1885 – *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 341 с.
- Меретуков 1985 – *Меретуков К.Х.* Вопросы строения глагола в адыгских языках. Май-коп: Мецниереба, 1985. 160 с.
- Утижев 1972 – *Утижев Б.К.* Позволительно-повелительные формы повелительного наклонения в кабардино-черкесском языке // Вестник КБНИИ. 1972. Вып. 5. С. 275–301.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 462 с.

References

- BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Kab.-Balk. Oblnasizdat., 1932. 142 p. (in Russian)
- Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian literary language]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 240 p. (in Russian)
- Kategorii glagola i struktura predlozheniya* [Categories of the verb and sentence structure]. L.: Nauka, 1983. 245 p. (in Russian)

KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskih yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1964. 271 p. (in Russian)

KUMAKHOV M.A. *Slovoizmenenie adygskih yazykov* [Inflection of the Adyghe languages]. M.: Nauka, 1971. 341 p. (in Russian)

MERETUKOV K.Kh. *Voprosy stroeniya glagola v adygskih yazykah* [Questions of the structure of the verb in the Adyghe languages]. Maikop: Metsniereba, 1985. 160 p. (in Russian)

UTIZHEV B.K. *Pozvolitel'no-povelitel'nye formy povelitel'nogo nakloneniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Permissive-imperative forms of the imperative mood in the Kabardino-Circassian language] IN: Vestnik KBNII. 1972. Vyp. 5. P. 275–301. (in Russian)

YAKOVLEV N.F., ASHKHAMAF D.A. *Grammatika adygejskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. M.–L: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 462 p. (in Russian)

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

ПЛЫФЭЦЦЭХЭМ Я ПСАЛЪЭЦЦІ ІЭМАЛХЭР
(ЕтІуанэ Іыхьэ)

Шэрджэс Заретэ Валерэ инхьу

Гуманитар кээхутэныгэхэмкІэ институт – Федеральнэ кээрал бюджет шІэныгэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балгькээр шІэныгэ центр» Федеральнэ шІэныгэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Шэрджэс З.В., 2022

Аннотациэ. Мы статьям кыпешэ нэхъапІуэкІэ кыдэкІа лэжыггэм, н.ж. мыр и етІуанэ Іыхьэщ адыгбзэ пльыфэццІэхэр кызырыху шыкІэ лІэужыггүэхэм. Апхуэдэ Іэмалу шыІэхэр япэщІыкІэ зэхыдоггэщхьэхукІ абыхэмкІэ кьэгэщІа ху пльыфэццІэхэм я куэдагь-мащІагькІэ, н.ж. Іэмал кьэс яІэ псалъэщІІ эфІэкІымкІэ. Апхуэдэ бгьэдыхьэкІэкІэ шыІэхэщ куэд кьэзымыггэху льябжьэужьхэр, мащІэ дьдэ фІэкІа кьэзымыггэху льябжьэужьхэр. АдэкІэ зэпкырыдох пльыфэццІэ кызытехьукІ псалъэ льяпкыггүэхэр – ахэр нэхьыбэу шыІэццІэхэр, бжыггэццІэхэр, кьэхьукІэццІэхэр аращ, итІанэ зы пльыфэццІэм нэгьуэщІІ пльыфэццІэ кыщытепщІыкІыжри мащІэкьым. КьедбжэкІахэм пльыфэццІэ кьатокІ льябжьэужь, льябжьэпэ, е а тІури зэуэ япыувэкІэрэ. Убгьуауэ бзэм кьеггэсэбэп псалъэпкьхэр зэхьыурэ псалъэщІІэ кьэггэщІын Іэмалыр. Іэмал лІэужыггүэхэм яхэтщ нэхьыбэ кызырыхухэри, нэхь мащІэ кызырыхухэри. Іэмал зэпкырытх кьэс нэІурыт хьун папщІэ шапхьэхэр кьахудохь, а шапхьэхэри нэхьыбэм контекстым зэрыхэтыр кьыдоггэляггүэ.

Зэрыггүэзэн псалъэхэр: куэд кьэзымыггэху, мащІэ дьдэ кьэзыггэху, бжыггэццІэ, кьэхьукІэццІэ, нэхьыбэ кызырыху кьэхьукІэ

Цитатэ кызырыхьхын: Шэрджэс З.В. ПльыфэццІэхэм я псалъэщІІ Іэмалхэр (ЕтІуанэ Іыхьэ) // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 76–82. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-76-82

Original article

METHODS OF FORMATION OF ADJECTIVES
(Second part)

Zareta V. Cherkesova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Z.V. Cherkesova, 2022

Annotation. In this article, we continue to consider the ways of forming adjectives in the kabardino-circassian language. First, we distinguish these methods according to the principle of the number of formed adjectives. Derived adjectives are formed in the following ways: suffixal, prefixal, prefixal-suffixal, as well as by adding the bases. The most productive are the suffix method and the basic structure. Next, we consider ways of forming adjectives from various parts of speech: noun, numeral, adverb, adjective. For each method of forming adjectives, examples are given with emphasis in the context of the example itself.

Keywords: the more productive way, the least productive way, numeral name, adverb, the most productive way

For citation: Cherkesova Z.V. Methods of formation of adjectives (First part). Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2022. 3 (54): 76–82. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-76-82

Научная статья

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (Вторая часть)

Зарета Валериевна Черкесова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© З.В. Черкесова, 2022

Аннотация. В этой статье продолжаем рассматривать способы образования прилагательных в кабардино-черкесском языке. Вначале мы разграничиваем эти способы по принципу количества образованных прилагательных. Далее мы рассматриваем способы образования прилагательных от различных частей речи: имени существительного, имени числительного, наречия, имени прилагательного. Производные имена прилагательные образуются следующими способами: суффиксальным, префиксальным, префиксально-суффиксальным, сложением основ. Наиболее продуктивными являются суффиксальный способ и основосложение.

По каждому способу образования прилагательных приведены примеры с выделением в контексте имени прилагательного.

Ключевые слова: малопродуктивный способ, непродуктивный способ, имя числительное, наречие, наиболее продуктивный способ

Для цитирования: Черкесова З.В. Способы образования имен прилагательных (вторая часть) Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 76–82. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-76-82

КьытешцIыкIа пльыфэццIэхэр кьоунэху Iэмал зыбжанэкIэ. Мы лэжьыгъэм дыщытепсэлъыхьынуц лъабжьэужькIэ, лъабжьэпэкIэ, лъабжьэпэ-лъабжьэужькIэ, псалъэпкъ зэхыхьэкIэ кьэунэху пльыфэццIэхэм.

ПльыфэццIэхэр нэгъуэщI псалъэ лъэпкъыгъуэхэм зэмылIэужьыгъуэхэм къатокI лъабжьэужь IэмалкIэ. ПльыфэццIэхэр кьызытекI псалъэпкъхэм елытауэ, псалъэ кьэзыгъэху лъабжьэужьхэр гупиплIу пхуэгъуэшынуц: а) щыIэццIэхэм пльыфэццIэ къатезыгъэкI лъабжьэужьхэр; б) лэжьыгъэццIэ псалъэпкъхэм пльыфэццIэ къатезыгъэхукI лъабжьэужьхэр, в) пльыфэццIэм пльыфэццIэццIэ кьытезыгъэкI лъабжьэужьхэр; г) бжыгъэццIэхэмрэ кьэхукIэццIэхэмрэ я псалъэпкъхэм пльыфэццIэ къатезыгъэкI лъабжьэужьхэр.

Куэд кьэзымыгъэху лъабжьэужьхэр:

-рилэ, ринэ – кьызытекI лэжьыгъэццIэм кьыкIыр куэдрэ кьэхуу, ар и нэрыгъыу зэрыщытыр кьегъэлыгъуэ: *хьуапсэ-рилэ, гъы-рилэ, уэлбанэ-рилэ, нэпсеи-рилэ нэцхьеи-рилэ* – Пэжу Марьянэ гукъыдэж лъэпкъ имыIэу *нэцхьеирилэ* хьуат, псалъэн и жагъуэт, зыри жимыIэу *пцэдджыжькIэ щIэкIти* и адэм имыгъусэу институтым *кIуэт*, кьэкIуэжа нэужьы ихэным зэрыхэзагъащи *щымыIэу* и пэшым еджэу *щIэст*, зэзэмызэ дьыдэ *Люсэ ириджемэ абы* и гъусэу кинон *щыкIуэ щыIэт* нэхъ *зыщыпIи кIуэтэкъым* [Тыуаршы 1978: 234].

-х – кьызытекI псалъэпкъым кьыкIыр и нэцэнэу, куэдрэ кьыщыщIу зэрыщытыр кьегъэлыгъуэ: *гузавэ-х, укIытэ-х, щыгъуупцэ-х* – *Апхуэдэхэм деж*: «*МафIэр*

Льябжьэпэкцэ пльыфэццэ кьэхуныгыэ

Адыгэбзэм льябжьэпэкцэ кьыщыхур пльыфэццэ мащцэщ. Пльыфэццэ кьэзыгьэху льябжьэпэхэр:

зэпэ-: зэпэ-хурей, зэпэ-пллимэ, зэпэ-зэв, зэпэ-Гэццэ – Бзылхугьэр псыгыуэ екьут, Гэпэхь костюм удзыфэ цыгыуу, и цхьэц баринэри псырылфэу, и тхьэкьумэ цыкьуитлми дыщэ тхьэгыу зэпэхурей илыу, Хьуэхьужьей щалгьуа нэхьей набдзэ Гув кьурашэрэ нитц кьылындыкьыр удзыфэ-кьащхьуэу, и пэри урысыпэ тлейуэ, ауэ Мухьарбек ба хуищыну зэхуэпсэнар абы и пьырыпцэ Гупэццэрат [Нало 2016: 198].

и-, я-хэмкцэ щыццэццэ хьэллэ пльыфэццэ кьатохьукцэ, щыпцэ кьагьэлыагыуэу: и-кцэ, и-цхьэ, я-пэ, и-ужь. И-, я- льябжьэпэхэр езыхэр кьатекцэщ зи цхьэ хушымыт ццэпапцэ и, я-хэм – Ицхьэ гуэлым бдзэжьей щеццэццэ кьунтх кьылахри, Мурид кьуэлэным хуэдэу зытху кьыхидзэц [Кьэрмокьуэ 2007: 189].

кьэ-: кьа-цхьэу – И гурей кьыкцэцэ, и нэ кьащхьуитцэ пьыджэрэ, и гурыфцэ кьыкцэцэцэ, лынд хуэдэ кьыгуфцэцэ [Нало 2016: 33].

мы-м щытыкцэ кьызэрыкцэ пльыфэццэ кьэгьэху: мы-ин, мы-дахэ, мы-хьу, мы-шу, мы-цыху – Нэхьапэццэ кьыриджэу щепсэлыам цыгыуу, иужькцэ цхьэусыгыуэ мышу гуэрхэр кьыгунысыу Замирэт иришэжьэну зэрыхьэтами зыри кьызэрымьклар игу кьокьыжри, Шафигь и псэр зэ ццэццэ [Кьэрмокьуэ 1988: 237].

Льябжьэпэ-лябжьэужь кьэхьукцэ

Льябжьэпэ зэхэлэ зэ-мы-мрэ льябжьэужь -гьу-мрэ зэщыгыуу кьагьэху пльыфэццэ зыбжанэ: зэ-мы фэ-гьу, зэ-мы-гуэ-гьу – Ауэ мы станицэм и тхьэрыкьуэ зэмыфэгыу пцэццэ хуэдэ зэгуэрми илэзэуатэцкьыми, и нэр Гэпахьу якцэццэ [Дыгьужь 2011: 49].

Псалъэпкь зэпыувэццэ пльыфэццэ кьэхуныгыэ

Пльыфэццэ зэхэлхэр кьохьу псалъэпкь зэхыхьэрэ, псалъэ зэпахэр хэшыпсыхькцэ. Апхуэдэ щыкцэцэ мы пльыфэццэццэ кьызэрыхьу лэужьыгыуэ зыбжанэу зэхэбгьэццэ мэхьу.

Нэхьыбэ кьызэрыхьу кьэхьукцэ

1. Зэпэщцэуэ мыхьэнэ кьызэрыкцэ пльыфэццэццэ мыхьуныгыэ льябжьэпэ мы- япыту зэхыхьэццэ кьохьу пльыфэццэ: мыфцэ-мылей, мыин-мыцыкьуу, мыжь-мыщцэ – Сытми, езыр мыдэццэ жьыжьэу кьыщынаццэ, кьыгурыуакьым абы екьуэццэ псор дьдэри нэсу, лажьы хьати имьцэу мыин-мыцыкьуу джьыдэ Гэрыхьуфцэ кьрехьэццэ Нэгьурбий [Хьэх 2013: 556].

2. Пльыфэ зэхуэмыдэ кьызэрыкцэ пльыфэццэ псалъэпкьитцэ зэхыхьэрэ кьохьу пльыфэццэ, нэгьуэщцэ пльыфэ кьыгьэлыагыуэу: цыхьуморафэ = цыхьу + морафэ; гьуэццэ = гьуэ + пльы; гьуабжэ-уэгуи = гьуабжэ, уэгуи – Льякьуэешэццэ хьыдан убгьуам теллэ льякьуэ кьыхьытцэ пцэццэццэ тэда хуэдэ кьэпцэцэ, льынтхуэ цыхьуморафэхэр кьытырикутат, джэццэцэ лэпсэхэри утцэцэцэ лээнкцэцэцэцэ елэлэхьырт [Щоджэццэцэ I. 1962: 39].

Мыпхуэдэ пльыфэццэ зэхэлхэм льябжьэужь -фэ япыбгьэуэ мэхьу: пльы-фэ-ху-жьыфэ, гьуэжьыфэ-морафэ.

3. Блэцэ зэманым ит Гуэхуццэ ццэ, жьы- пльыфэццэцэ пычыгыуэ -гьэ-кцэ зэпыщцэуэ пльыфэццэ кьохьу: лхьуагьащцэ, кьесагьащцэ, кьалхьуагьащцэ, кьесагьэжь, ццэгьэжь – Ауэ лэццэцэ физ лхьуагьащцэ и Гэпкьэпкь махэр узым тьысыпцэ зэрищцэ кьыхуэцэ [Кьэрмокьуэ 1964: 11].

4. Зы нэхьыщхьэу, адрей кьэрыдзэну зэпха зыгьэнагуэ псалъэ зэпхьаццэ зэпыщцэцэцэ зы псалъэ зэпхьа хьуэрэ пльыфэццэ кьохьу: Гэбыдэлэбыдэ = Гэ быдэ + лэ быдэ; Гэгумлэзэгуи = Гэ гуи = лэ гуи, Гэбыхьулэбыхьу = Гэ быхьу + лэ быхьу – Степан Ильич жицэцэцэ: Тембот Гэбыдэлэбыдэццэ

гьукIэ хьунуц, жи, Лу и натIэр лъагэци егъэджэн хуейц, жиIэри кызыпсэлъац [КIышчокъуэ 2005: 340].

5. ПсалъэКIапэ нэхъ-м шыIэцIэ е пльыфэцIэ псалъэпкъ пыувэкIэрэ кьохьу мы пльыфэцIэхэр: *нэхъыцхьэ, нэхъыкIэ, нэхъыцIэ – Шыпкъэу цытынрауэ нIэрэ цIыхум хьэл нэхъыцхьэу хэлын хуейр?* [Брат 1990: 130].

6. Ныкъуэ псалъэм пльыфэцIэ е лэжыгъэцIэ пыувэкIэрэ пльыфэцIэ кьохьу: *ныкъуэIэфI, ныкъуэделэ, ныкъуэтхьу, ныкъуэвэ – Уэй, сыту хуабжьу кьыхэуэрэ, уи IэкIэ блэжьым хуэдэ цыIэкъым, ауэ дауэ сиIын, Iэмалыншагъэм сыщиригъэзакIэ хьэсэ ныкъуэвэр уэ дзыхь пхуэсиIынц* [Дыгъужь 2011:110].

7. ПльыфэцIэ зэхэлъ кьохьу кьэхьукIэцIэ е кьэхьукIэцIэ мыхьэнэ зиIэ пльыфэцIэрэ IуэхуцIэрэ зэхыхьэкIэрэ, апхуэдэ псалъитIыр зэпыщIа мэхьу -ры пычыгъуэкIэ. Шапхьэ: *щабэрыкIуэ, псыницIэрыпсалъэ, жьырытэдэж – Фенэ нэхуыцм щигъэхьэжын и гугъа лIым нэху кы- тецхьауэ гъэмахуэ дыгъэ жьырытэдэжым и япэ бзийхэр унащхьэ пэшымы и цхьэгъубжэм кыдодбэкъукI* [Къэрмокъуэ 1998: 145].

Нэхъ мащIэ кызырыхьу кьэхьукIэхэр

1. ШыIэцIэрэ IуэхуцIэрэ зэхыхьэкIэрэ пльыфэцIэ кьохьу: *цхьэхуеуэ, цхьэщытхьу, цхьэзыфIэфI – Эх, а Къантемыри, Къантемыр! ЯукIым хуэдэц а щIалэ мыдаIуэр, а щIалэ цхьэзыфIэфIыр* [Мысачэ 1991: 151].

2. ШыIэцIэрэ лэжыгъэцIэрэ пычыгъуэ -ры-кIэ зэпха хьукIэрэ кьэхьу пльыфэцIэхэр: *лэрызехьэ, лэрымышь, фэрыщI – AIэ мыгъуэ! – мэгурым унэгъуацэ лэрымышьыр. – Нэхъапэ сызэбгъафэу цыта кIапIэхэр куэдкIэ нэхъ сэбэпт а иджы кысхуэпхь хьурей цIыкIухэм нэхьэр...* [Нало 2006: 211].

3. Япэ ит шыIэцIэм еIуанэр игъэбелджылыуэ тIури зэхэту цытыкIэгъэлыгъуэ пльыфэцIэ кьохьу: *цхьэпс, дыгъэпс, фэрэкIнапэ – Къудами тетьжкъым, фэи телъыжкъым псы лэгу мывэм зи фэр иритIыкIыу фэрэкIнапэ ищIа дакъэжьым* [Къэрмокъуэ 2007: 46].

4. IуэхуцIэ псалъэпкъитIми мы- лъабжьэпэ япыту зэхыхьэу кьэхьуа пльыфэцIэхэр: *мыхьумыщIэ, мыкIуэмьтэ – Зыми и фIэцу апхуэдэ хьыбар мыхьумыщIэхэр щимыIуатэкIэ, хэт и фызыжь цIыIуэпцIышэт шIэгужьеин хуейр?* [АбытIэ 1991: 105].

5. ПсалъэпкъитIри лъабжьэужь гуэркIэ гъэгугъуа шыIэцIэу зэхыхьэурэ кьэхьуа пльыфэцIэ: *нэфIэгъуфIэ, фейцей, IэкIуэлъакуэ – Дзадзэ и дыхьэицхь фейцейр зэхэзыха ДзэпцI Мыхьэмэт къабгъэдыхьац Дзадзэ зыхэт лы гупым* [Дыгъужь 2011: 34].

6. Зы псалъэм мыхьэнэ гуэр кыкIыу, еIуанэм кымькIауэ, ауэ макъкIэ япэ псалъэм кыпэджэжу зэхохьэри цытыкIэгъэлыгъуэ пльыфэцIэ кьохьу: *гъуабжэлыабжэ, къуэлэнцIэлэн – АмIэ сьтми кызырыгуэкI мыхьуу гъуабжэлыабжэ, Дельпоцо илгъэгъуа пцыхэм мыр ецхьтэкъым», – и цхьэм хужилэжащ инэралым* [МафIэдз 1982: 300].

7. Мыхьэнэ гуэр кызырымыкIыж псалъитI зэпыувэу кьэхьуа пльыфэцIэхэр: *тэрэфарэ, былуэбышэ – Къэкъеймэ къэкъейр нэIуаджэхэрац, былуэбышэхэрац, фаджэхэрац, лъагъугъуейхэрац. Ае, тхьэлухудхэри, фызыжь хьуа нэужь, ямыщIэххэу кыщыкъей кьохьу...* [Нало 2012: 120].

Ди кьэхутэныгъэм кьрикIуахэр кызыщIэпкъуэжмэ, пльыфэцIэу кьагъэхьум и куэдагъ-мащIагъкIэ лъабжьэужьхэр ягуэш куэд кьэзыгъэщI, куэд кьэзымыгъэщI, мащIэ дьдэ кьэзыгъэщI гупхэу. АдэкIэ щызэпкъырытхьащ пльыфэцIэ кызытехьукI псалъэ лъэпкъыгъуэхэр – ахэр нэхьыбэу шыIэцIэхэр, бжыгъэцIэхэр, кьэхьукIэцIэхэр аращ, итIанэ зы пльыфэцIэм нэгъуэщI пльыфэцIэ кыщытепщIыкIыжри мащIэкъым. Къедбжэклахэм пльыфэцIэ къатокI лъабжьэужь, лъабжьэпэ, е а тIури зэуэ япыувэкIэрэ.

Лэжьыгъэм кышыщыхьащ лIэужыгъуэ псоми хиубыдэ лъабжьэужьхэм, лъабжьэпэхэм, лъабжьэужь-лъабжьэпэхэм, псалгэ лъэпкыгъуэхэм кыагъэхьуа псалгэхэм ящапхьэхэр, абы шыгъуэми псалгэхэм къадэкIуэу апхуэдэ пльыфэццIэхэр IуэрыIуатэмрэ лъэпкь литературэмрэ кызырэщыагъэсэбэпри кыдогъэлыагъуэ.

ТегъэццIапIэхэр Список источников

- Абазэ 1994 – *Абазэ Л.Ш.* Бжьыхьэ нэпсхэр (Осенние слезы). Налшык: Эльбрус, 1994. 280 н.
- АбытIэ 1991 – *АбытIэ В.* Ирамышыжа нысащIэ (Несостоявшаяся свадьба). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. 264 н.
- Брат 1988 – *Брат Хь.М.* Ди жьэгум мафIэ шыблэжынщ (Тепло родного очага). Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1988. 312 н.
- Брат 1990 – *Брат Хь.М.* Рассказхэр. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1990. 392 н.
- Дыгъужь 2011 – *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъуыпкыу (Зимняя радуга). Роман. Япэ тхыль. Черкесск: РГУ «Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ», 2011. 174 н.
- Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.П.* Хьуэпсэгъуэ нур (Свет мечты). // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Роман. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.
- Къэрмокъуэ 1964 – *Къэрмокъуэ М.* Къоджэм уигъэжейркыым (Зовущий не дает спать). Налшык: Эльбрус, 1964. 256 н.
- Къэрмокъуэ 1988 – *Къэрмокъуэ М.* Шихухэр иджыри мэкI (А тополя еще растут). Налшык: Эльбрус, 1988. 480 н.
- Къэрмокъуэ 2007 – *Къэрмокъуэ М.* ПсыхэкIуадэ (Что в воду кануло). Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.
- МафIэдз 1995 – *МафIэдз С.* Гъыбзэ хуэфашэт (Гыбзы достойные). Налшык: Издательство «Эльбрус», 443 н.
- Мэзыхьэ 2008 – *Мэзыхьэ Б.* Бжьыхьэ макъамэхэр (Осенние мотивы). Новеллэхэмрэ, хыбархэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2008. 163 н.
- Мысачэ 1991 – *Мысачэ П.* Кхъужьейр мэгъагъэ (Цветет груша) // Тхыгъэхэр. Повестхэр, Рассказхэр, Пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1991. 140 н.
- Нало 2012 – *Нало З.* Дыджым и IэфIыгъэ (Сладость горечи) // Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
- Нало 2016 – *Нало З.* Тхыгъэ кыхьэхэхэр. Томиным шызэхуэхьэсауэ. Ещанэ Том. ПцIыIэрышэхэр. Псысэхэр. Таурыхьэхэр. Налшык: Эльбрус. 2016. 352 н.
- Теунэ 1980 – *Теунэ Хь.* Шэджемкъуэ лъэпкыр (Род Чегемоковых) // Тхыгъэ нэхьыщхьэхэр томитIу. ЕтIуанэ Iыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1980. 568 н.
- Тыуаршы 1978 – *Тыуаршы А.* Сэтэнейр къэгъагъэмэ (Когда зацветет лабазник) Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1978. 424 н.
- Хьэх 2013 – *Хьэх С.* Лыагъуэр гъуэгум хуокIуэ (Тропа ведет к дороге). Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.
- Шортэн 1975 – *Шортэн А.* Бгырысхэр (Горцы). ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.
- ЩоджэццIыкIу 1964 – *ЩоджэццIыкIу I.* Софят и гьатхэ (Весна Софийт). Налшык: Эльбрус, 1964. 432 н.

References

- ABAZE L.SH. *Bzhihe nepsher* [Autumn tears]. Nalshik: Elbrus, 1994. 280 n. (In Kabardino-Circassian)
- ABITIE V. *Iramishizha nisash'le* [A failed wedding]. Cherkessk: Stavropol thil tedzapIe. Kereshei-Sherdzhes otdelene, 1991. 264 n. (In Kabardino-Circassian)
- BRAT H.M. *Di zhegum mafle sh'iblezhinsh'* [The warmth of the native hearth]. Cherkessk: Stavropol thil tedzapIe. Kereshei-Sherdzhes otdelene, 1988. 312 n. (In Kabardino-Circassian)
- BRAT H.M. *Rasskazher*. Cherkessk: Stavropol thil tedzapIe. Kereshei-Sherdzhes otdelene, 1990. 392 n. (In Kabardino-Circassian)

- DIGUZH KU. *Sh'Imahue legupiku* [Winter rainbow]. Roman. Yape thil. Cherkessk: RGU «Kereshei-Sherdzhes thil tedzaple», 2011. 174 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIISH'OKUE A.P. *Huepsegue nur* [Dream light] // Thigeher tomihim sh'izehuesae. Roman. T. 2. Nalshik: Elbrus, 2005. 488 n. (In Kabardino-Circassian)
- KERMOKUE M. *Kodzhem uigezheirkim* [The call]. Nalshik: Elbrus, 1964. 256 n. (In Kabardino-Circassian)
- KERMOKUE M. *Sh'ihuher idzhiri meki* [And the poplars are still growing]. Nalshik: Elbrus, 1988. 480 n. (In Kabardino-Circassian)
- KERMOKUE M. *Psihekluade* [What has sunk into the water] // Povesther, rasskazher. Nalshik: Elbrus, 2007. 264 n. (In Kabardino-Circassian)
- MAFIEDZ S. *Gibze huefash'et* [Worthy of a sad song]. Nalshik: Izdatelstvo «Elbrus», 443 n. (In Kabardino-Circassian)
- MEZIHE B. *Bzhihe makameher* [Autumn motifs]. Novellehemre, hibarhemre / Nalshik: Elbrus, 2008. 163 n. (In Kabardino-Circassian)
- MISACHE P. *Khuzheir megage* [Pear blossoms] // Thigeher. Povesther, Rasskazher, Peseher. Nalshik: Elbrus, 1991. 140 n. (In Kabardino-Circassian)
- NALO Z. *Didzhim i Ieflige* [The sweetness of bitterness] // Povesther. Nalshik: Elbrus, 2012. 368 n. (In Kabardino-Circassian)
- NALO Z. *Thige kihehaheher* [Selected works]. Tomish'im sh'izehuesae. Esh'ane Tom. PcliiIerisheher. Psiseher. Taurihher. Nalshik: Elbrus. 2016. 352 n. (In Kabardino-Circassian)
- TEUNE H. *Shedzhemokue lepkir* [The Chegemokov's genus] // Thige nehish'heher tomitlu. Etluane lihe. Nalshik: Elbrus, 1980. 568 n. (In Kabardino-Circassian)
- TIUARSHI A. *Seteneir kegageme* [When the labaznik (Satanei) blooms]. Cherkessk: Stavropol thil tedzaple. Kereshei-Sherdzhes otdele, 1978. 424 n. (In Kabardino-Circassian)
- HEH S. *Laguer guegum huoklue* [The trail leads to the road]. Nalshik: Elbrus, 2013. 624 n. (In Kabardino-Circassian)
- SHORTEN A. *Bgirisher* [Highlanders]. Etluane thil. Nalshik: Elbrus, 1975. 403 n. (In Kabardino-Circassian)
- SH'ODZHENCIIKIU I. *Sofyat i gathe* [Spring sofyat]. Nalshik: Elbrus, 1964. 432 n. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Шэрджэс З.В. – филологие щэныгээхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжъакIуэ.

Информация об авторе

З.В. Черкесова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Cherkesova – candidate of science philology, researcher of the sector of the kabardino-circassian language.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-83-89

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ И ГРАНИЦЫ ЕЕ ПЕРЕТЕКАНИЯ В ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2022

Аннотация. В данной статье впервые предпринята попытка выявить некоторые элементы амбивалентности и космологичности в поэзии Инны Кашежевой. Рассматриваются общетеоретические положения периода советской истории. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые затронута проблема амбивалентности поэзии И. Кашежевой, рассмотрены границы перетекания и скрещивания символики России и Кавказа. Актуальность исследования состоит в том, что творчество И. Кашежевой – это новый этап в обогащении художественной мысли России и Кавказа, а ее лирика опирается на опыт русской поэтической школы, лучшие традиции русского и Кавказского фольклора (нартского эпоса). Целью статьи является сравнительный и структурный анализ поэтического творчества И. Кашежевой, а также исследование ее поэзии и связанных с ней литературных процессов в художественно-эстетическом измерении эпохи ноосферного прогресса.

Ключевые слова: диалог культур, литература «шестидесятников», «оттепель», космология, амбивалентность, ноосферный прогресс, скрещение миров

Для цитирования: Алхасова С.М. Амбивалентность и границы ее перетекания в поэзии Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 83–89. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-83-89

Original article

AMBIVALENCE AND THE BOUNDARIES OF ITS FLOW IN THE POETRY OF INNA KASHEZHEVA

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2022

Abstract. This article is the first attempt to identify some elements of ambivalence and cosmology in the poetry of Inna Kashezheva. The general theoretical provisions of the period of Soviet history are considered. The scientific novelty of the study lies in the

fact that for the first time it touches upon the problem of the ambivalence of the poetry of I. Kashezheva, the boundaries of the overflow and crossing of the symbols of Russia and the Caucasus are considered. The relevance of the study lies in the fact that the work of I. Kashezheva is a new stage in the enrichment of the artistic thought of Russia and the Caucasus, and her lyrics are based on the experience of the Russian poetic school, the best traditions of Russian and Caucasian folklore (Nart epos). The purpose of the article is a comparative and structural-analytical analysis of the poetic work of I. Kashezheva, as well as the study of her poetry and related literary processes in the artistic and aesthetic dimension of the era of noospheric progress.

Keywords: dialog of cultures, literature of the “sixties”, “thaw”, cosmology, ambivalence, noospheric progress, crossing of worlds

For citation: Alkhasova S.M. Ambivalence and the limits of its overflow in the poetry of Inna Kashezheva. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 83–89. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-83-89

Специфика идиолекта, амбивалентность и вселенские мотивы в поэзии Инны Кашежевой не исследованы по настоящее время. Отдельные аспекты творчества поэтессы освещались в статьях Н. Смирновой [Смирнова 2014] и О. Дерико [Дерико 2008].

Как известно, расцвет поэзии Инны Кашежевой пришелся на 60–70 гг. XX в. – на период «оттепели» (название связано с выходом в свет в 1954 г. повести Ильи Эринбурга «Оттепель»): 1956–1964 называют периодом «классической оттепели». Выделяют раннюю и позднюю оттепель. Это, соответственно, с 1953 по 1956 гг. и с 1964 по 1968 гг. Эта градация принята официально в работах по истории литературы, и считается наиболее верной. Повесть Эринбурга «Оттепель» позволила обозначить новый этап в жизни советского общества, наступившего после смерти Сталина и характеризовавшегося резким изменением социально-политического и экономического курса. В некоторой степени в обществе стали появляться ростки либеральных изменений. Это время впервые позволило раздвинуть идеологические рамки советской поэзии. Оно сопровождалось расцветом литературы, всей поэзии. Процесс «очеловечивания» заявил о себе в поэзии в своей литературной сути. Многих охватила эйфория от того, что открылись новые возможности к идеологической свободе. Эмоциональный всплеск выразился в первую очередь в поэзии.

На этой благодатной почве родился яркий талант юной Инны Кашежевой. Она может быть отнесена с полным правом к эпохе «оттепели». Еще в шестнадцать лет ее стихи были опубликованы в популярном общесоюзном журнале «Юность». Стихи Инны легко ложились на ноты, а музыку к ним сочиняли лучшие композиторы страны. Исполняли эти песни самые популярные, талантливые и любимые страной певцы. Позже вся советская эстрада стала наполненной песнями на стихи Инны Кашежевой: было написано более 300 популярных эстрадных песен.

Однако поэзия И. Кашежевой заметно отличается от поэзии сочинителей периода оттепели. Она имеет свою, присущую только ей, специфику, и содержит в себе такие психолингвистические и литературно-художественные элементы, которые характеризуют только ее творчество. Поэзия И. Кашежевой – это новый этап в обогащении художественной мысли России и Кавказа, а ее лирика опирается на опыт русской поэтической школы, лучшие традиции русского и кавказского фольклора (нартского эпоса):

И я – Кавказ. И я оттуда,
где пахнет ледником роса,
где мне дарованы *два* чуда –
на мир взглянувшие глаза.
Где чуткий жеребенок – детство,
лишь свистнешь – и примчит тотчас,

где так естественно соседство
долин и гор... И я – Кавказ [Кашежева 2014: 82].

Особенностью многих стихов И. Кашежевой является то, что истоки ее поэзии заключают в себе элементы амбивалентности. Наряду с этим в них содержатся элементы космологичности. В связи с этим поэзия И. Кашежевой поднимается до космологического, Вселенского звучания.

Что мы подразумеваем под понятиями амбивалентности и космологичности? Вот пример: «Моя Родина – Кабарда, отчий дом – Каменномост. Сердце мое стучит в Москве, а душа поет в Каменномосте». Это яркий пример амбивалентности. «Амбивалентность – это отношения к чему-либо или кому-либо, иначе говоря, когда один объект вызывает у человека сразу два противоположных чувства...» [Лощилина 2004: 30–35]. Амбивалентность (двойственность, двусмысленность) – двузначность, иногда противоречивость. В психологии чувств амбивалентность означает двойственное переживание, совместное присутствие в душе двух противоположных, не всегда совместимых стремлений касательно одного объекта – например, симпатии и антипатии. Или же симпатии к двум совершенно разным, или противоположным объектам, как это мы видим на примере творчества И. Кашежевой:

Горы вечно во мне болят,
Город вечно во мне живет.
Может, все это сложно понять,
Только истина все же ясна:
Просто были отец и мать,
Горец он, и москвичка она... [Кашежева 2014: 15].

Вся поэзия И. Кашежевой на космологическом уровне пронизана амбивалентными темами: это любовь к Кавказу и любовь к Москве:

Когда для счастья сердце мне мало,
Когда печалют мелкие раздоры,
Я обращаю мысленные взоры
К тебе, Кавказ,- чистилище мое,
К вам, мои судьи, к вам, родные горы!
Закрыв глаза, я вижу наяву,
Как вы в своем заснеженном обличье,
Неся тысячелетние обычаи,
Являетесь негаданно в Москву... [Кашежева 2014: 59].

В поэзии И. Кашежевой прослеживается принцип двойного сознания: московская русскоязычная поэтесса не владеет кабардино-черкесским языком, особенностями мышления горцев, особенностями национального менталитета. Но она отталкивается от них, стремится к ним. И, с другой стороны, меж ними симбиоз, она питается духом Кавказа, холит и пестует тему гор, аула, откуда произошел ее род, где родился ее отец. Поэтесса надеется, что полное слияние с родиной отца рано или поздно случится. И, с другой стороны, она не может жить без Москвы, без ее суеты и шума:

Отец мой – суровый горец,
Глаза ледяной росы.
А мама из нежных горлиц,
Взращенных на Руси [Кашежева 2014: 15].

И. Кашежева остается частью московской интеллигенции, живет тем временем, которым живут они, боится их проблемами, и душой радуется их радостью.

Интеллигенция страдает, что вынуждена жить при такой власти, и вместе с тем, с другой стороны, стремится к благополучию. Это подспудно отражается в стихах И. Кашежевой. Происходит совмещение несовместимого. В этом и заключается амбивалентность ее поэзии. Такое качество характерно не только для творчества И. Кашежевой, но и для произведений «шестидесятников», на протяжении всего периода «оттепели» (раннего и позднего периодов).

Как пишет Н.А. Смирнова: «С одной стороны, она (Инна Кашежева. – С.А.) – московская девочка, а с другой стороны, она оттуда, с Кавказа»: “Мне вписан в гены лик этот волею отца” [Смирнова 2014: 11–12]. Изложенная поэтическим языком амбивалентность – это суть и содержание души самой поэтессы. Из аула Кармахабль (Каменноостское) были ее отец и дядя, кабардинский просветитель Талиб Кашежев. То, что москвичка И. Кашежева «оттуда», с Кавказа, с аула Камохабль, почти документально подтверждается такими строками:

В тихой пристани Каменнооста,
В том селе, что звалось Кармахабль,
Ты не знаешь обычного чуда:
Там и мост ни к чему – всюду брод,
Но, представь, почему-то оттуда
Вышел в плаванье древний мой род... [Кашежева 2014: 27].

Или:

Горы! Горы! Вас надо любить.
Как материнские любят морщины.
Надо так высоко парить,
Чтоб вам целовать вершины [Кашежева 2014: 17].

И в то же время:

О, Север, хмурый, заболоченный,
С озерным взглядом голубым!
Ты стал не крестным и не отчимом,
Ты стал ровесником моим.

Чтоб показать передо мною
Таящийся в снегах огонь,
Ты жжешь рукою *ледяною*
Мою *горячую* ладонь [Кашежева 2014: 9].

В первую очередь, амбивалентность стихов И. Кашежевой проявилась в общей двойственной структуре всех циклов стихов: отметим как главную особенность – основанность на антитезе, дихотомичный, полюсный характер художественного мировоззрения поэтессы («Лермонтов», «Бэла», «Как будто высвечено лицом», «Плати, плати, за все плати...», «Старики понимают детей» и др.). Эта дихотомичность проявляется на всех уровнях художественного целого поэзии И. Кашежевой. Неизбывная, высокая любовь к Кавказу и такая же не только к Москве, но и ко всему Северу: то есть, амбивалентный художественный мир поэзии Кашежевой – это соединение высокого, героического, пафосного и порою шемящего, тоскливого и грустного, и даже низменного: Например, в стихотворении «Лермонтов» соединяются восхищение «сердцем чистым, как верба» поручика и его «хмельной любовью», мужеством, выправкой, и при этом даются снижающие детали – «здесь вселится в поэта Демон, злой дух, который сердцем лют», или необузданная плоть, иногда уродливая, замечание о тупости и равнодушии шута Мартынова или «лакея с грязным пистолетом...»:

Как обелиск, застыл Машук
Над распластавшимся поэтом,
Убийство, а не честный спор
Звук выстрела и ливня лепет...
Без Лермонтова в день тот летний
Ушел в поход Тенгинский полк [Кашежева 2014: 5].

«Инна Кашежева еще с детства, с юности влюбилась в этот край, родину отца. Кавказ, родные Зольские просторы, пахнущие ароматом альпийских лугов, предстали перед ней во всей своей красоте и величии. Он остался с Кашежевой на весь ее век – отпечатался в сердце, ожил в стихах, рассыпал по строчкам свои загадочные имена» [Смирнова 2014: 18]:

О названья земли родной!
Одурманивая и маня,
Вы повсюду всегда со мной,
Непонятные имена.
И какой-то щемящей тоской,
Взяв меня в свой гортанный плен,
Отдается во мне: Терскол!
Куркужин, Нартан! Гунделен! [Кашежева 2014: 47].

Амбивалентное состояние души поэтессы – это не поза, а доказательство честности души, отношения к предмету. В «кавказских» стихах М. Кашежевой ни единой фальшивой ноты, в них дышит искреннее чувство, которое раскрывается с первых строк:

Чтоб рассудить: а так ли я живу?
А так ли я живу, пишу, люблю,
Служу огромному, как звезды, веку,
И к раненому веком человеку
Всегда ли и вовремя спешу? [Кашежева 2014: 137].

Здесь происходит слияние, примирение двойственности, которое переходит в единое чувство любви: и к Кавказу, и к Москве. Это сложная гамма чувств, которую поэтесса испытывает и к горам Кавказа, и к русской равнине. Предполагается, что эти чувства – норма по отношению к тем, чьи роли в жизни поэтессы также неоднозначны:

Я еду по Москве, а ей все нет конца.
Она мне говорит от первого лица:
Люби меня всегда, спеши издалека.
Садовое кольцо венчает на века.
Но пусть в пути любом моя Москва-река
Тебя благословит, как матери рука [Кашежева 2014: 221].

Однополярность же чувств (только положительные или только отрицательные) интерпретируется ею скорее как проявление идеализации, то есть предполагается, что чувства на самом деле амбивалентны, но поэтесса этого не осознает. В этих стихах незаходящее солнце и особенный воздух родины, без которого не жить и не дышать. Когда сердце в Москве, а душа в Кабарде, когда мучительно осмысляется жизнь *на две родины и два мира*, рождается настоящее:

А в моей Кабарде жара,
А в Москве у меня дожди...
Ты отважься и из вчера

В свой сегодняшний день гляди.
На Эльбрусе лежат снега,
Над Москвой плывут облака,
Седовласого старца взгляд,
Хипача ухмылистый рот...
Я живу сорок с лишним лет
Этим образом двух миров.
Я живу в сегодняшнем дне.
О, как яростна его роль!
И едины они во мне,
Мое счастье и моя боль [Кашежева 2014: 235].

Итак, мы выявили элементы амбивалентности и космологичности в поэзии Кашежевой, такие, строки, как: «*Отец мой – суровый горец, Глаза ледяной росы. А мама из нежных горлиц, Возвращенных на Руси*»; «*Моя Родина – Кабарда, отчий дом – Каменномост. Сердце мое стучит в Москве, а душа поет в Каменномосте*»; «*Белый снег и зеленый склон, веток тихие мановенья и цикад неумолчный сонм – это все и есть моя вера*»; «*Когда для счастья сердце мне мало, Когда печалют мелкие раздоры, Я обращаю мысленные взоры К тебе, Кавказ, – чистилище мое, К вам, мои судьбы, к вам, родные горы!*» и др., – подтверждают нашу концепцию.

Следует пояснить, что понятие амбивалентности не является таким простым и легко объяснимым явлением в литературе, и особенно, поэзии. В нашем случае амбивалентность следует рассматривать как сосуществование двух изначально присущих кабардинской московской поэтессе противоположных глубинных побуждений, самыми фундаментальными из которых являются влечение к жизни и влечение к смерти.

В поэзии И. Кашежевой амбивалентность обычно проявляется как сложная гамма чувств, которую она испытывает к кому-либо или к чему-либо. Предполагается, что амбивалентность – норма по отношению к тем, чья роль в жизни поэтессы так неоднозначна: «*Ходим все под Богом, страх свой затая...*» [Кашежева 2014: 221].

В стихах И. Кашежевой периодически происходит глобальная смена ее отношения к кому-либо или к чему-либо: в одном стихотворении она испытывает к жизни только положительные чувства, а в другом – только отрицательные, а затем – снова только положительные. В 1994 г. И. Кашежева написала два стихотворения, где проявляются два кардинально противоположных отношения к жизни: «*Мне казалось, вот-вот начнется, шар земной под ногою качнется, тайный ангел-хранитель очнется, всем злым демонам нашим назло... Мне казалось... А что оказалось? Все прошло, все прошло, все прошло*» [Кашежева 2014: 264]. Во втором стихотворении, полном светлых чувств и надежд на будущее, поэтесса писала: «*Мир умыт, как ребенок поутру, после дождика словно согрет... И опять оживает забытое, словно вечности ориентир: хорошо, как дитя умытое, с ожиданьем глядеть на мир*» [Кашежева 2014: 276].

В заключение следует отметить, что весь литературный путь И. Кашежевой – это последовательное созидание самобытного и своего собственного художественного мира. Этот мир притягателен неповторимой индивидуальной эмоциональной окраской, глубиной чувств и органичностью поэтической речи, проникнут высокой духовностью.

Список источников

Дерико 2008 – Дерико О. Инна Кашежева // Научно просветительский журнал «Архивы и общество». 2008. №. 1 // <https://library.sgu.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

Кашежева 2014 – *Кашежева И.* Избранное: Стихотворения / сост. Дж.П. Кошубаев. Нальчик: Эльбрус, 2014. с.

Лощлина 2004 – *Лощлина О.* Литература оттепели // Энциклопедия Кругосвет 2004 // krugosvet.ru...obrazovanie/literature // ОТПЕЛИ.html (дата обращения: 25.05.2022).

Смирнова 2014 – *Смирнова Н.А.* Инна Кашежева // «45-я параллель». inna_kashezheva/ 5, 2014.

References

DERIKO O. *Inna Kashezheva*. Nauchno-prosvetitel'skij zhurnal «Arhivy i obshchestvo». [Inna Kashezheva] // Scientific and educational journal “Archives and society”. 2008. № 1]. <https://library.sgu.ru> (In Russian)

KASHEZHEVA I. *Izbrannoe: Stihotvoreniya* [Favorites: Poems] Sost. Dzh.P. Koshubaev. Nal'chik: El'brus, 2014. 320 s. (In Russian)

LOSHCHILINA O. *Literatura ottepli*. [Literature of the Thaw]. EnciklopediyaKrugosvet. krugosvet.ru...obrazovanie/literatura..._OTPELI.html

SMIRNOVA N.A. *Inna Kashezheva* [Inna Kashezheva]. «45-ya parallel'». inna_kashezheva/ 5, 2014. (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 21.07.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 21.07.2022; accepted for publication 01.12.2022.

МЕЧУЛАНЫ КЯЗИМНИ СЮЙМЕКЛИК НАЗМУЛАРЫ

Биттирланы Шамишудинни кызы Тамара

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, bittir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© Биттирова Т.Ш., 2022

Къысха магъана. Илму жазмада Мечулары Кязимни суймеклик лирикасына биринчи кере энчи эм терен къаралады. Бир къауум алим айтханнга кёре, закий назмучу адабиятха биринчи атламларын аллай назмуладан башлагъанды. Болсада алимлени асламысы дин назмуладан деген оюмну жакълагъанлары себепли, бу илму иште суймеклик назмула биринчи атламла болгъанлары бегитиледи. Кязимни суймекликке жораланган назмуларын – «Арбазынга къарай озама...», «Аллах бизге суймеклик жазды...», «Тели болуп жулдузлагъа къарайма...», «Салам жаздым санга артыкъ...», «Къарап турдум баргъанынга...», «Атанг келди да гюрбежиге...», «Санга къайыкъ бла баргъа», «Къоншубуз, Ожакъ тютюнбюз...», «Жал борчум салып тузакъ...», «Бели инчге, субай назы...», «Къара къашынг, къара кёзюнг», «Къонган къушха базынып...», «Къаламым, салтам – мюлкюм...», «Мен Беккини жашы – Кязим...» къарачай-малкъар халкъны кёлден чыгъармачылыгында тюбеген йинарладан бла шаркъ поэзияны юлгюлери бла тенгleshдирип, жазмада назмучу энчи хаты белгиленеди. Поэтни назмулары фольклор чыгъармаладан суйген кызына ниет тазалыгы, жан аурутуу бла къайгырыуу дегенча затла бла энчиди. Мечулары Кязимни суймеклик назмуларына Къулийланы Къайсын берген бийик багъа жазмада жер тапханды. Илму иште назмулада болгъан сезим дуниясы Кязимни поэмаларында да айныгъаны чертиледи. «Бузжигит» бла «Тахир бла Зухра» атлы дастанларында Мечулары Кязим Шаркъ поэзияда тюбеген белгили сюжетлени кесича къалай айныгъаны да тинтиледи. Илму жазмада назмучу суймеклик назмулары саулай да чыгъармачылыгына къаллай тюрсюнле, сезимле ийлешдиргени ачыкъланады.

Баи магъаналы сёзле: Мечулары Кязим, малкъар поэзияда, суратлау төреле, жангычылыкъ, суймеклик назмула, йинарла

Цитата этерге: Биттирланы Т.Ш. Мечулары Кязимни суймеклик назмулары // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 90–97. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-90-97

Original article

POEMS ABOUT LOVE BY KAZIM MECHIEV

Tamara Sh. Bittirova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tbittirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© T.Sh. Bittirova, 2022

Abstract. The scientific article for the first time examines the poems of the classic of Karachay-Balkar poetry Kazim Mechiev, dedicated to love. According to researchers of his work, the poet began his journey into poetry with lyrical poems, others say – with spiritual ones. The author of the article, adhering to the first opinion, considers this fact of

the poet's work, based on his personal fate, when the bride's relatives did not perceive the young man because of his social status. Kazim's poems about love – "I wanted to move to you in a canoe...", "I was reaching for you on a shuttle...", "I feel the warmth of your home...", "Looking at your yard ...", "Allah has ordained love for us...", "Having lost my mind, I look at the stars...", "I wrote you a letter ...", "I watched you walk...", "Your father came by once...", etc. are analyzed in comparison with examples from Karachay-Balkar oral folk art and Oriental classics and the author's individuality is determined in revealing one of the main themes of world poetry. Kazim Mechiev's poetry in this topic is distinguished by a special interest in the inner life of his beloved, everyday worries about her state of mind. The article also gives a high assessment given by Kaisyn Kuliyeu to the love lyrics of Kazim Mechiev. The article states that the poet's love lyrics laid the foundation for writing the famous dastans "Buzhigit" blah "Tahir blah Zuhra". The author analyzes the creative approach of Mechiev Kazim when writing "oriental" poems, when with a given plot it was necessary to "tie" him to the mountain realities of the early twentieth century.

Keywords: Mechiev Kazim, innovation and artistic traditions in Balkar poetry, poems about love

For citation: Bittirova T.S. Poems about love by Kazim Mechiev. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2022; 3 (54): 90–97. (In Karachay-Balkar). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-90-97

Научная статья

СТИХИ О ЛЮБВИ КЯЗИМА МЕЧИЕВА

Тамара Шамсудиновна Биттирова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tbittirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-3815-8615>

© Т.Ш. Биттирова, 2022

Аннотация. В научной статье впервые исследуются стихи классика карачаево-балкарской поэзии Кязима Мечиева, посвященные любви. По мнению исследователей его творчества, поэт начинал свой путь в поэзию с лирических стихов, другию утверждают – с духовных. Автор статьи, придерживаясь первого мнения, рассматривает данный факт творчества поэта, исходя из его личной судьбы, когда молодого человека родня невесты не воспринимала из-за его социального статуса. Стихи Кязима о любви – «К тебе я хотел перебраться в челне...», «На челноке к тебе тянулся...», «Чую твоего жилья тепло...», «На твой поглядывая двор...», «Аллах предопределил нам любовь...», «Рассудка лишившись, на звезды взираю...», «Я написал тебе письмо...», «Я смотрел как ты шла...», «Твой отец заходил как-то раз...», и др. анализируются в сопоставлении с примерами из карачаево-балкарского устного народного творчества и восточной классики, определяется авторская индивидуальность в раскрытии одной из главных тем мировой поэзии. Поэзию Кязима Мечиева в этой теме отличает особый интерес к внутренней жизни любимой, каждодневные тревоги о ее душевном состоянии. В статье также приводится высокая оценка, данная Кайсыном Кулиевым любовной лирике Кязима Мечиева. В статье констатируется, что любовная лирика поэта заложила основу для написания известных дастанов «Бужигит» и «Тахир и Зухра». Анализируется творческий подход Мечиева Кязима при написании «восточных» поэм, когда при заданном сюжете необходимо было «привязать» его к горским реалиям начала XX века.

Ключевые слова: Мечиев Кязим, новаторство, художественные традиции, балкарская поэзия, стихи о любви, ийнары, народная лирика

Для цитирования: Биттирова Т.Ш. Стихи о любви Кязима Мечиева // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 90–97. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-90-97

Кязимни чыгъармачылыгъын терен тинтгенде, аны биринчи тизгинлери сюймеклик неда дин бла байламлы боллугъу ишексизди. Теппеланы Алим назмучуну

поэзияда биринчи атламларыны юсюнден кеп сагъыш этгенди эмда ол атламла зикирледен башланнганына шагъатха, быллай фикирин айтханды: «Кязим хадислени, кесича, назмугъа салып айтады, халкъ жырланы, нарт таурухланы айтханда уа, ала бюгюн этилгенча, ол жыйылгъанланы кез туураларында аланы кеси тизгенча, алай эшитиледиле. Уллу жарсыугъа, Кязимни назму этип айтыучу хадислери, халкъ жырланы магъаналарында кьуралгъан насийхат назмулары да халкъ эсинде сакъланмагъандыла» [Теппеланы 2001:8]. Бюгюнлюкде, адабият терелеге тыяна оюм этсек, Кязимни биринчи назмулары суймеклик назмуладыла. Бизге жетген назмуларыны энчиликлерине кере, Кязим жыйырмажыллыгъында кьурагъанды 14 лирика назмусун: «Арбазынга кьарай озама...», «Аллах бизге суймеклик жазды...», «Тели болуп жулдузлагъа кьарайма...», «Салам жаздым санга артыкъ...», «Кьарап турдум баргъанынга...», «Атанг келди да гюрбежиге...», «Санга кьайыкъ бла баргъа», «Кьоншубуз, Ожакъ тютюнлюбюз...», «Жал борчум салып тузакъ...», «Бели инчге, субай назы...», «Кьара кьашынг, кьара кезюнг», «Кьоннган кьушха базынып...», «Кьаламым, салтам – мюлкюм...», «Мен Беккини жашы – Кязим...». Кязим аланы жазгъан кезиуде окьуна халкъыбызны ниет терюне тийишли болгъан, керти поэт келгенине назмулада баямланган усталыкъ шагъатды. Теппеланы Алим айтханнга кере, назмучу былада «...суймекликни тазалыгъын, эркинлигин кьоруулайды. Аны бла бирге суратлау хатын кьурайды. Ана тилде суратлаулукьну алыкьын белгили болмагъан амалларын излейди» [Мечиланы 1989: 351]. Башха ишинде Алим ол назму кьауум «шаркъ назмучулукьну терелеринде жазылып, терен социальна магъананы тутханды», дейди. [Теппеланы 2001: 18].

С. Николаев «Мечиев Кязимни литература ингири» деген очеркинде Кязимни чыгъармачылыкъ жолунда биринчи атламларыны юсюнден аны кесини сёзлерин келтиреди: «Жыр этип, назму жарашдырып мен эртде башлагъанма. Адамла тилеп, кеп жыр жазгъанма. Бизни элден, тийре элледен, узакъ жерледен да келип, жыр эт деп, тилеучю эдиле, – бирлери бушууну юсюнден, бирлери кьууанчха жораланган жыр излей эдиле. Ала тилегенча мен да жазыучу эдим. Мени жырларымы тойлада, бушуу кюнледе да жырлап тургъандыла. Алай ол заманда жырларым, назмуларым, асламысында, жарсыуну, бушууну юсюнден болгъандыла, нек десегиз, ол кезиуде таулуланы жашауу битеуюнлей бушуу – жарсыу эди». («Социалист Кьабарты-Малкьар» газет, 1940 ж., № 135) [Кязим 1959: 7].

Кязимни ал назмулары халкъ поэзияда элпек тюбеген суймеклик ийнарлагъа ушагъанлыкьгъа, аладан узакъ кетгенлерин керюрге кьыйын туююлду. Кьарачай-малкьар, кьумукъ, татар, ногъай, кьырым татар эм башха тюрк халкъланы емюрледен келген келден чыгъармачылыкъларында ийнар айтышланы жери бек уллу эди. Тойда, сабанда, биченде, кьошда, байрамда, кьурманлыкьда жаш адамла бир бирге жюреклерин жыр бла ачхандыла, айтыш ийнарла бла эришгендиле. Болса да, адетге кере, суймекликни юсюнден ачыкъ айтыргъа тере болмагъаны себепли, жюрек сырларын жырчыла «жаз тил» бла билдиргендиле. Бу эрттеден келген поэзия амалны кесини энчи ызы барды – жаш адамланы жюрек сезимлерини юсюнден айтыр ючюн алгъа, бир башха затны сыфатын кьурап, – жырны башларгъа сылтау изленгенди. Ийнарланы – «суймеклик жырланы бу тюрюсюн халкъ кёбюсюнде айтыш халда жюрютгенди (айтыш халда болмаса да, жырчы жууап сакълагъанча, ийнар алай айтылады)» [Биттирова 1997: 12].

Суйгенлени тыш халлерине, кийимлерине, атына, итине дегенча неда табийгъат болумла бла тенгleshдирирча бир чурум табып, кёбюсюнде ийнарны алай башлагъандыла. Ол затны юсюнден халкъ жырда да айтылады. Бир ийнарда быллай тизгинлеге тюбейбиз:

Орамны ёрге келеди, ой, ой,
Кьарасы болмай, акъ тана.
Мени суйгеним келе турады,

Ариулугъуна махтана, – деген ийнаргъа экинчи айтышчы:
Сени суйгенинг келе эсе,
Ариулугъуна махтана.
Суйгенинг юсюнден айта тургъанлай,
Неге керекди акъ тана? – дейди [Биттирова 2002: 21].

Дайым сакъланган төре – ийнарчы энчи сезимин толу ачыкъларгъа итинмейди, аны себепли лакъырдагы терк-терк хайырланады. Тынгылагъанла аны таша сезимин ангылап къоймаз ючюн этилген мадарды бу. Жюрегиндегин а, суйгени бла бетден бетге айтыргъа боллукъду. Ийнарла чамдан, оюн къаргъышдан, кюлюден, лакъырдадан толудула. Андан башха да бир таймагъан шарт – жырчы суйген къызыны суратын башхаладан энчи этерге итинмейди. Ол «сенден ариу, субай, огъурлу, чырайлы жокъду,» – деген фикирни къатлап-къатлап турады. Быллай сезлени уа ким болса да, къайсы къызгъа да айтыргъа боллукъду, бирине аталгъанлы башхасына окъуна. Кязим ол болумну жаратмай, терен магъаналы фикирин баямлайды:

«Сенден ариу жокъду», – деп,
Жаш къызны терилтмегин.
Шекер да, бал да татлы, –
Ариу – жюрек суйгенинг!
«Ариу – жюрек суйгенинг!» –

ма бу тизгинди Кязимни битеу да суймеклик лирикасыны тутуругъу. Къаллай уллу магъана, жашау сынам барды бу юч сезде! Жаш назмучу суйген къызын башхаладан айырмалы этген анга Кязимни къыз бла жан жууукълугъду, аны айбат дуниясын кесине къошаргъа итингениди:

Салам жаздым санга артыкъ,
Сени бек суйгеним сартын,
Берме манга созгъан алтын,
Суймекликни ириатын...

Бу тизгинде таулу жаш төлюню энчи жашауна жангы зат киргенине шагъат болабыз: суймекликни юсюнден энди къагъытха жазып билдирирге боллукъду, алгъынча келден айтмай. Кязимни быллай тизгинлери жаш төлю энди къара танып, китапла окъуп, оюмларын, сезимлерин къагъытха тюшюрюп, жамауат цивилизацияда жангы атлам этгенине шагъатдыла. Ол болумну уа уллу ниет магъанасы барды, жаш адамла жюрек сезимлерине эркин болургъа онгла бардыла, алгъынча этмей. Тепеланы Алим айтханлай, Кязим кесини энчи сезими бла битеу да анга тынгылагъан жаш адамланы эркинликлерин къоруулайды. Нек дегенде,

Аллах бизге суймеклик жазды,
Адамла сыйыралла аны.
Кёкдеги аллахдан кюлюмюд
Жердеги адамны айтханы?
Аллах бизге насып буюрду,
Адамла унамайла аны.
Биз алай тилейбиз табынып,
Нек болмайд Аллахны айтханы?

Назмучу жаш битеудуния дин филосифияда салынган соруулагъа жууап излей, адамланы Аллахны измисине сыйыныргъа чакъырады. Бюгюн да, бу тизгинле бусагъатдагы жаш төлюню ёкюллери болгъанлай турадыла.

Кязим суймеклик назмуларында суйген къызыны назик дуниясын баямлайды. Аны ариулугъу башхаланы кезлерин къаматмаса да, назмучуну жюрегин жарытады, жашауну магъанасын бюгюн да терен ангыларгъа онг береди:

Сен бир юйню чырагыса,
Тийребизни ийнагыса,
Сюйген болсанг – кыйналырса,
Сёзлериме кёл салырса.

Эки жаш адамда жаратылган сүймекликке чырмау кызыны ахлулары болуп чыккыганда, назмучу умутларын тас этмей, сүйген кызына кёл этдире, аны кёз аллындан кетермейди: «Арбазынга кыраай озама, Отуннга бара танг алада». Кызыны термилиуюне жапсарыу сёзле излейди: «Сени жиялган тауушунгу Эшитеме мен кыялада, Адамла угъай, кыяла да Жазыксыналла экибизге». Жаш адамны сүймеклигине таукеллик кёшулганы эсленип турады.

Кязимни битеу сезимлери сүйгенине бойсуннганыны юсюнден хар тизгини билдиреди:

Атанг келди да гюрбежиге,
Атына кишен ишлетди.
Аны биргесине юйюне
Мени жүрегими да элтди.

Кязимни сүймеклик назмуларында башында сагъынылган ийнар шартла жокъну орнундадыла. Биринчи назмулары окъуна терен магъаналы фикирледен, эриулю, жан аурутхан мудахлыкъ сезимледен толудула. Халкъ жырылада тюбеген «женгиллик» алада арталлыда эсленмейди.

Поэтни сүймеклик назмуларында кыяла, тенгиз, жулдузлу кёк да аны жүрек сырына тенгдиле. «Кыя зынгырдауун эшитеме, сени чакырсам», «Сени жиялган тауушунгу эшитеме мен кыялада»... Быллай тизгинле поэтни сүймеклиги кыялача деменгили, алай алагъа ушаш тынгылауну ийип турургъа, жүрегине «кишен салып» кечинирге кылай кыйын болганыны юсюнден хапарлайдыла. Кязим сүйген кызыны мудах сагъышларын чачаргъа итине, аны да кесича термилген сунады, кесича жүрек сырын кыялагъа шыбырдагъанча ангылайды.

Белглисича, XIX-чу ёмюрде кырачай-малкыар адабиятта Кязимча сүймеклик назмулары кепле жазгандыла. Жырчыла, назмучула уллу жырыла, дастанла кырап, сезимлерини юсюнден айтхандыла. Кязим 8–12 тизгинли кысха назмуларыны хар биринде сүйген кызыны энчи сыфатын, кылыгынын, халин кёз аллынга келтиргенчады:

Бели иничке – субай назы,
Агъачы – тюз, кыра – кышы!..
Кёзю – кыра, бою – субай,
Тангны Чолпан жулдузунлай.

Къанын, жанын да сүймеклик бийлеген жаш, жашауда болуучусуча, айтырын-кыайтырын унутуп, армау болуп турады, ол таза сезимни тузагына тюшюп:

Элифледен жангылама,
«Мим» жазсам да, «лам» сунама,
Этерими унутама,
Мен былай болуп турама, – дейди.

Назмучу намысха-тёреге бой салып, жүрек сезимин кишенлеп, ёз халин да кепге жыйып турур акъыл этсе да, кёбюсюнде аны ол сейир сезими хорлап, аны оноундан чыгып, кыагытха назму болуп тюшеди:

Атанг келди да гюрбежиге,
Атына кишен ишлетди.

Аны биргесине юйюне
Мени жүрегими да элтди.

Кязимни суймеклик назмуларыны юсюнден айта, Къайсын бир затны чертеди: «Чынтды сёз уста къадарында, Кязим булбул бла гюлню бирикген сыфатларындан кенг болганды, ала уа жарты-къурту назмучулары хатасындан балсытылып, кепге урулуп къалгъанчадыла. Аллай затны биз Кязимде тубемейбиз. Аны керти поэзиясында не марал, не марал кёзлю къызла жокъдула. Аламат ариудула толу жанлары-къанлары болгъан, ёлюмсюз чырайлары болгъан къызла, къыйыры-чеги кёрюнмей ариуду назмучуну поэзиясы... Малкъарча жашаугъа къыйын жерде, къыйын жашаугъа бой салмагъан малкъар халкъны суратлау сезиминде булбул бла гюлге жер жокъ эди. Кязим а, керти назмучу болгъаны себепли, аланы назмуларына жерлешдирмегенди» [Кулиев 1975: 414].

Кертиси бла да, Кязимни суймеклик поэзиясы Шаркъ адабиятха жыйылгъан кёзбау, татлы сёзледен, алдау сезимледен кенгди. Бу назму къауумда Кязимни сезими бийик, кирсиз, ачыкъ ишанланы жүрютеди. Кука сёз, сер ийнакълау дегенча затла Кязимни назмуларында арталлы да жокъдула.

Кязим суймекликни дуня тутуругъуна санайды, аны тенгизге ушатады, ёз жүрек сезимин а – къайыкъгъа:

Санга къайыкъ бла баргъа
Умут этгенем. Къайыгъым
Тюбю башына бурулуп,
Мен жарты жолда къалдым.

Бу назмулары ал тизгинлери окъуна Кязим, суймеклик сезимни ачыкълар ючюн, энчи ён тапханын кёргюзтедиле: «Арбазынга къарай озама», «Аллах бизге суймеклик жазды», «Тели болуп жулдузлагъа къарайма», «Салам жаздым санга артыкъ», «Къарап турдум баргъанынга...»

Суймекликни юсюнден Кязим «Бузжигит», «Тахир бла Зухра» деген поэмаларын да жазганды. Былада ол кесини энчи фахмусуну элпеклигин баямлайды. Тюрк поэтле адабиятны айнытыуда борчларын бек башындан дунягъа айтылгъан белгили дастанланы кеси халкъларына жууукъ этиуде кёргендиле. Тюрк халкълада жазма болмагъан кезиуде, ол къурала тебиреген чакъда да «Тахир бла Зухра», «Юсуф бла Зулейха», «Лейля бла Межнун», «Бузжигит» дегенча поэмала жазма адабиятны борчун толтургъандыла. Хар бир поэт битеудуня поэзияны айырмалы юлгюлери бла кеси миллетин шагъырей этер ючюн халкъ жашауну суратларын хайырланады. Кязим да ол суратлау эришиуге къатышханды.

Башда айтылгъан шартланы асламы Кязимни «Бузжигит» поэмасын энчи лейдиле. Кязимни «Бузжигити» араб, фарс, тюрк халкълада эрттеден жүрюген «Юсуф бла Зулейха» деген поэманы сюжет ызларын алгъанды. XII-чи ёмюрде жашагъан татарлы назмучу Къул Галиден башлап, тюрк адабиятланы хар биринде Къураннны мифологиясына таянып (андан эрттерек – Инжилге) бу таурухха кёре дастанла жазылгъандыла. Алай хар назмучу да аны миллет суратлау тёрелеге келишдирирге итингенди. XIV-чю ёмюрде Къырымны белгили поэти Абдулмежит «Юсуф бла Зулейха» деген поэмасын жазады. Ол замандан тебиреп суймекликни дастаны Шимал Кавказда жашагъан тюрк халкъланы маданиятларына синггенди. Къумукъда дастанны сюжетине кёре XX-чы ёмюрню ал жылларында Абусуфьян «Бозигит» поэмасын басмалайды. Кязим кесини «Бузжигитин», къарачай-малкъар тилге башхаланыкъын кёчюрмей, – Къуранда таурухха, бирси авторланы жазгъанларына да шагъырей болуп, жангы поэма жазганды. Поэмада терен философия ыз барды – адамны келлик тёлюлени аллында борчу, анга берилген заманны ичинде ахшылыкъ этиу, устаны жамауатны аллында жууаплылыгъы – «Бузжигитде» башхалада болмагъан темаладыла.

Поэманы не уллу энчилиги болса да, Кязим анга дери жазылган дастанлагъа таяннганы хахъды. «Бузжигитни» башлардан алгъа, Кязим шаркъ адабиятны кѣп китабы бла шагърейленнгенине шагъатла поэманы кесинде да бардыла. Кязим кавказчыланы миллет суратлау энчиликлерин Шаркъ дунияны эстетикасына келишдирирге итине, суратлау борчну жетишимли толтургъанды.

Адамны жашауунда ариу сезимлени, насыпха деп, жаратылган жашау болумланы суратлай, Кязим кесини уллу эм терен энчи дуниясын баямлагъанды. Аны жюрегини теренинден келген керти сѣзле айбат дунияны кѣурайдыла, окѣуучугъа кѣл этдирген, таукеллик берген тизгинле жол нѣгерле болуп бюгюн-бюгече да турадыла. Кязимни назмуларын, зикирлерин, сѣймеклик дастанларын, халкъ, басма болмагъан замандача, кѣлден айта эсе, назмучуну жолу жюреклеге кысха болса да, ѣмюрлени саркъыуунда таймай, узакъ ѣмюрлени жашарыкъды.

Хайырланган ишлени тизмеси Список источников

Биттирова 1997 – *Биттирланы Т.Ш.* Ал сѣз. В книге: Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору. Нальчик, 1997. С. 3–22. 342 с. (На балк. яз.).

Биттирова 2002 – *Биттирланы Т.Ш.* Эски къарачай-малкъар адабият. Традиционная карачаево-балкарская литература / Нальчик, 2002, 302 с. (На балк. яз.).

Кулиев 1975 – *Кулиев К.Ш.* Кязим Мечиев и восточная поэзия. В кн.: Так растет и дерево. М., 1975, 464 с.

Кязим 1959 – *Кязим.* Сайламала чыгъармалары. – Кязим. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1959, 213 с.

Мечиев 1989 – *Мечиланы Кязим* (Кязим Мечиев. Стихотворения и поэмы. В 2 томах. (На балк. яз.) / сост., автор предисловия и комментария А.М. Теппеев.) Нальчик, 1989. (На балк. яз.).

Теппеланы 2001 – *Теппеев А.М.* Мѣчюланы Кязим. Жашаууну эм чыгъармачылыгъыны юсюнден очерк – Кязим. Очерк о жизни и творчестве. Нальчик: Эльбрус, 2001. 233 с.

References

BITTIROVA T.S. *Al sez.* In the book: *Algyshla, nart taurukhla, zhomakla, zhyrlar, elberle...* A textbook on Karachay-Balkar folklore. Nalchik, 1997. Pp. 3–22. 342 p. (In Balkarian)

BITTIROVA T.S. *Eski kjarachai-malkar adabiyat.* Traditional Karachay-Balkar literature. / Nalchik, 2002. 302 p. (In Balkarian)

KULIEV K.S. *Kazim Mechiev* and Oriental poetry. In the book: *This is how the tree grows.* M., 1975. 464 с. (In Russian)

Kazim. Favourites. Nalchik: Elbrus, 1959. 213 p. (In Russian)

Mechilany Kazim (Kazim Mechiev. Poems and poems. In 2 volumes. On the beam language. Compiled, author of the preface and commentary by A.M. Teppeev.) Nalchik, 1989. (In Balkarian)

ТЕППЕЕВ А.М. *Kazim.* An essay on life and creativity. Nalchik: Elbrus, 2001. 233 p. (In Balkarian)

Авторну юсюнден информация

Биттирланы Т.Ш. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият секторну айырма илму кѣуллукъчусу.

Информация об авторе

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

T.Sh. Bittirova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-98-105

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДИЛОГИИ
«ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ» А. КЕШОКОВА**

Юрий Мухамедович Тхагазитов¹, Людмила Борисовна Хавжокова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ yutkhag@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

² lyudmila-havzhokova.86@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

© Ю.М. Тхагазитов, Л.Б. Хавжокова, 2022

Аннотация. В статье рассматривается этнокультурная специфика диалогии «Вершины не спят» А. Кешокова в контексте концептуального анализа базовых традиционных ценностей. На протяжении всего исследования в центре внимания авторов остается художественно-стилевая целостность диалогии «Вершины не спят», генетически связанная не только с национально-этнической традицией, но и с инонациональным художественным опытом. Авторам, таким образом, удалось вплотную в исследовании органичный синтез теоретического и историко-культурного процесса подходов в анализе известной в советской многонациональной литературе диалогии «Вершины не спят», интерпретировать художественный мир произведения в его неповторимом художественном и идеологическом выражении, увидеть новые грани художественных и социокультурных взаимосвязей в структуре произведения. Прослеживая специфику повествования и «авторского присутствия» в тексте, в статье корректируется устоявшееся осмысление диалогии «Вершины не спят» и его роль в современном национальном историко-литературном процессе. Полученные результаты в рамках «аксиологии перечтения» вносят вклад в изучение эволюции северокавказского художественного сознания от этнического мышления к романному, что, собственно, и определяет особую актуальность данного исследования.

Ключевые слова: художественно-стилевая традиция, литературный процесс, история, этическое-эстетическое сознание, роман, эпопея, идеологическое и художественное сознание

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М., Хавжокова Л.Б. Художественное своеобразие диалогии «Вершины не спят» А. Кешокова // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 98–105. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-98-105

Original article

**ARTISTIC INDIVIDUALITY OF THE DILOGUE
“THE PEAKS DON’T SLEEP” BY A. KESHOKOV**

Yuriy M. Tkhagazitov¹, Lyudmila B. Khavzhokova²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

² lyudmila-havzhokova.86@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

© Y.M. Tkhagazitov, L.B. Khavzhokova 2022

Annotation. The article deals with the ethno-cultural specifics of A. Keshokov’s diology “The peaks don’t sleep” in the context of a conceptual analysis of basic traditional

values. Throughout the study, the focus of the authors remains the artistic and stylistic integrity of the dilogy “The peaks don’t sleep”, which is genetically connected not only with the national-ethnic tradition, but also with foreign artistic experience. The authors, thus, managed to embody in the study an organic synthesis of the theoretical and historical-cultural process of approaches in the analysis of the dilogy “The peaks do not sleep”, known in the Soviet multinational literature, to interpret the artistic world of the work in its unique artistic and ideological expression, to see new facets of artistic and socio-cultural relationships in the structure of the work. Tracing the specifics of the narrative and the “author’s presence” in the text, the article corrects the established understanding of “The peaks don’t sleep” dilogy and its role in the modern national historical and literary process. The results obtained within the framework of the “axiology of rereading” contribute to the study of the evolution of the North Caucasian artistic consciousness from ethnic to novel thinking, which, in fact, determines the particular relevance of this study.

Keywords: artistic and stylistic tradition, literary process, history, ethical and aesthetic consciousness, novel, epic, ideological and artistic consciousness

For citation: Tkhagazitov Yu.M., Khavzhokova L.B. Artistic originality of the dilogy “The peaks do not sleep” by A. Keshokov. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 98–105. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-98-105

Проза А. Кешокова давно стала не только ориентиром, но и мерой в оценке развития национальной и советской многонациональной культуры. Этапное для северокавказских литератур произведение «Вершины не спят» типологически близко историко-революционным романам, тяготеющим к эпопее и появившимся в литературах бывших народов СССР в конце 50 – начале 60-х годов («Кровь и пот» А. Нурпеисова, «Ханидо и Халерха» С. Курилова, «Амур широкий» Г. Ходжера). Такая эпопея еще стремится к синтезу родового сознания и личного опыта, традиционной этики и новой реальности, чем и определяется синтез двух типов художественного сознания – генетические связи мифоэпического сознания с литературным. Следовательно, и на этом этапе кабардинская литература подчинялась закономерностям развития всемирной литературы, где эпопея предшествовала зарождению и становлению романа как жанра и рождалась на основе «эпического состояния мира». Если в поэме-эпопее Али Шогенцукова ощущалась некоторая «разорванность» нового национально-литературного мышления с эпическим сознанием народа, то А. Кешоков в следующем для кабардинской литературы этапном произведении «Вершины не спят» определил движение литературы к эпическому синтезу, который вернул кабардинской литературе целостное мировосприятие, озвучил все мифоэпические звенья традиции и художественный опыт кабардинской и русской литератур первой половины XX столетия.

Если обратиться к европейской предыстории романа, то можно вспомнить прием «нанизывания», согласно которому строился «Декамерон» Боккаччо. казалось бы, разрозненные сюжетно, и не связанные одна с другой, отдельные главы этого произведения составляли единое целое, позволяли раскрыть героев в совокупности личных и общественных отношений. Плодотворность обозначенной традиции особенно проявилась в том, что писатель наполнил национальное по форме повествование новым содержанием органически соединив в структуре эпопеи инонациональную и национальную традиции. И, как справедливо заметил Л. Арутюнов, «писатель использует ее (национальную форму повествования. – Ю.Т., Л.Х.) не ради ее специфичности. Он размыкает прием для современных целей. Автор входит в мир своего романа и стягивает в себе, в повествователе, идею единства мира» [Арутюнов 1981: 223]. Повествуя о поворотных этапах истории и жизни кабардинского и балкарского народов – предоктябрьской, революционной и послереволюционной эпохи, А. Кешоков художественно исследует закономерности исторического движения, связывая воедино большие исторические события с судьбами своих героев.

Художественное открытие А. Кешокова Л. Арутюнов увидел, прежде всего, в том, что писатель «находит некую равнозначность между детским сознанием своего героя и «детским» – с точки зрения действительной истории – сознанием своего народа, только находящегося на пути к ней. Два близких вида сознания развиваются и обогащаются параллельно, неудержимо и с нарастающей быстротой» [Арутюнов 1981: 224]. Такая, в сущности своей эпическая, постановка писателем художественной задачи позволяет увидеть в произведении новые проблемные аспекты, до этого еще не отмечавшиеся в работах литературоведов, посвященных эпосе А. Кешокова, выполнившей в то же время функцию первого историко-революционного произведения в кабардинской литературе. К таким аспектам в первую очередь принадлежит социально-детерминированное переосмысление народно-эпических традиций на всех возможных уровнях – от бытия до элементов быта, – через этикет уходящих своими корнями в «народно-мифологический слой» (Е.Г. Яковлев) произведения.

Мифопоэтические традиции, преображенные современностью, зачастую трудно уловимы, но их функции в организации художественного текста, поначалу кажущиеся незначительной, а порой, и вовсе случайной, на самом деле несут в себе формообразующую и содержательную нагрузку в создании художественной целостности жанра. Прочтение текста произведения с учетом эпических мотивов и структур способствует осознанию путей и закономерностей развития жанра явно тяготеющего к эпосе. Об этом свидетельствует произведение А. Кешокова «Сабля для эмира», изданное много позже, но органично вписывающееся в диалог. Именно категории времени и пространства более четко высвечивают культурно-историческую память народа в формах, трансформированных новой общественной, социальной и идеологической атмосферой. Категории времени и пространства наиболее точно способствуют выявлению эпического центра повествования в «Вершинах не спят», находящегося в точке пересечения литературно освоенного и фольклорного хронотопа. Изображение в произведении обновления мира, эволюции народа на пути к осознанию своего исторического предназначения убедительно прочитываются в произведении на «языке» четырех основных мировых стихий (Вода, Земля, Огонь, Воздух). Значимость этих элементов, структурирующих художественный текст и организующих ритм повествования, можно наблюдать с первых же страниц «Вершин...» А. Кешокова.

«Сотворение мира», художественное постижение его бытийных основ открывает стихия Воды, которая в космогонических мифах и различных религиях понимается как мировая стихия, организующая новый миропорядок: «*День рождения мальчика Лю был отмечен событием, памятным для всего аула, <...> хлынул страшнейший ливень. Он заглушил все-все голоса селения...*» [Кешоков 1970. Кн. 1: 7–8]. Разбушевавшаяся река Шхальмивоко, «служившая на пользу славному ремеслу» (средством существования жителей этого аула была выделка жерновов из камней, приносимых паводком) структурирует пространственно-временный континуум новой жизни. Как замечает М. Ахундов, «живучесть представления о воде в качестве первоосновы объясняется именно ее бесструктурностью... вода олицетворяет неопределенное начало, которое в процессе структурирования... трансформируется в Космос, упорядоченный в пространстве и времени» [Ахундов 1982: 49].

Новое время уже стихийно ощущаемое жителями аула, «измеряется рекой», образующей «горизонтальное» строение мира. Эта «горизонталь» сразу же получает «чужую» социально-этическую окраску, как обретение новых ценностных ориентиров.

Аналогичная ситуация возникает и во второй части диалогии – «Зеленом полу-месяце», где повествуется о свершениях и трудностях становления новой личности. В строительстве новой жизни нашлось место и бывшему абреку – конокраду

Жираслану, выразившему желание служить новой власти. Неизвестно, как бы сложилась эта новая жизнь Жираслана, если бы не политический максимализм «народного вожака» Инала Маремканова, не поверившего в перерождение Жираслана. Снова, как и в начале произведения, возникает символический поток: разбушевавшаяся стихия снесла плотину, строительством которой самоотверженно руководил Жираслан. Далее писатель соотносит стихию потока с ростом в народе недовольства Иналом, руководство которого теперь идет вразрез с интересами народа. Наметившийся волюнтаризм Инала Маремканова первой ощущает семья Баташевых. Перевернутый бушующей стихией трактор, символизирующий новую, созидательную жизнь народа, как бы отрицает оба берега этой символизированной стихийной силы – Инала и Жираслана пребывающих еще в измерении мира. Примечательно, что созидательная водная стихия – основа жизни – всегда связана так или иначе с Астемиром Баташевым, носителем традиционной адыгской этики: разлив реки, совпадающий с рождением сына – продолжателя рода Баташевых; история с глобусом, который становится для Астемира символическим воплощением по-новому понимаемой основы мироздания, законы которого он сам должен теперь заново осмыслить и объяснить ученикам.

Заключительным аккордом в изображении стихии как органического потока бытия звучат слова Астемира: *«Вот посмотри, Казгирей, какой быстрый, многоводный арык. А разве он сразу стал таким? Первая вода всегда погибает. Вот пустили первую струю в арык – куда девалась эта вода? Ушла в землю, в сухую землю, в расщелины – вот куда ушла первая вода. Так и мы все, Казгирей! Мы – первая вода. Мы – первая струя, и мы должны напоить собою сухое дно арыка. Не так ли?»* [Кешоков 1970. Кн. 2: 70]. Так своеобразно определяет Астемир появление народного вожака нового типа, способного подняться над собственным «я».

Перейдем теперь к другой универсальной первостихии, характерной для эпической системы художественного мышления А. Кешокова, – к Земле: *«Местность, на которой лежит старый аул, очень красива. Кабардинская равнина начинает здесь переходить в предгорья Главного Кавказского хребта. Отсюда ведут дороги в дикие ущелья, отсюда пролегает путь на Эльбрус... Поросшие лесом, темно-зеленые холмы дугою охватывают долину, в которую стекают горные реки. За грядями холмов, поднимающихся все выше, встают головы вечноснежных вершин»* [Кешоков 1970. Кн. 1: 32].

Такова изображенная писателем перспектива обновления жизни народной – не прямой и трудный путь на Эльбрус (Гору Счастья), рассматриваемая А. Кешоковым как закономерность утверждения новых веяний и вовлечения народа в новую жизнь. Социально-нравственные искания аульчан, поначалу еще стихийные, служат изображению исторически обусловленного процесса. В этом плане любопытна так же далеко не эпизодическая фигура странника Нургали. «выпавшая» из поля зрения многих исследователей. Нургали в поисках земли обетованной исколесил, чуть ли не весь мир, побывал даже в Америке, но счастья (в его представлении – золота) так и не нашел. Трагическая жизнь Нургали и ее печальный конец (жажда наживы в итоге приводит его к безумию) свидетельствуют о губительности собственнических инстинктов. Индивидуалистический характер (по природе своей искаженный зарождающимися капиталистическими тенденциями) лишает характер Нургали возможности эволюционировать в новых условиях коллективизма. Это замечает жена Астемира Баташева Думасара: *«В сложном и смутном ее (Думасары. – Ю.Т., Л.Х.) чувстве было больше всего удивления. Вот Нургали побывал так далеко, отсутствовал дольше Астемира, а вернулся таким же, каким ушел. Астемир, подметила Думасара, вернулся каким-то совсем другим, не таким, каким ушел. А какой другой теперь Астемир – этого она сказать не могла бы»* [Кешоков 1970. Кн. 1: 126].

Стихии Воды, Земли, Огня всегда взаимосвязаны между собой и переходят друг в друга, воссоздавая «космический танец» мироздания. Поток приносит дерево, а оно превращается в огонь в горне кузнеца Бота, хранителя родового огня, сравниваемого с мифологическим героем Тлепшем из архаических нартских сказаний. Подчеркнув роль первостихий как основ бытия, писатель раскрывает их мифологическую амбивалентность. Глава «Остановись, светило!» раскрывает двойственность стихии огня – Солнца. «Остановись, светило» – эти слова произносились при встрече кровников. Солнце якобы освещало предписанный веками эпический закон: *«Остановилось солнце, остановилась луна. Покуда не прольется кровь, светило не двинется дальше»* [Кешоков 1970. Кн. 1: 146]. Именно в такую ситуацию попадает Инал Маремканов, встретившись со своим кровником – братом Казгирея Нашхо, отец которого некогда в состоянии аффекта убил отца Инала. И под назойливо повторяющееся парнем, поборником родовой чести, «Светило не двигается, жизнь остановилась» Инал не без усилия преодолевает самого себя и не убивает кровника. Размыкая события во времени, писатель заключает: *«И трудно было сказать, чья звезда, чье светило остановилось в эту минуту, померкло, а чья звезда разгорелась»* [Кешоков 1970. Кн. 1: 147].

Как видим, огонь выступает в двойной символической функции: огонь как символ веры в новую жизнь этноса и живой «огонь возмездия». Результаты этой борьбы народной, ее итоги в первой части диалогии А. Кешокова выражены словами Инала Маремканова: *«Великий свет разливается по всей земле. Все вы знаете нашу легенду о чудесном мгновении. Исполняется мечта того, кто узрел в какое-то мгновение свет над горами. Старик Баляцо постиг это, но важно не это, а важно другое – последнее, что беспокоило умирающего, о чем говорил он: “Я узрел свет чудес, но чудесное мгновение перестало быть чудом одного человека, а стало чудом для всех. Все могут видеть свет счастливой жизни, приближаться к нему”»* [Кешоков 1970. Кн. 1: 406].

Вернемся теперь к истокам, к «первоначальному» состоянию мира Шхальмивоко. Разбушевавшаяся во время ливня в день рождения Лю, сына Астемира Баташева, река Шхальмивоко – точка отсчета событийного времени диалогии. Причем время, организуемое потоком истории, не течет однонаправленно, а разделяется им на прошлое и будущее. Писатель, развертывая вполне реальную картину событий, вместе с тем как бы выверяет по мифологическим законам течения времени связь прошлого, настоящего и будущего; симбиоз времен (круговорот, вечное возвращение), характерный для поэтики мифа, – отличительная черта художественной системы А. Кешокова.

Иногда прошлое может оказаться впереди настоящего – дело Мурата Пашева, которого «унес поток», становится будущим для его сына Эльдара. Углубляясь в прошлое, писатель подчеркивает его неоднозначность в главе «Воздержанные и невоздержанные», где раскрывается путь рода Баташевых – как социально и исторически детерминированный.

Вначале мир Шхальмивоко носит природно-зависимый характер. Он направлен извне как по «горизонтали» – «полной своей силы река Шхальмивоко достигла только во время таяния горных снегов», так и по вертикали – «либо после длительных ливней». Следовательно, благополучие жителей села, искони служивших древнему ремеслу жерновщиков, прямо зависело от даров «щедрого потока». Динамика мифологической картины мира, созданная стихией воды, трансформируется затем в устойчивый символ – Гору Счастья (Ошхамахо), вершина которой замыкает на себе пространственное измерение прошлого, настоящего и будущего. Е. Мелетинский пишет: «Переход от бесформенной водяной стихии к суше выступает в мифах как важнейший акт, необходимый для превращения хаоса в космос» [Мелетинский 1976: 207]. Подобный «переход» присутствует в рассматриваемом произведении, но только кардинально трансформированный в художественном

сознании писателя. Его продолжает в диалогии идейно-художественная трансформация стихии Огня – «всегда пахнущих очагом» руки Думасары, огня в кузнице Бота до огня как символа новых надежд народа. Писатель обращается также к мифу о Гобжагоше – божестве света и добра. С этим чудесным сиянием и сравнил Инал Маремканов свет революции. Свет над вершинами гор становится для него ориентиром в духовной эволюции народа, строящего новую действительность.

Эпиграф ко второй книге диалогии – «Зеленый полумесяц вначале весны – предвестник урожайного лета» – при всей кажущейся аутентичности трансформируется в структуре произведения – он символизирует переустройство мира, свободу и независимость от стихийных начал природы. Названия частей диалогии «Чудесное мгновение» и «Зеленый полумесяц» служат ориентирами этапов движения народа к собственному будущему и сопряжены с финалом «Вершин...», что делает сюжет диалогии открытым.

Какое же место в духовной жизни народа занимает Инал Маремканов, организатор «восхождения» на Ошхамахо? Такой герой известен по многим произведениям историко-революционного жанра в русской и национальных литературах. Инал Маремканов, как и его литературные предшественники (прежде всего в русской советской литературе 20-х годов), – из героев, «не кончавших никаких академиев», но вместе с тем он уже многим и отличается от них. При всей монументальности характера Инал изображен намного полнокровней своих предшественников. Но подлинной удачей А. Кешокова, конечно же, стал Казгирей Матханов – идеологический противник Инала. Для народа тогда и сейчас Матханов остается духовным ориентиром, символом духовной стабильностью.

Действительно, Казгирей Матханов – большая удача писателя, но где же истоки этого самого загадочного в адыгских литературах героя? А. Кешокову удалось воссоздать диалог различных по своему содержанию традиций в конкретно-исторических условиях. Интересно, что постижение духовного пространства Жабаги Казаноко и Казгирея Матханова идентичны – Северный Кавказ – Москва – Мекка. Мы приводим этот пример не только ради внешней, но и более глубоких аналогий, потому как генетические корни «Вершин...» – это прежде всего, «История...» Шоры Ногмова, к которой восходят сюжетно-композиционные особенности произведения и типология некоторых ключевых образов, в частности – Астемира Баташева и Казгирея Матханова.

Казгирей – не рефлектирующий интеллигент, склонный к идеям пацифизма, что отличает его от Андрея Старцова («Города и годы» К. Федина), от Мечика («Разгрома» А. Фадеева). Это герой, способный и на самопожертвование ради своего народа. Однако счастье свое Казгирей видит в возрождении нравственно очищенного прошлого. Это одно время сближает его с большевиками, но под зеленым знаменем шариата, что исторически имело под собой основанием известное обращение В.И. Ленина к мусульманам Востока.

Приведем ключевой спор Казгирея и Инала в финале первой части диалогии «Чудесное мгновение». Поскольку мысль, раскрываемая этим эпизодом, для нас очень важна, позволим себе процитировать полностью диалог Инала и Казгирея: *«Если ты темнее старика из Шхальмивоко, – говорил Инал, – хотя и был в академии, то вот, смотри сюда, ты, ученый человек! Видишь ручей? Он вытекает из-под камня. Какой древний и мудрый камень! А дальше, смотри, ручей разделился, из одного ручья стало два, текут в разные стороны: вот этот, – Инал показал плеткой, – дальше станет рекою Батога. А вот этот – исток Шхальмивокопс. Ты бывал на этом месте. Из-под одного камня вышли воды, но пойдут в разные стороны и наполнят собой разные реки. Так и мы с тобой, Казгирей! Не думай, что я забыл свое детство. Я помню его. Помню, как два соседских мальчика с любовью торопились друг к другу, как один из них с восхищением слушал другого, когда тот читал стихи и тексты... Об этом я уже говорил тебе. Но я помню,*

верховный кадий, и тот день, когда за плетнем, у порога соседнего дома, лежал мой окровавленный отец...

Горячая речь Инала привлекла внимание спутников. Он не делал тайны из того, что волновало его.

Инал продолжал:

– Но ты знаешь, Казгирей, что не эта кровь разделяет нас с тобою...

– Да, это я знаю, – негромко отвечал Казгирей.

Инал продолжал:

– И теперь я уже не скажу: “Наши пути еще могут слиться”. Нет! Они не сойдутся никогда, как не сойдутся вновь эти два ручья.

Казгирей, как бы вновь обдумывая речь Инала, искал возражения.

– Эти ручейки опять сольются, если убрать вон ту скалу, которая разделила их, – проговорил он. – Видишь ее?» [Кешоков 1970. Кн. 1: 430].

Картина мира, воссозданная диалогом кешоковских героев – символическое воспроизведение пути, пройденного народом: скала разделяет Инала, обращенного в «светлое будущее», и Казгирея, обращенного в «светлое» прошлое. Слова Инала гораздо многозначительней, чем это кажется ему самому: этот момент – начало его падения. Он не может перерасти «эпическое состояние мира», которым рожден, и не чувствует, что перестает быть «головным журавлем». Ему так и не удастся «убрать скалу», разделяющую прошлое и настоящее народа. Таким образом, до нравственных и идеологических высот нового времени, диктуемых новым временем, поднимется кабардинский народ в лице Астемира и Лю Баташевых. снявших противоречие прошлого и настоящего на уровне преемственности этнических и национальных этико-эстетических ценностей.

Список источников

Арутюнов 1981 – Арутюнов Л.Н. Развитие эпических традиций в современной советской литературе // Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма: Сборник статей. М.: Наука, 1981. С. 185–238.

Ахундов 1982 – Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 222 с.

Мелетинский 1976 – Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.

Кешоков 1970 – Кешоков А.П. Вершины не спят: Роман в двух книгах. М.: Советская Россия, 1970. Кн. 1: Чудесное мгновение. 448 с.; Кн. 2: Зеленый полумесяц. 348 с.

References

ARUTYUNOV L.N. *Razvitie epicheskikh traditsij v sovremennoj sovetskoj literature* [The Development of Epic Traditions in Modern Soviet Literature]. IN: *Vzaimodejstvie literatur i hudozhestvennaya kul'tura razvitogo socializma: Sbornik statej* [Interaction of Literature and the Artistic Culture of Developed Socialism: Collection of Articles]. М.: Nauka, 1981. P. 185–238.

AKHUNDOV M.D. *Koncepcija prostranstva i vremeni: istoki, evoluciya, perspektivy* [The concept of space and time: origins, evolution, prospects]. М.: Nauka, 1982. 222 p.

MELETINSKY E.M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. М.: Nauka, 1976. 408 p.

KESHOKOV A.P. *Vershiny ne spyat: Roman v dvuh knigah* [The peaks don't sleep: A novel in two books]. М.: Soviet Russia, 1970. Book 1: *Chudesnoe mgnovenie* [A wonderful moment]. 448 p.; Book 2: *Zelenyj polumesyac* [Green crescent]. 348 p.

Информация об авторах

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы;

Л.Б. Хавжикова – кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы.

Information about the authors

Y.M. Tkhagazitov – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher at the Kabardino-Circassian Literature;

L.B. Khavzhokova – Candidate of Science (Philology), Head of the Department of Kabardian-Circassian Literature.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022; одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 27.09.2022; approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

ДЕЙСТВИЕ В ЭПОСЕ

Адам Мухамедович Гутов¹, Ляна Адамовна Гугова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

²adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Гутов, Л.А. Гугова, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются функции действия в песенном тексте младшего, историко-героического эпоса адыгов (черкесов). Аналитическим путем устанавливается, что, в отличие от архаических по типу нартских сказаний, где повествование о действиях является главным средством создания художественных образов, в песнях рассматриваемого явления функция фабулы варьируется в зависимости от структуры всего цикла. Так, в песнях балладного типа она присутствует с наибольшей полнотой, иногда даже делающей необязательной апелляцию к преданию. В песнях, функционально акцентированных на передаче эмоционально-оценочной реакции на событие, она может быть ослабленной, поскольку все детали, знание которых необходимо для полноты восприятия песенного текста, даны в прозаической части бинарного цикла, то есть в предании. Отмечается тенденция к возрастанию элементов суггестивной лирики по мере ослабления функции повествования. В то же время сохраняются такие признаки героической песни как форма исполнения, особая тональность мелодии, предметная атрибутика. На поздних этапах эволюции она приводит к возникновению лирического героя как эстетического феномена, что подготавливает благодатную почву для развития нового жанра песенного фольклора.

Ключевые слова: эпос, героическая песня, лирический герой, повествование, фабула

Для цитирования: Гутов А.М., Гугова Л.А. Действие в эпосе // Вестник КБИ-ГИ. 2022. № 3 (54). С. 106–117. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-106-117

Original article

ACTION IN EPOS

Adam M. Gutov¹, Lyana A. Gutova²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia,

¹adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

²adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, L.A. Gutova, 2022

Abstract. The article deals with the functions of action in the song text of the younger, historical and heroic epic of the Circassians (Circassians). It is analytically established that, in contrast to the archaic Nart legends, where the narrative of actions is the main means of creating artistic images, in the songs of the phenomenon under consideration, the function of the plot varies depending on the structure of the entire cycle. So, in songs

of the ballad type, it is present with the greatest completeness, sometimes even making an appeal to tradition unnecessary. In songs that are functionally focused on conveying an emotional-evaluative reaction to an event, it can be weakened, since all the details, the knowledge of which is necessary for the complete perception of the song text, are given in the prose part of the binary cycle, that is, in the legend. There is a tendency to increase the elements of suggestive lyrics as the function of narration weakens. At the same time, such features of the heroic song as the form of performance, the special tonality of the melody, and subject paraphernalia are preserved. In the later stages of evolution, it leads to the emergence of a lyrical hero as an aesthetic phenomenon, which prepares fertile ground for the development of a new genre of song folklore.

Keywords: epic, heroic song, lyrical hero, narration, plot

For citation: Gutov A.M., Gutova L.A. Action in epos. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 106–117. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-106-117

Исходное значение лексемы *эпос* – «повествование», «слово», и оно прямо указывает на доминирующую функцию действия в эпическом произведении, что особенно актуально, когда речь идет о соответствующем жанре фольклора. Поэтому бесспорно справедливы слова А.И. Алиевой о «характеристике героя в действии» как «основном приеме в сказаниях о <нарте> Сосруко» [Алиева 1969: 309] и что «именно в сюжете сказания мы находим все то сокровенное, что хотел поведать миру безымянный коллективный творец эпоса» [Алиева 2019: 127]. Очевидно, что не только в цикле сказаний о названном персонаже, а в народных эпических произведениях вообще, ключевую роль обычно играет именно фабула, последовательное изложение цепи действий. Ему в эпосе уделяется гораздо больше внимания, нежели описаниям внутреннего состояния и переживаний персонажей. Следовательно, для создания эпических образов языковыми средствами роль повествования или рассказа о совершаемых действиях остается устойчиво таковой и в ряду приемов, используемых эпическим певцом. Сказанным мы не стремимся игнорировать функцию «статических» описаний в поэтических текстах, они могут быть порою достаточно пространными в портретных или эмоционально-оценочных характеристиках персонажей, пейзажных зарисовках, монологов и диалогов, что удачно и довольно уместно используется певцами для создания целостности ткани художественного повествования. Это весьма характерно для произведений эпического жанра у разных народов. Соответственно, логичным оказывается ожидать, что в эпическом тексте особое место будет принадлежать – и в действительности принадлежит – глаголу как базовой грамматической категории, обозначающей действие.

Между тем справедливо будет заметить, что названная закономерность, которую можно признать общей для эпических произведений разного типа и у разных народов, имеет свои особенности конкретной объективации в каждой этноязыковой традиции, и это находится в прямой зависимости от своеобразия поэтической структуры той или иной разновидности рассматриваемого жанра.

В частности, в архаическом нартском эпосе адыгов отмеченная особенность нередко проявляется, если можно так сказать, в своем чистом виде. Здесь относительно редко случается, чтобы обстоятельным ретардирующим описанием сказитель акцентировал внимание на подробной характеристике второстепенных деталей (как это характерно, например, для таких поистине эпопейных творений, какими являются киргизский «Манас», калмыцкий «Джангар» или якутский «Олонхо»), на эмоциональном состоянии персонажа или психологических мотивировках его поступков. Чаще всего характеры героев раскрываются не через анализ и обстоятельные описания эмоционального состояния и переживаний, а именно через повествование, рассказывание о поступках, действиях, жестах. Это одна из родовых стилистических особенностей адыгского эпоса, в особенности – его архаического вида, восходящего своим происхождением к системе мифологических представлений.

В историко-героических циклах такой принцип формирования текста обнаруживается далеко не всегда и может быть наиболее явственным в песнях балладного типа, где действия обычно излагаются в относительно строгой, линейной последовательности их вероятного естественного протекания. Таковы, например, рассмотренные ранее «Песня Боря Могучего», «Хатхов сын Кочас», «Хасанш Шогемоко», «Жамбот и Якуб Кушха» и др. [Гутов 2019]. Однако даже при неременном условии, что события изложены строго в соответствии с естественным процессом их протекания, все же некоторые фрагменты поэтического текста – имена персонажей, упоминания о событиях и действиях, конкретные детали – порою могут оставаться не до конца понятными, если реципиент не знаком с сопровождающим прозаическим сказанием. Нередко и в случае, когда в самом тексте, казалось бы, не остается непонятных слов и выражений, дать полное представление о событии и личностях способен только ситуативный контекст, подробно изложенный в сказании. Таков, например цикл, посвященный Бора Могучему: в песне изложен всего один эпизод – нечаянное убийство героем собственного сына. Сказание же содержит отдельной частью предысторию этого события, а также обширное повествование о последующих действиях героя, невольно ставшего сыноубийцей вследствие козней третьего лица или третьих лиц. Кроме того, немаловажное место в художественной системе занимает пространная по объему вставная новелла, входящая в прозаическую часть цикла. Она органически вписывается в сюжет и довольно важна для реализации общего поэтического замысла. В Приложении № 1 к настоящей статье (см.) приводится пример из опубликованного текста песни в переводе на русский язык, также в источнике, использованном нами, дается аннотация сопровождающего ее сказания [НПИНА 1990: 347]. Достоинно внимания, что в данном цикле со всей наглядностью проявляется одна интересная закономерность: как правило, даже в песне балладного типа не содержится художественно законченного детального повествования обо всем событии, а рассказывается лишь об одном эпизоде, как можно ожидать, ключевом. Исчерпывающая информация со всеми подробностями содержится, по обыкновению, не в тексте песни, а в предании. Центральным же эпизодом в данном случае, ставшим ядром формирования цикла в целом, является непредумышленное убийство героем своего единственного сына. Оно же оказывается основой и песенного текста. За его пределами остаются указание причин, которые вызвали это деяние, и некоторые второстепенные подробности. Так же в песне не упоминается о последующих событиях, в результате которых, согласно сказанию, герой примиряется со своей утратой, поскольку на наглядном примере истории другого лица видит, что в жизни случаются и гораздо более трагические происшествия, чем убийство близкого человека по неведению.

То же со всей очевидностью представлено и в цикле о Хасанше Шогемоко: текст песни есть не что иное, как последовательное изложение центрального эпизода – нападения героя на свадебную процессию, увозящую его возлюбленную, и последующая его гибель. Вне внимания певца остается предыстория данного события (родные девушки выдают ее за нелюбимого, но знатного чужеземного жениха, вопреки ее воле и чувствам героя). Как и в песне о Боре Могучем, в данном случае не упоминается, или же упоминается всего лишь иносказаниями, трагическая концовка центрального конфликта – гибель героя, самоубийство его возлюбленной и захоронение обоих в одной могиле, на которой вырастают впоследствии два деревца с накрепко переплетенными ветвями [НПИНА 1986: 126–133]. Последнее известно в фольклоре многих народов мира, а также в средневековой классической литературе как мотив трагической судьбы влюбленных, соединение которых в загробном мире символически обозначено крепким переплетением ветвей двух деревьев, вырастающих по сторонам их могилы. В поэтическом языке песни почти нет слов и выражений, требующих расшифровки, за исключением за-

ключительной фразы: «Тот, кому жертву священную в его могилу укладывают, это Шогемоков сын Хасанш». Несмотря на представляющуюся прозрачность фабулы, значение фразы становится понятным только из текста предания. После гибели героя, погибшего в борьбе за нее, возлюбленная просит похоронить юношу согласно обычаю, а мотивируя тем, что она причастна к причине трагедии, девушка сама вызывается опуститься в могильную яму, якобы для того, чтобы правильно уложить его тело в соответствии с обычаем. Однако вместо этого она ложится рядом с ним и закалывается спрятанными в рукаве ножницами. Поезжане, пораженные ее поступком, хоронят влюбленных в одной могиле и отправляются восвояси. Таким образом, даже при условии, что в песенном тексте события описываются в соответствии их естественным течением, он может оставаться недостаточным относительно информации, требующейся для полноты представления обо всем событии. В данном случае это предшествующая основным событиям выдача возлюбленной героя на сторону, а также описание не менее важных явлений, последовавших за гибелью Хасанша (самоубийство невесты, захоронение тел влюбленных в одной яме, мотив деревьев с переплетающимися ветвями).

Возможны случаи, когда в песенном тексте отсутствует не обширный контекст, охватывающий события от самого начала действий до их логического завершения, а только один из компонентов полного сюжета, как это отмечается, например, в цикле о братьях Жамботе и Якубе Кушха. В данном случае текст песни относится к числу наиболее полных по содержанию и характерен весьма подробным и последовательным изложением событий – от эпизода коварного убийства старшего из двух братьев до описания гибели младшего, а также еще более интригующей концовки повествования – необычайно своеобразной реакции их матери на смерть сыновей: гибель Жамбота от руки вероломного дворянина, завещание умирающего не оставить его неотмщенным, описание поисков Якубом убийцы брата, осуществление кровной мести, героическая гибель самого Якуба от рук преследователей. Завершает этот насыщенный событийный ряд поступок матери, которая вместо логически ожидаемых причитаний над телами погибших сыновей исполняет ритуальный танец в знак того, что ее отпрыски оказались достойными воинами и приняли смерть, не отступившись от своих принципов и не уронив собственной чести [НПИНА 1990: 461–471]. Все это изложено в песне как повествование.

Таким образом, на первый взгляд есть основания признать, что событийная цепь представлена в песне во всей полноте, а сюжет отражает все важные явления, на которых она основывается. Однако в предании излагается еще и предыстория взаимоотношений между сторонами, довольно важная для понимания описываемых в песне событий. В частности, в нем объясняется, что убийство старшего из братьев не было столь уж немотивированным злодеянием, если судить в соответствии с нравами того времени. Как гласит предание, оно явилось следствием серьезного конфликта между сторонами: представитель знатной фамилии Тохтамыш, который в свое время приютил мятежных братьев у себя, в родовом селеении, и Жамбот Кушха, старший из братьев, не поделили одну девушку. Зная, что в неравном соперничестве у него нет надежды на то, чтобы достойным образом заполучить желанную красавицу, Жамбот умыкнул свою возлюбленную, уведя ее из-под носа у влиятельного дворянина. Согласно традиции, такой поступок был дерзким вызовом, и противная сторона посчитала это непростительным оскорблением чести, и его можно было искупить только кровью. Однако противник предпочел не открытый поединок, а коварное убийство ночью из-за угла. Тем самым младший брат согласно обычному праву не только получал основание отомстить, но даже оказывался обязанным сделать это как долг чести. Только учет такой информации позволяет получить более полное представление обо всей цепи событий, а заодно и понять причину столь необычной реакции матери братьев Куш-

ха на их гибель. В противостоянии Жамбота Кушха и владельца из рода Тохтамыш стояли, с одной стороны, оскорбленное дворянское достоинство, а с другой – право человека на собственный жизненный выбор. В этом конфликте твердость духа и непреклонность в исполнении долга были своей ценою выше жизни, а плач и причитания означали бы не что иное, как признание поражения, и это бы значительно принизило социальный статус обоих братьев. Поэтому поступок матери обусловлен отнюдь не фанатической приверженностью косной традиции, а верностью традициям и нравственным превосходством над самовластием. Все это не может быть со всей ясностью воспринято без учета предыстории событий, которая описана в предании и которая не отражена в песенном тексте.

Одно из редких исключений, когда в содержании песни представлено вполне законченное повествование, причем в художественном отношении настолько целостное, чтобы не возникало необходимости в прозаическом дополнении его новой информацией, это запись «Песни об Андзоре Могушем» [НПИНА 1986: 119–122]. В ней представлено весьма подробное описание всех значимых явлений, которые имеют отношение к происшествию – от выезда героя в поход до его гибели в результате предательства коварного спутника-оруженосца. В информативном и художественном отношении текст настолько самодостаточен, что необходимость прозаического компонента отпадает, и это в полной мере оправдывает отсутствие предания, сопровождающего песню.

В тех же случаях, когда в цикле песня представляет собой выраженную эмоциональную реакцию на явление, а при этом ее текст не представляет последовательного изложения событий, характер повествования оказывается более сложным, а отношение между прозаическим текстом предания и поэтическим остается актуальным. Они складываются из отдельных фрагментов наподобие смальты в мозаичном рисунке, причем его компоненты могут быть в семантическом отношении сравнительно автономными и связываться в единый текст общностью темы и приемами звуковой организации, но далеко не всегда – путем последовательного изложения событий.

В данном отношении примечателен цикл «Бахчисарайская битва», посвященный походу кабардинской конницы на столицу Крымского ханства (см. Приложение № 2). Достоверных сведений, подтверждающих подлинность описываемых событий, фактически не имеется, но у Ш.Б. Ногмова есть замечание о том, что упоминаемый в данной песне герой Андемиркан (Хайдемирхан) принимал участие в походах князя Беслана Тучного [Ногмов 2020: 161], с которым он впоследствии вступил в жестокое противостояние. Одним из таких походов могло быть нападение на Крымское или же Астраханское ханство. Текст же песни представляет своей структурной организацией типичный образец произведений указанного нами характера. Почти каждый стих или двустигийе – это не что иное, как фраза, образующая относительно законченный фрагмент из общей картины большого сражения, при описании которого нередко даются характеристики воинам, принимавшим участие в кампании.

Особых пояснений требует уже первый стих песенного текста: «Его белого коня большого на палубе большого корабля перевозят». В предании сообщается, что все участники похода ездили на белых конях, и это неслучайно отражено в указании масти коня предводителя войска, оно же повторяется и в другом фрагменте текста песни. Наряду с этим упоминания корабля, а в следующем стихе – «верховий глубоких ущелий» подтверждают информацию, содержащуюся в сказании: маршрут похода пролегал туда и обратно по хребтам лесистых гор западного Кавказа, а далее через Керченский пролив, который преодолевался на «больших кораблях». Далее скупыми, но выразительными мазками дается фрагмент-характеристика предводителя похода, который был избран с согласия всего народа и который оказался достойным предводителем, стратегом, умеющим

добиться победы и сохранить жизни соратников. Он и сам проявил высокие воинские качества и богатырскую силу. Следующий фрагмент-смальта – это столь же лаконичное и яркое описание торжества победителей. Наряду с этим упоминается внушительная величина города и неприступность крепости Бахчисарая («о семи углах»), а также бесславный конец ненавистного хана, на которого победители готовы надеть «семь железных оков», что призвано стать символом полного унижения побежденного. Завершает мотив торжества победы указание на бесславную участь ханской дочери, некогда спесивой и от этого безмерно разборчивой в женихах: ей теперь вместо капризов при выборе ныне остается только рыдать «на своей золотой тахте», ибо свататься к ней уже никто не захочет.

Наконец, чтобы завершить песню на мажорной героической ноте, упоминается поступок славного наездника Андемиркана, героя внушительного цикла сказаний и песен; в данном случае он персонаж второго плана, который намерен прорваться в сражении к «белой большой мечети» только ради удалства, хотя в этом нет уже особой стратегической необходимости. Как известно, в сознании средневекового воина-наездника не настолько бывает важна практическая целесообразность того или иного действия, насколько достойным признается проявление задора, лихости, этакое «безумства храбрых». Фрагмент песни наглядно свидетельствует, что для рыцарского сознания это не менее важно, чем даже общий положительный исход предприятия. Более того, подобное удалство придает всей картине баталии особую выразительность и художественное совершенство.

Как характерно, и в данном случае отдельные фрагменты не всегда выстраиваются в соответствии с логикой последовательно происходящих событий. Так, упоминание о белых конях, «больших кораблях» и хребтах лесистых гор с бездонными ущельями могут иметь отношение как к началу предприятия, так и к его финальной стадии, когда участники похода возвращаются с богатой добычей. Установить место явления в структуре линейного времени возможно только по тексту предания. Стих, упоминающий об избрании Татлостана предводителем, с которого, возможно, пошло возвышение рода княжеской династии его имени, по времени должен был предшествовать самому походу, а упоминание о его личных достоинствах и вовсе стоит вне временной канвы эпического повествования. Так же мозаичны фрагменты трех разных эпизодов о ходе и результатах сражения: кандалы, предназначенные для хана, участь горделивой ханской дочери и удалство наездника Андемиркана.

Однако, что характерно, сочетание различных относительно автономных фрагментов песенного текста складывается в единое художественно организованное целое, и это происходит отчасти благодаря характерным «скрепам – звуковой организации текста, частом использовании аллитерации, ассонанса, повтора слов, словосочетаний или звуковых комплексов. Но в значительной мере единство текста обеспечивается благодаря тому, что прозаическое сказание позволяет легко получить целостное представление о сути совокупного употребления указываемых приемов. Что при этом важно заметить, в стилистике мелодического строя и поэтическом языке песни устойчива атрибутика, типичная для героического эпоса как жанра. Это и величавая торжественность мелодии, и употребительность типичных эмоционально окрашенных ритмизирующих слов, и предметная атрибутика, и масштабность описаний и отдельных предметов, и гиперболические характеристики коня, корабля, физической мощи самого героя и пр. Важны также акценты, расставляемые при наделении объектов эпитетами (*большие белые кони, палуба большого корабля, бездонность ущелий, внушительный вид Бахчисарая с добротными строениями и крепостью «о семи углах»* и пр.). Мы вправе признать, что со всей очевидностью в песнях данного типа внимание концентрируется исключительно на социально важных и эстетически значимых явлениях действительности. В данном случае в центре внимания певца завершившийся поход,

венчаемый величальной песней, которая должна увековечить в народной памяти важное событие и его участников.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в данном ряду ограниченное число циклов посвящается событиям, имевшим благополучный исход. К произведениям данного рода можно отнести также песни «Каракашкатауская битва», «Бзюкская битва» и некоторые другие. В их числе песня из цикла, посвященного Азепшеву сыну Гудаберду. Текст ее во всех известных вариантах так же мозаичен, как и выше рассмотренный, и он так же требует расшифровки с помощью предания, без чего многие важные эпизоды, упоминаемые в песенном тексте, не могут быть объяснены и поняты слушателем. Так, например, примечательно следующее двустишие в начальной части текста: «Дариихум и быдэр зи джанэ, / Урыху и банэр зи гьуэгу» – *Прочный белый шелк его сорочка, / <Через> Урухской <поймы> колючки его дорога*. Только из текста предания мы можем понять, что речь идет о том, что герой, скрываясь от возможных преследователей, бежал по бездорожью и пробирался через колючий кустарник, который изодрал его одежду. Следующие два стиха развивают тему побега и ненавязчиво раскрывают его причину: *По колючкам урухской поймы я тропу прокладываю, / Чтобы не стать доносчиком, я родину покидаю*. Снова объяснение песенного текста заложено в предании: герой стал очевидцем преступления, но поскольку доноительство почиталось постыдным занятием, недостойным истинного наездника, герой предпочел добровольное изгнание, тем более, что подозрение падало на него самого.

Далее в тексте песни следует небольшая тирада, будто проливающая свет на событие, но при этом не раскрывающая сути до конца: *Не убивавшего князя, меня князеубийцей нарекают, / Относительно того, кто князя убил, мои глаза были грешны (т.е. я видел того, кто убил князя), / Глаза хоть и грешны, но руки непричастны... / Руки непричастны были, да язык мой не выдает... / Чтобы не выдать <виновного>, я родину покидаю...*

Фраза «*Чтобы не выдать <виновного>, я родину покидаю*» приводится в тексте песни троекратно, тем самым акцентируя внимание на важности этих слов и на том, какой достойный выход нашел герой в столь сложной ситуации. В то же время она привносит в текст песни элемент переживания, т.е. лирики. Это органически вплетается в героико-эпический текст, как бы предвосхищая перенос внимания на типологически новое явление, лирическую песню, которая подспудно тяготеет к центру в иерархии фольклорных жанров.

Следующий тип песен представляют произведения, в которых значительное внимание обращается уже не только на действия персонажей, но также и на внутренние переживания героя. Иными словами это песни, которые еще сохраняют формально родовые признаки героического жанра, но в лексике и стилистике откровенно тяготеют к настоящей лирике. Так, фактически идентичен характер исполнения – партия солиста, содержащая всю семантически значимую вербальную часть песни, и хоровое сопровождение, традиционно образующее основную мелодическую линию, исполняемую без употребления семантически полнозначных слов (партия «ежбу»). Как в мелодике, так и в предметной атрибутике еще могут доминировать мотивы, характерные для героических песен. Но наряду с ними усиливаются такие характерные для лирики явления, как протяжность мелодии, частое использование повторов слов и сочетаний, акцент в словоупотреблении на формы слов с уменьшительно-ласкательным значением, внимание к внутреннему состоянию и переживаниям героев или фактическое появление лирического героя как значимой фигуры.

В данном ряду наибольшее внимание привлекают циклы, в центре внимания которых стоят не только воины-наездники, но и женщины – возлюбленные героев или же их супруги. При этом песня может быть посвящена мужчине и даже прямо адресована ему. Но сложена она от лица женщины, хотя традиционно, как и все

героические песни, исполняется мужским коллективом. Один факт присутствия в поэтическом тексте женских персонажей уже располагает к проникновению в лексику и стилевую ткань песен мощных мотивов лирического плана. Эта тенденция усиливается в случаях, когда, в предании прямо указывается, будто песня сложена женщиной, хотя в некоторых случаях велика верочность, что ее сложили профессиональные песнетворцы-джегуако, но не от своего, а именно от ее имени. Резонно видеть в этом усиление фактора художественной условности и такого глубоко эстетического феномена как лирический герой. Таковы получившие широкое распространение циклы о Гошемахо, о Куле-красавице, о Хатхове сыне Магомете. Многие из них были основательно охарактеризованы в трудах З.М. Налоева как песни очистительного характера (Налоев 2009: 47–108, 144–159), поэтому данное обстоятельство избавляет нас отчасти от необходимости подробно характеризовать их содержание и эстетические особенности. Между тем, поскольку нас интересуют аспект эволюции поэтического сознания и формальные особенности его отражения в поэтическом тексте, обратимся к рассмотрению одного из типичных циклов данного вида, о Магомете, сыне Хатха (Приложение № 3).

Чтобы прояснить содержание песни, потребуется, как и в предыдущих случаях, обратиться к сопровождающему ее преданию. Согласно содержащейся в нем информации, молодая жена славного наездника Магомета Хатхе и его младшая сестра, вышедшие со двора, заметили на противоположном берегу реки всадника, и девочка шутя, спросила, кем бы хотелось иметь того всадника, если он напрямик, не ища броду, переправится через горный поток. Невестка, узнавшая в наезднике своего мужа, и не подумала, что сестра не узнала своего брата, поэтому только усмехнулась и сказала, что она довольна тем, каковым он ей приходится. Девочка, не узнавшая брата, поняла эти слова превратно, пожаловалась своей матери, и та, не объясняя причины, велела своему сыну отправить невестку в родительский дом. Спустя много времени после этого случая, Магомет во главе партии наездников был вынужден остановиться среди ночи возле какого-то селения, и он отправил двоих своих спутников на поиски приюта или продовольствия. Посланные, подойдя к крайнему дому, услышали красивое пение, доносящееся оттуда, подобрались к окну, прислушались и установили, что это изгнанная жена их предводителя сочиняет песню-сетование о своей горькой доле. Возвратившись обратно, они настояли на том, чтобы Магомет сам восстановил справедливость и возвратил безвинно страдающую женщину. Таково, согласно преданию, происхождение цикла.

По многим внешним признакам песня весьма характерна как явление промежуточного типа между традиционной героической и лирической песней. Чтобы удостовериться в этом, достаточно обратить внимание на то, как органично в тексте, переведенном нами, сочетается предметная атрибутика той и иной разновидностей песни. С одной стороны налицо атрибутика сурового воинского лексикона: *волк удачливый, мерин могучий, кольчуга в свинцовых гвоздях (кольчуга, усеянная застрявшими в ней свинцовыми пулями как знак доблести, участия в многих сражениях), герой, легко переправляющийся через Волгу в пору ее разлива (в приложении они выделены подчеркиванием).*

Порою в одной строфе с этими атрибутами героико-эпического стиля и соответствующей лексики, а наряду с этим и в смежных строках соседствуют выражения, из иного семантического и стилевого ряда, лирические сентенции, передающие переживания несчастной оклеветанной женщины, страдающей безвинно (выделено курсивом). Кроме того, каждую поэтическую строфу завершает рефрен в два поэтических стиха риторическим обращением к герою песни с подлинно лирическими излияниями. Характерны иносказания, которые становятся понятными при обращении к содержанию предания. Так, неоднократное употребление слова «белый» в разных контекстах имеет общее позитивное содержание, но в каждом

случае наполняется своими особенностями. В контексте фразы «Его мать старая белоснежноволосяя...» корень *бел-* свидетельствует о том, что мать героя велела сыну прогнать невестку не по своему злому умыслу, как это явствует и в предании. Тот же корень в эпитете «*белоснежногрудая*» – это указание на безвинность изгнанной молодой женщины. Когда же *белый* является обозначением масти коня, это становится и способом величания самого наездника. Примечательно, что в тексте песни не находится слов прямого осуждения ни старой матери, ни неразумной юной золовки, которая превратно поняла реплику невестки, что явилось причиной многих страданий. Заслуживает быть отмеченным и то обстоятельство, что роль глагола в песенном тексте значительно более скромна, если сравнивать с текстами типичных героических песен. Это приводит к ослаблению динамики и к выдвиганию на передний план статики и описательности, что открывает перспективы для усиления лирических мотивов как в мелодике, так и в вербальном компоненте. Как очевидно, лексика песенных текстов в немалой степени зависит от конкретной темы, однако в данном случае огромную роль играет и традиция. Именно указанный фактор удерживает многие циклы, состоящие из сочетания песни и предания, в русле канонов давно сложившейся поэтики эпоса, хотя в плане содержания ни песня, ни предания уже не соответствуют прежним канонам героико-эпической поэтики. В лексику, стилистику и мелодику все настойчивее вторгаются атрибуты набирающего силу лирического жанра, и их количественное накопление призвано со временем открыть путь к выходу в центр внимания мотивов сугубо лирических и бытовых.

Наши наблюдения не могут претендовать на установление всеобщих закономерностей эволюции поэтики эпического песенного текста. Однако даже при всей ограниченности рассмотренного материала они позволяют установить основной вектор поступательного развития таких важных факторов как действие и описание в произведениях жанрового образования, которое принято обозначать сочетаниями *историко-героический эпос* или *младший эпос*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Все тексты взяты из издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (НПИНА). При этом мы считали достаточным для раскрытия избранной темы привести только русский перевод, в основе которого лежат тексты из указанного источника для большей наглядности тех особенностей, на которых мы акцентируем внимание, некоторые фрагменты текста мы позволили себе перевести заново, не нарушая при этом принципов, принятых авторами перевода в источнике. Также мы сочли возможным опустить в приводимых текстах несмыслонесущие слова, которые в источнике несут функцию ритмизации или эмоциональной окраски речи и поэтому не имеют существенного значения для решения поставленной нами конкретной задачи.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Стования Боры Могучего

– Бора, Бора! – говоря, ввечеру кот-то меня кличет.
Этот, меня окликнувший, на кургане мне встречу назначает.
– Моего коня белого большого выводите, – говорит, –
и моим золотым седлом седлайте...
Мою бурку серую к седлу приторачиваю,
на своего коня белого большого сажусь...
К Харама-горе подъезжаю, со своего коня белого большого
спешиваюсь...

Мою бурку серую расстилаю, стрелы дважды по девять не нее бросаю.
Чинары крепкой палочки когда строгаю, две стружки
одна на другую падают...
Рассвет настает, и какое-то темное множество приближается...
Это темное множество пропускаю, а там темное одинокое явилось...
Его я окликаю – не оборачивается...
я лук натягиваю и по левую сторону от себя его сваливаю...
– Голову сниму, – решив, когда подхожу,
широко открытыми глазами на меня он смотрит...
В него я всматриваюсь – а это мой сын единственный, оказывается.
(НПИНА III, 2, с. 344–347).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Песня о Бахчисарайской битве

Его белого коня большого на палубе корабля большого перевозят...
Добро его везущие верховья ущелья глубокого утаптывают...
Всенародный сход собирается и Татлостана нашим предводителем <избирает>...
Его бравадные слова вдохновляли всадников, павших духом ...
Наш Татлостан горазд возвращать своих соратников домой без потерь...
Концы самого тугого лука он силой своих рук воедино сводил...
Шатер его ветрами суровыми продувается...
Бахчисарай в ту пору о семи углах был...
Эти семь оков на хана толстого недоброго наденьте...
Хана недоброго дочь Кустахан прекрасная, что в женихах разборчива была,
рыдает на тахте золотой восседая...
Воинство на белых конях с полуострова выезжает...
<Пусть проку от этого и не будет, но к той белой большой мечети я пробьюсь!> –
заявил Андемиркан.
НПИНА III, 1, с. 51–54.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. ПЕСНЯ О ХАТХЕ МХАМАТЕ

Когда мы его <в поход> отправляем, он волк удачливый,
Когда он возвращается – для нас радость двойная была...
Кто же он сам, если спросишь, то это Хатха предводителя сын Мхамат...
Если бы <Бог> тебя мне хоть на один день вернул, дети голые приоделись бы...
(После каждой мелострофы два последних стиха повторяются рефреном с некоторым варьированием лексики. В нашем переводе мы это обозначили далее многоточием в угловых скобках)

Мерин могучий цвета бузины был,
Его кольчуга в свинцовых гвоздях ...
<...>
Его *мать старая белоснежноволосяя*...
Его *супруга добрая белоснежногрудая*...
<...>
Его *сестричка малая доносчица*...
Его *супругу добрую* от него отлучают...
<...>
Для него ребрышки вяленые приберегают...
Для него медовые напитки выдерживают...
<...>
Индыла великого глаз пучится (т.е. Индыл, река Волга, разлился вовсю)...
<Он же легко переправляется и табуны пригоняет...

<...>

Его *белый конь* *искоса* *выглядывает*...

Сам он на свою супругу не оглянется...

<...>

...У его *белого коня* *шелк-сырец* *густая грива*...

Его кольчуга в свинцовых гвоздях...

<...>

Его *белый конь* на вершинах горных гуляет (букв.: ходит)...

Сам он там размышляет, где ходит...

<...>

Пусть бы ты меня в свой дом не впустил...

Пусть бы в псарню свою впустил...

<...>

Ночь настанет – я гыбзу (песню плачевую) сочиняю.

День настанет – я в тревоге маюсь...

У той, что одинока, что за радость,

Хатха предводителя сын наш Мхамат!

Если бы <Бог> тебя мне хоть на один день вернул, я бы тебя в белошелковые постели укладывала...

НПИНА IV, с. 59–67.

Список источников

Алиева 1969 – *Алиева А.И.* Поэтика нартского эпоса адыгов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969, с. 309.

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Героический эпос адыгских народов. Адыгский нартский эпос. / А.И. Алиева. Адыгский героический эпос. Сказка. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 736 с.

Гутов 2019 – *Гутов А.М.* Песня балладного типа в адыгском историко-героическом эпосе // Вестник Адыгейского государственного университета. «Филология и искусствоведение». Майкоп: АГУ, 2019. С. 123–128.

История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардицев Шора Бекмурзин Ногмовым. // *Ногмов Ш.Б.* Исторические и филологические труды, в 4 томах. Нальчик: КБИГИ, 2020. Т. 1. С. 161.

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 656 с.

НПИНА 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. Под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.

НПИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. Под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.

НПИНА 2018 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. IV. Ч. 1–2. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Нальчик: КБИГИ, 2018. 530 с.

References

ALIEVA A.I. *Pojetika nartskogo jeposa adygov // Skazanija o nartah – jepos narodov Kavkaza* [Poetics of the Nart epic of the Circassians // Tales of the Narts – the epic of the peoples of the Caucasus.]. Moskva: Nauka, 1969. P. 309. (In Russian)

ALIEVA A.I. *Geroicheskiy jepos adygskih narodov. Adygskiy nartskij jepos / A.I. Alieva. Adygskiy geroicheskiy jepos. Skazka. Tekstologija. Tipologija. Semantika. Pojetika* [Heroic epic of the Adyghe peoples. Adyghe Nart epic. / A.I. Aliyev. Adyghe heroic epic. Story. Textology. Typology. Semantics. Poetics]. Moskva: IMLI RAN, 2019. 736 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Pesnja balladnogo tipa v adygskom istoriko-geroicheskom jepose // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. «Filologija i iskusstvovedenie»* [Song of the ballad

type in the Adyghe historical and heroic epic // Bulletin of the Adyghe State University. "Philology and Art Criticism"]. Majkop: AGU, 2019. P. 123–128 (In Russian)

NOGMOV SH.B. Istorija adyhejskogo naroda, sostavlennaja po predanijam kabardicev Shora Bekmurzin Nogmovym. // Nogmov Sh.B. Istoricheskie i filologicheskie trudy, v 4 tomah. [The history of the Adykhean people, compiled according to the legends of the Kabardians by Shora Bekmurzin Nogmov. // Nogmov Sh.B. Historical and philological works, in 4 volumes]. Nal'chik: KBIGI, 2020. T. 1. P. 161 (In Russian)

NALOEV Z.M. Jetjudy po istorii kul'tury adygov. [Etudes on the history of the culture of the Circassians] Nal'chik: Jel'brus, 2009. 656 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. III. Ch. 1. Pod red. E.V. Gippiusa. [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. T. III. Part 1. Ed. E.V. Gippius]. Moskva: Sovetskij kompozitor, 1986. 264 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. III. Ch. 2. Pod red. E.V. Gippiusa. [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. T. I, II. Part 2. Ed. E.V. Gippius]. Moskva: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. T. IV. Ch. 1–2. Pod red. E.V. Gippiusa [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. T. IV. Part 1–2. Ed. E.V. Gippius] Nal'chik: KBIGI, 2018. 530 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Информация об авторах

А.М. Готов – доктор филологических наук, профессор;

Л.А. Готова – кандидат филологических наук, ЧИХ.

Information about the authors

A.M. Gutov – Doctor of Philology, Professor;

L.A. Gutova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.

Вклад авторов: Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

МУСУКАЛАНЫ САКИНАТНЫ ПОЭЗИЯСЫНЫ ЭНЧИЛИКЛЕРИ

Ёзденланы Тауланни кызы Фатима

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© Ёзденланы Ф.Т, 2022

Кысха магъана. Статьяда малкъар поэт Мусукаланы Сакинатын жашау жолуну юсюнден кысха айтылады, чыгъармачылыгыны энчиликлери кёргюзтюледиле: сезимле, табийгъат суратла (сёз ючюн, жазны татыуун келтирген жылы жауун, къара булутну къаралыгын кийип, мудах урум бла келирге боллукъ жауун), анагъа суймеклик эм д.б., бир сёз бла айтханда, белгиленген сыфатла аны чыгъармаларыны философия магъанасын терен ачыклайдыла, назму тизгинлерине энчи макъам саладыла, поэтни хат энчилигин белгилейдиле. Илму иште назму жыйымдыкъла: «Жаз жауунла», «Ныхытла», «Юркген кийик», «Аллыма къара», «Насып ючюн» тинтиледиле. Аслам эс «Алма-Атада чагъадыла алмала» деген лиро-эпикалы поэмагъа бурулады. Поэма саулайда малкъар поэзияда жангы ызны белгилеген чыгъармады. Ол малкъар миллетни тарыхындан алыннган, жашау суратланы бирикдирген сыфатды. Поэманы сюжет ызын бир таулу юйюрню къада-рыны юсюнден хапарлау къурагъанды. Эки уллу кыйынлык келтиргенди Фатиматха къадар – уруш (1941–1945) бла кёчгюнчюлюк. Ол жашау болумла аны баш иесинден, алты жашындан да айыргъандыла. Ата журтуна термилиу Фатиматны жюрегинде ёмюрге мухур болуп къалгъанды. Алай ол алты жашындан бири эшик ачмазлык ёчюлген от жагъасына къайтыргъа да арсар этдиреди. Базманда – Минги-Тауну этеклеринде орналган туугъан жери, бирси жанында уа – алма тереклери къурмашча чакъган Алма-Ата.

Бардырылган тинтиу иште Мусукаланы Сакинатын чыгъармаларында хатны, ачыкъланнган соруулары – бютюнда кёчгюнчюлюк эм суймеклик бла байламлы – энчиликлери, жанр тюрлюлери ачыкъланадыла. Поэт хайырланнган суратлау эм тил амалла (жан салыу, тенгледшириу, жаз тил, къайтарылган сёзлени тюрлюлери (анадиплосис, анафора) баямланадыла.

Илму иште гносеология, герменевтика тинтиу мадарла хайырланылгъандыла.

Баш магъаналы сёзле: Мусукаланы Сакинатын малкъар поэзия, поэма, ич дуня, сезим, чыгъармачылык иш

Цитата этерге: Ёзденланы Ф. Мусукаланы Сакинатын поэзиясыны энчиликлери // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 118–126. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-118-126

Original article

FEATURES OF SAKINAT MUSUKAEV'S POETRY

Fatima T. Uzenova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© F.T. Uzenova, 2022

Abstract. The article is devoted to understanding the work of the Balkarian poet Sakinat Musukayeva. Brief biographical information is given in the introductory part. In the analytical one, a general overview of the poetry collections “Zhaz zhauunla” (Spring rains), “Nyhytla” (Precipice), “Yurkgen kiyik” (Shy doe), “Allyma kara” (Meet me), “Mound of Yuchun” (For happiness) is given. The lyric-epic poem by S. Musukaeva “Alma-Ata da chag’adyla almala” (Apple trees bloom in Alma-Ata) – a new reading of the facts of historical reality through the prism of Memory – the most important spiritual concept, is emphasized. A cross-cutting thought is unfulfilled dreams associated with returning to their historical homeland. The fate of the heroine Fatimat absorbed two tragedies – the war of 1941–1945, which claimed the lives of her husband and six sons, and eviction. The reflections and feelings of the heroine present the reader with a subjective interpretation of what is described, an interpretation full of dramatic internal conflicts, the tragedy of an inevitable and necessary spiritual choice: on the scales – the heart of the native Balkaria, which remained there, at the foot of the great Elbrus, and the blessed blooming Alma-Ata, the theme of a split feeling – love for one’s historical homeland (which leads the heart to a natural need to reunite with it) and the steppe expanses, no less loved for such long coexistence. The work of the Balkarian poet marked a new evolutionary direction in national poetry – a turn towards individual and unique reflection.

As a result of a multi-aspect study of S. Musukaev’s poetic work, the main components of her individual style are identified: a cognitive approach to text analysis (including the use of “isotopic chains”: *Ariu sēzyum* (meaning “blessed word”, lit. “beautiful word”), *Alma-Atada chag’adyla almala...* (Apple trees bloom in Alma-Ata...) in conjunction with a text-centric approach; features of poetics: active use of stylistic figures (anadiplosis, anaphora), polymorphism, conceptualization of the image of the mother (“*Meni ariu chuuak kozhyum*” – “My beautiful, bright-eyed”), in the genre of poetry – psychologism and retrospective as the most important means in the formation of a new model of a large-format canvas; the expressed lyrical nature of Sakinat Musukayev’s poetry.

The work uses epistemological and hermeneutical methods of research, a brief literary analysis is carried out.

Keywords: Sakinat Musukaeva, Balkar poetry, lyrics, poem, evolution of creativity

For citation: Uzdanova F.T. Features of Sakinat Musukayev’s poetry. Vestnik KBIGI = Bulletin of KBIGI. 2022; 3 (54): 118–126. (In Karachay-Balkar). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-118-126

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ САКИНАТ МУСУКАЕВОЙ

Фатима Таулановна Узденова

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

© Ф.Т. Узденова, 2022

Аннотация. Статья посвящена осмыслению творчества балкарской поэтессы Сакинат Мусукаевой. Во вступительной части приводятся краткие биографические сведения. В аналитической – дается общий обзор поэтических сборников «Жаз жауунла» (Весенние дожди), «Ныхытла» (Кручи), «Юркген кийик» (Пулывая лань), «Аллыма къара» (Встречай меня), «Насып ючюн» (За счастье). Акцентно рассмотрена лиро-эпическая поэма С. Мусукаевой «Алма-Ата да чагъадыла алмала» (В Алма-Ате зацветают яблони) – новое прочтение фактов исторической действительности через призму Памяти – важнейшего духовного концепта. Сквозная мысль – нереализованные мечты, связанные с возвращением на историческую родину. Две трагедии вобрала судьба героини Фатимат – войну 1941–1945, унесшую жизни ее супруга и шести сыновей, и выселение. Размышления и чувства героини представляют читателю субъективную интерпретацию описываемого, интерпретацию, исполненную драматических внутренних коллизий, трагичности неизбежного и необходимого духовного выбора: на весах – сердце родной Балкарии, оставшееся там, у подножия великого Эльбруса, и благословенная цветущая Алма-Ата, тема раздвоенности чувства – любви к своей исторической родине (влекущая сердцем

естественная потребность в воссоединении с нею) и степным просторам, не менее полюболюбившимся за столь длительное сосуществование. Произведение балкарской поэтессы означило новое эволюционное направление в национальной поэзии – поворот к индивидуально-уникальной рефлексии.

В результате полиаспектного изучения поэтического творчества С. Мусукаевой обозначены главные слагаемые ее индивидуального стиля: когнитивный подход к анализу текста (в том числе – применение «изотопических цепей»: *Ариу сёзюм* (в значении «*благословенное слово*», букв. «красивое слово»), *Алма-Атада чагъадыла алмала...* (В Алма-Ате зацветают яблони) в соединении с текстоцентрическим подходом; особенности поэтики: активное использование стилистических фигур (анадиплосис, анафора), полиморфизм, концептуализация образа матери («Мени ариу чууакъ кёзлюм» – «Моя красивая, ясноглазая»), в поэжном жанре – психологизм и ретроспектива как важнейшие средства в формировании новой модели крупноформатного полотна; выраженная лирическая природа поэзии Сакинат Мусукаевой.

В работе использованы гносеологический и герменевтический методы исследования, проведен краткий литературоведческий анализ.

Ключевые слова: Сакинат Мусукаева, балкарская поэзия, лирика, поэма, эволюция творчества

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Особенности поэзии Сакинат Мусукаевой // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 118–126. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-118-126

Малкъар адабиятны тарыхында Мусукаланы Сакинатны чыгъармачылыгы энчи жерни алады. Сакинат отуздан артыкъ китапны авторуду. Аланы арасында назму, поэма, хапар, жомакъ, пьеса, публицистика, адабият тинтиу бла байламлы ишле бардыла. Окъуучулагъа аны «Жаз жауунла» (1985), «Эрттен чыкъда» (1988), «Лицом к тебе» (1991), «Юрген кийик» (1988), «Аллыма къара» (2001), «Насып ючюн» (2004), «Хакъ дуняда жолоучула» (2013), «Тюбешиу – айырылыу» (2014), «Барып турсанг...» (2014), «Ёмюрле жолунда» (2015), «Къарылгъачла» (2015), «Адабият – жашау кюзгюсю» (2018), «Эсгериуле – тейри къылыч» (2021) эм башха китаплары белгилдиле. Сабийлеге атап да Сакинат кёп жазгъанды, дерс китапла къураула да къатышханды («Алтын челекчик» (жомакъла), «Нартла тургъан жерде» (пьесала, 2010), «Сёз оюнла» (элберле, сёз оюнла, сабий назмула...2010).

Сакинатны ниет хазнасыны юсюнден илму ишледе [Берберов 2011; Узденова 2009, 2018], газетледе, журналлада басмаланган статьялада [Байсиева 2012; Ёзденланы Ф. 2022] айтылады. Бу илму ишни баш борчу – Мусукаланы Сакинатны малкъар поэзиягъа къошумчулугъун белгилерге эм аны чыгъармаларыны суратлау энчиликлерин кёргюзтюрге. Белгиленген борчну тамамлардан алгъа назмучуну жашау жолуну юсюнден айтыргъа тийишлиди, нек дегенде, бек биринчиден, аны къадары бла чыгъармачылыгыны араларында байламлыкны чертирге керекди. «Поэтни назмуларын окъуй, аны жашау жолу, ич дунясы, жаратылыш ангылауу къалай къурала келгенлерин шашмай билерге боллукъду» [Тёппеланы А. 2022: 46].

Мусукаланы Азрорну къызы Сакинат 1957-чи жылда Къыргъызстанда Сын-таш элде туугъанды. Тарых тюзлюк тохташханда, Мусукаланы юйор туугъан эллери Кёндеденге къайтады. Анда орта школну бошاپ, Сакинат Къабарты-Малкъар къырал университетни филология факультетини орус-малкъар бёлюмюне киреди. Урунуу жолу 1980-чы жылда башланады: Къабарты-Малкъар китап басмада корректор, технический редактор, редактор. 1998-чи жылда «Нюр» журналны баш редакторуна айырылады. Ол къуллукъну онсегиз жылны ичинде толтурады. Бюгюнлюкде «Заман» газетни культура бёлюмюне башчылыкъ этип турады. 1991-чи жылда Россейни жазычуларыны биригиюне, ызы бла Россейни журналистлерини биригиюне киреди.

Мусукаланы Сакинатны биринчи китабы – «Жаз жауунла» [Мусукаланы С. 1985] 1985 жылда чыкъгъанды. Поэт айтырыкъ сёзюн, ангылатырыкъ оюмун

табийгъатны белгилери бла кёргюзтеди: «Сени кёзлерингде кёреме мен жазны»; «Жауады къар, жабады къар Сары Тюзню, / Акъ бийикден, сакъ бийикден къанат юзюп...»; «Эрттен чыкъдан минчакъла / тизейим санга...». Табийгъат суратла, сезимле Сакинатны назму тизгинлерине энчи макъам салгъандыла. Жазны ажазмаз ийисин, татыуун келтирген жылы жауун, къара булутну къаралыгъын кийип, мудах урум бла келирге боллукъ жауун – бу сыфатла чыгъарманы философия магъанасын терен ачыкълайдыла:

Жауун да – заманча, жашауча,
Аллын тыялмазса аны...
Жауады, жерни жууарыкъды,
Тёшню, тауланы, къолланы.
Таудан суучукъла къууарыкъды,
Бёлюп, кесеклеп жолланы.

Поэтни китабында анагъа аталгъан назмула энчи магъаныны тутадыла. Ана суймеклик, ана тилекле жолларын жарытхан адамла насыплыдыла. «Сакинат ананы суймеклигин къадарны энчи саугъасы болгъанын, аналары болгъанла ол насыпха ие бола жашагъанларын, аналары дунияларын алышханлада жюреклеринде ол тансыкъ, жылы эсгериуню хар заманда да жангылай, жарыкълай тутаргъа излегенлерин, ол ачы-зауукълукъну хар ким кесича аяргъа, сакъларгъа суйгенин уста суратлайды» [Ёзденланы Ф. 2022: 39]. Элегия жанрда жазылгъан «Мени ариу чууакъ кёзлюм» деген назму лирика жигитни дуниядан кетген багъалы адамы бла («Анам хорлатды ёлюмге...») ушакъ халда жазылгъанды.

Сен чыкъмай къалдынг бу тангнга,
Къууанмай жазгъа, жылыугъа,
Ышармайын акъ таулагъа,
Эртден аладан аугъанда...
Сен кёрмединг тал терекни
Суугъа ийгенин этегин.
Анда жуууна да, ойнай,
Кюннге, таулагъа да къарай,
Ол аллай ариу ийнарла
Тагъады, жазгъа ийнана...
Сен эштмей къалдынг аланы
Жутар шошлугъу жагъаны...
Сен эштмей къалдынг аланы
Санга айтылыр жырланы...» [Мусукаланы С. 1988: 52]

– деп жарсыды лирика жигит.

Назму мудах эсе да («жалан да кюеди жаным, / жалан да жарсыды тангым...» [Анда: 54]), анда жашаугъа, ийнаныугъа аслам эс бурулады:

Ачлыкъ, жалангачлыкъ кёрюп,
Кёп тюрлю ачыу кётюрюп,
Къалалды халкъыбыз халкълай,
Ниетин сакълады акълай [Анда: 56].

Жашау кесини ариу къудуретин саулагъа саугъа этеди. Бу назму «Эрттен чыкъда» (1988) [Анда 1988] деген жыйымдыкъгъа киргенди. Китапда поэтни усталыгъы да, жазгъан затларыны терен магъаналары да толу эсленедиле; табийгъат бла адамны байламлыкълары суратланады: «...Гюллени шыбырдауларын эшип чачына, / Тейри къылычны алгъышын салып жюрекке», «кюнлю, гюллю да болуп», келеди суйгенине лирика жигити.

Ариу ауаз –
Жашил жазны жыры,
Жылыу берир
келген эртденлеге,
Къууанч, насып –
умут этгенлеге («Келликди жаз») [Анда 1988: 5].

Сакинат окъуучугъа эм алгъа лирика назмулары бла белгилиди. Адамны ич дуниясын уста суратлай билиу – жазыучуну фахму хатыды. Аны бир къауум назмусу жыргъа салыннганды: «Кёзлеринге къарасам», «Мен кюерча этме», «Сен кетип бара эдинг», «Гитарангы сокъ да», «Сюймекликни кёпюрю», «Таулу байракъ», «Туугъан жерим». Айтылгъаннга шагъатлык белгили алим Толгъурланы Зейтунну сёзлери этедиле: «Сакинат миллет поэзиябызда кёп тюрлю жанрланы аякъландырырча тынгылы юлюш къошхан жазычуду. Ачыкъ сёзлю (лирика) назмуладан башлап, жырлагъа дери, элегия хапарлагъа, назмулагъа, поэмалагъа дери» [Толгъурланы З. 2022: 39].

Сакинатны поэзиясында баш жерни сюймеклик сезим алады десек, жангыллыкъ туюлюбюз. Китапны аты «Юркген кийик» (1998) [Мусукаланы С. 1998] сюймекликни аллында жан титиреулюк болмай къалмагъаныны бир белгисиди. Поэт ол сезимни суратлауда кёп тюрлю бояула бла хайырланады:

Эсгереме тюнене жаугъан
Жаунну къум татыу этгенин,
Ол, мени къууа, таудан таугъа
Тейри къылыч болуп жетгенин...

Туз себеесе эски жарама,
Кёзлеринг бир кюн болуп, бир – буз.
Мен барама сени аллынга,
Мен эрттенме, сен а – танг жулдуз. «Сагъыш» [Анда: 214].

«Юркген кийик» деген жыйымдыкъгъа кирген назмула эстетика сынауу жетген поэтни чыгъармаларыдыла. Юч кесекден къуралгъанды китап: «Мен сюйгенле», «Атынг алай ариуду», «Чапыракъ жауун». Ал бетлеринде автор къыйын кюнлеринде аны къатында сюелгенлеге, ишине, жашаууна себеплик этгенлеге жюрек ыразылыгъын билдиреди, кёлонден ыспас этеди.

Къыйын кюнюмде таянчакъ болгъанла,
Мени ючюн деп, ишлерин къойгъанла,
Бушууумда биргеме жилигъанла...
Неда башха ачыуда аягъанла:
Мени эгечлери кибик кёргенле,
Жюреклерин юлюш эте келгенле...
Барыгъызгъа да мен сюйген игилик
Келсин, болуп Минги Таудан да бийик! [Анда: 7]

Юлгюге келтирилген назму юзюк миллет алгъыш формагъа келишеди, ол себепден авторну оюму да толу ачыкъланады. (Тенгешдирирге: туура айтылгъан алгъышха поэтни «Чакъырама сени» деген назмусунда («Эртден чыкъда» деген китапдан) тюбейбиз: «Алгъышлайма сени, / жыр такыгъанча, / Жазлагъа кёчюучю къарылгъач, / Къууанчлы жолоучу къапланнганча / Тау суугъа, болуп ачжаланнгач!» [Мусукаланы С. 1988: 16]).

Адамны жарсыууна къайгъыра билиую поэтни назмуларында тийишли сёзле бла айтыладыла. Урушда жоюлгъан алты акъ атлыгъа аталгъан сёзлери ол затха ийнандырадыла. «Мен жарсыйма, – дейди Сакинат. Мен сагъыш этгенден, бу

тизгинлени окъугъан хар ким да жарсыды. Не бла болушайым алагъа, не бла жапсарайым бюгюн мен аланы? Кеч къалгъан къайгъы сёзюмю айта, ол ачыуну ауурлугъуну бир кесегин алыргъа суюме». «Алма-Атада чагъадыла алмала» [Мусукаланы С. 2001] деген поэмасында да ол ыз эсленеди.

Поэма кёчгюнчюлюк темагъа жораланып жазылгъанды. Поэт сюрдюню сынагъан инсанни ич дуниясын, аны жүрегинде къозгъалгъан сезимлерини (Ата журтха тансыкълыгъы, термилиую) ачыкъларгъа итинеди. Кёчгюнчюлюк поэзияда «туугъан жер бла тыш жер» деген ангылам барды. Ол Сакинаты чыгъармасында жангы магъананы тутады. Эки тюрлю жер, эки тюрлю дуня, бир бирге чюйре келмей, «Алма-Атада жашагъан таулу тиширьюну жүрегине сыйынадыла. Анда – ата-бабаланы жерлери, мында – ахлуларыны къабырлары» [Берберов 2011].

Фатиматы къадарыны юсю бла автор юч тёлню жашауун суратлайды. Адамны эси бла жашауда керти болгъан ишле, бир бирлерин алышындыра келип, сюрдюн азаплыкъны ёмюрде да кёз туурада турлукъ суратын белгилейдиле, ата журтуна къайтыуну толмай къалгъан мураты – бу оюм поэманы баш магъанасыны мурдору болуп келеди. Сакинаты поэмасын миллетини «...ёксюзле ёсдюрген аналарына къысылып, узакъда къалгъан сабийлерине» [Мусукаланы С. 2011: 272] атагъанды.

Умуту да, жулдузу кибик, батды,
Алай батды жазны ариу кюнюнде,
Туман болуп, босагъа ташха жатды,
Тауну, тешню тынгылата кюйюне... [Анда: 286]

Туугъан журтха эм сюрдюн жыллада жашагъан жерине да суюмеклиги эки жанына тартып тургъанлыкъгъа («Алма-Атада чагъадыла алмала, / Гюлден толуп, тёгюледи тегерек. / Минги Тауда эрийдиле туманла, / Чууакъ болуп, таза болуп ариу кёк [Мусукаланы С. 2011: 293], ол суюмеклик экиге бёлюмгенин, бир терек болуп къалгъанын, кёчкюнчюлюк къыйынлыкъын аталары, аналары сынагъан поэтле суратлайдыла асламында деген оюм жүрюйдю. Бу поэманы автору да ол къауумгъа киреди. Аланы кёбюсю туугъан журтну татыуун толу ангыламай, жангы жерлени да Ата журтнуча суюгендиле [Узденова 2009: 61].

Мусукаланы Сакинаты бу поэмасы халкъны тарыхын суратлауда жангы сёздю: поэманы жигитини сагъышларыны юсю бла къыйынлыкъгъа тюшген адамны сезими, аны экилиги кёргюзтюледиле.

Поэманы къуралыу жаны бла энчилигин чертирчады: ол 27 къауумдан (хар къауум жети тёрттизгинлиди) къуралгъанды. Къауумдан къауумгъа кёчгенде, тизгинле къатланып-къатланып айтыладыла: ахыр тёрттизгинни ахырында айтылгъан оюм ызындан келген тёрттизгинни башында къайтарылып (поэтиканы тили бла айтсакъ – *анадиплосис*), андан ары терен ачыкъланып барады. Оюмдан оюм туудура, назмучу окъуучуну эстетика сезимин къозгъайды, эсин бийлейди. Ол а суратлау сёзге усталыкъны сёзсюз шартыды.

Поэма биринчи «Минги Тау» журналда, артда уа «Аллыма къара» (2001) [Мусукаланы С. 2001] деген китапта басмалангъанды. Сакинаты бу назму жыйымдыкъда чыгъармалары магъаналарына кёре къауумлагъа юлешинедиле, сёз ючюн: «Къызаргъан кюн, учхан къанатлы», «Атынгы айтама да сени», «Акъ чакъгъан болур балли». Жашауну бла табийгъат ангыламланы айырылмазча байламлыкълары болгъанлары философия теренлик бла суратланады. «Эс», «Белгисизлик», «Къадар», «Тергеу» деген назмула башда айтылгъан оюмлагъа толу шагъатлыкъ этедиле. Жан халаллыкъ, тамата адамлагъа ыспас, хурмет – адамлыкъны бу илишанлары бютюн бийикге кётюрюлгендиле. Муну аллындагъы жыйымдыкъда тюбеген «Уллугъузгъа, гитчегизге да – насып» деген назмусун эсге алсакъ, «Аллыма къара» деген китапта «Китабымы ахырында» деген назмуну магъанасын, аны нек жазылгъанын да ангыларыкъбыз:

Ариу сёзюм – тангны тазальгыына,
Кюнлюм бетин кюдюре тургъан кюннге,
Къара ташны сылай тургъан аязгъа,
Жан аурутуп Гошяхны кюйюне...
Ариу сёзюм – элек болгъан умутну,
Атып къоймай, кесине къысхан жаннга.
Ариу сёзюм – болалмайын унутуп,
Келмезликни аллына къарагъаннга.
Ариу сёзюм – ариу сабий ёсдюрюп,
Миллетине къуллукъ этдиргенлеге,
Халкъгъа жетген ауур жюкню кёпюрюп,
Махтау излемегенлей, элтгенлеге... [Мусукаланы С. 2001: 294].

Бу тизгинледе «ариу сёз» «алгышым» деген магъананы тутады, болсада, туура айтылмай, алгышха ушагъан айтылыу формада бериледи» [Локьяева, Узденова 2021: 250]. Адабиятны тинтген илмуда белгиленгенге кёре, XX-чы ёмюрню ахырында суратлау сёзню усталары кеслерини чыгъармаларында алгыш жанрда жазылгъан назмуладан сора да, алагъа ушагъан айтыулары («стилизация под алгыш» [Узденова 2018: 94]) миллет поэзиябызгъа эркин кийиредиле. Ала да, магъаналары жаз тилге байланышып, назму кепге сыйынып айтыладыла. Ол зат къарачай-малкъар поэзияда жангы ангыламды.

Дагъыда, бу назмуну суратлау кючюн бютюн уллу этген шартха назму тизгинлени «ариу сёзюм» деген сёз тутуш бла (*анафора*) башланганларын санаргъа керекди. Аны бла бирге «кюнлюм бетни кюдюре тургъан кюннге» деген табийгъат сурат тенгледире да бошдан болмагъанын эсеген къыйын туююлду. Ол зат назмугъа авторну оюмуну кертилигин шарт этген сыфат болуп киргенди. Айтырыгыны баш магъанасын чертир ючюн, назмучу ана тилини байлыгына таянганын айтады – назмуда белгиленген авторну жашау жоругъу болгъаны шартды.

Сёзню кючу, Сыйрат кёпюрден ётюп,
Этеди бир кери болгъан жанланы.
Мен, ол затны кесиме билек этип,
Шош барама алларына аланы [Анда].

Мусукаланы Сакинатны «Насып ючюн» (2004 ж.) [Мусукаланы С. 2004] деген назму жыйымдыгында поэтни жашау сынауу суратланады, философия оюмла ачыкъланадыла, насыят халда сюймекликни, насыпны, ийнаныуну, таукелликни жарыгы урады («Атам акъ атха минип барады, / Мен эштеме туякъ тауушун...»; «Сыйпалгъан арбазда ыз къалгъанды – / Суу бюркгенди къумгъандан анам...») (*Ата юйюм*) [Мусукаланы С. 2004: 13]. Сакинатны бу назмусун къурагъан суратла аны тёлсюню жарыкъ эсериулерин болгъанлай къаладыла.

Саулай алып айтханда, Мусукаланы Сакинатны чыгъармаларында жашауну кёп тюрлю шартлары белгилендиле: табийгъат, сюймеклик къудурет, адамны ич дуниясы, кёз къарамы, къууанчы, бушууу. Назмучуну ниет хазнасы малкъар адабиятта тийишли жерин тапханды, миллет окъуучулары жюрекледин бийлегенди.

Хайырланган ишлени тизмеси Список источников

Байсиева 2012 – *Байсиева М.К.* Сакинат Мусукаева: плывущая против течения // Горька. 2012. 30 мая.

Берберов 2011 – *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2011. 215 с.

- Ёзденланы Ф. 2022 – Ёзденланы Ф. Назмусундан жылыу ургъан... // Минги Тау. 2022. Б. 39–46.
- Локьяева, Узденова 2021 – Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т. Алгыш (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика // Кавказология. 2021. № 3. С. 247–259.
- Мусукаланы С. 1985 – Мусукаланы С. Жаз жаунла. Нальчик: Эльбрус, 1985. 84 б.
- Мусукаланы С. 1988 – Мусукаланы С. Эртден чыкъда. Нальчик: Эльбрус, 1988. 70 б.
- Мусукаланы С. 1998 – Мусукаланы С. Юрген кийик. Нальчик: Эльбрус, 1998. 248 б.
- Мусукаланы С. 2001 – Мусукаланы С. Алма-Атада чагъадыла алмала // Мусукаланы С. Аллыма къара. Нальчик: Эльбрус, 2001. Б. 271–293.
- Мусукаланы С. 2001 – Мусукаланы С. Аллыма къара. Нальчик: Эльбрус, 2001. 302 б.
- Мусукаланы С. 2001 – Мусукаланы С. Китабымы ахырында // Мусукаланы С. Аллыма къара Нальчик: Эльбрус, 2001. 294–295 б.
- Мусукаланы С. 2004 – Мусукаланы С. Насып ючюн. Нальчик: Эльбрус, 2004. 144 б.
- Мусукаланы С. 2004 – Мусукаланы С. Ата юйюм // Мусукаланы С. Насып ючюн. Нальчик: Эльбрус, 2004. Б. 13.
- Тёппеланы А. 2022 – Тёппеланы А. Сакинатны юсюнден айтылгъан сёзледен // Минги Тау. 2022. Б. 46.
- Толгъурланы З. 2022 – Толгъурланы З. Сакинатны юсюнден айтылгъан сёзледен // Минги Тау. 2022. Б. 47.
- Узденова 2018 – Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Принт Центр, 2018. 232 с.
- Узденова 2009 – Узденова Ф.Т. Современная балкарская поэма: тенденции развития // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: КБИГИ, 2009. № 6. С. 54–69.

References

- BAYSIYEVA M.M. *Sakinat Musukayeva: plyvushchaya protiv techeniya* [Sakinat Musukayeva: swimming against the current]. Goryanka. 2012. 30 maya. (In Russian)
- BERBEROV B.A. *Tema narodnoy tragedii i vozrozhdeniya v karachayevobalkarskoy poezii* [The Theme of Folk Tragedy and Revival in Karachay-Balkarian Poetry]. Nal'chik: Izd. otdel KBIGI, 2011. 215 p. (In Russian)
- ÖZDENLANY F. *Nazmusundan julu urgan...* [Warmth struck from his poem...]. Mingi Tau. 2022. B. 39–46 (In Karachay-Balkarian)
- LOK'YAYEVA ZH.M., UZDENOVA F.T. *Alg'ysh (blagopozhelaniye) v fol'klore i literature karachayevtsev i balkartsev: spetsifika zhanra, taksonomiya, poetika* [Algysh (good wishes) in the folklore and literature of Karachays and Balkars: genre specificity, taxonomy, poetics]. IN: Kavkazologiya. 2021. No 3. P. 247–259. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Zhaz zhauunla* [Spring rains]. Nal'chik: El'brus, 1985. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Ertiden chyk'da* [On morning dew]. Nal'chik: El'brus, 1988. 70 p. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Yurkgen kiyik* [Shy lan]. Nal'chik: El'brus, 1998. 248 p. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Alma-Atada chag'adyla almala* [Apple trees bloom in Almaty]. IN: Musukalany S. *Allyma k'ara* [Meet me]. Nal'chik: El'brus, 2001. 271–293 p. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Allyma k'ara* [Meet me]. Nal'chik: El'brus, 2001. 302 p. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Kitabymy ahyrynda* [At the end of the book]. IN: Musukalany S. *Allyma k'ara* [Meet me]. Nal'chik: El'brus, 2001. 294–295 p. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Nasyt yuchyun* [For happiness]. Nal'chik: El'brus, 2004. 144 p. (In Karachay-Balkarian)
- MUSUKALANY S. *Ata yuyyum* [Parental home]. IN: Musukalany S. *Nasyt yuchyun* [For happiness]. Nal'chik: El'brus, 2004. 13 p. (In Karachay-Balkarian)
- TÖPPELANY A. *Sakinatny yusyunden aytilgan syozleden* [From the speech of Sakinat Yushun]. Mingi tau. 2022. 46 p. (In Karachay-Balkarian)
- TOLGURLANI Z. *Sakinatny yusyunden aytilgan syozleden* [From the speech of Sakinat Yushun]. Mingi tau. 2022. 47 p. (In Karachay-Balkarian)

UZDENOVA F.T. *Karachayev-balkarskaya poeziya: genesis i zhanrovoye svoyeobraziye* [Karachay-Balkar poetry: genesis and genre originality]. Nal'chik: Print Tsentr, 2018. 232 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Sovremennaya balkarskaya poema: tendentsii razvitiya* [Modern Balkar Poem: Development Trends]. IN: *Voprosy kavkazskoy filologii*. Nal'chik: KBIGI, 2009. P. 54–69. (In Russian)

Авторну юсюнден информация

Ўзденланы Ф.Т. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар адабият бѐлюмню тамада илму къуллукъчусу.

Information about the author

F.T. Uzenova – Doctor of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkar Literature.

Информация об авторе

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

ИЗОБРАЖЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЭПОСЕ АДЫГОВ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2022

Аннотация. В статье рассматривается эволюция характера символики растительного и связанного с ним предметного мира в их взаимодействии с архаическими элементами повествования в историко-героическом эпосе. Выявляется, что в исторических песнях для символов растений характерна органическая связь с сакральной, мифологической основой, определяющей специфику этнического сознания. В связи с этим анализируется взаимодействие между эстетической, этической и практической функциями в художественной системе повествования.

В адыгском мифологическом представлении растения обладают сверхъестественной силой – как целительной, так и разрушительной. Употребление их эпическом контексте позволяет создать контрастные образы. Среди положительно маркированных, в эпосе особо выделяются дуб, орешник и самшит. Символическими оказываются также определенные части самого дерева, и предметы из этого материала. К числу негативно интерпретированных устойчиво относятся колочие или камышовые заросли и кустарники разных пород. Такое деление символической семантики растений приводит к соотношению почитаемых и непочитаемых деревьев с положительными и отрицательными фольклорными образами, тем самым образуется оппозиция по типу соответствие – несоответствие образов с общепринятыми нравственными нормами.

Исследование художественных средств и приемов в соотнесении с их мифопоэтической основой и системой этических норм и установок, существовавшей в традиционном адыгском обществе, является актуальным для комплексного изучения фольклора. В этом заключается новизна данного исследования. Анализ осуществляется методом структурного сопоставления материалов нарских сказаний и стадийно следующего за ним историко-героического эпоса.

Проведенным анализом выявляется взаимодействие природного растительного начала с нравственно-философскими духовными императивами. Таким образом, растительный и связанный с ним предметный мир в системе художественных образов оказывается одним из способов выражения коллективного сознания этноса.

Ключевые слова: мифологические представления, народный эпос, художественная система, символ, знаки, растения

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Изображение растительного мира в эпосе адыгов // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 127–139. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-127-139

Original article

DEPICTION OF FLORA IN THE CIRCASSIAN EPIC

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of

the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2022

Abstract. The article examines the evolution of the nature of the symbolism of the plant and related object world in their interaction with archaic elements of the narrative in the historical and heroic epic. It is revealed that in historical songs, plant symbols are characterized by an organic connection with a sacred, mythological basis that determines the specifics of ethnic consciousness. In this regard, the interaction between aesthetic, ethical and practical functions in the artistic system of narration is analyzed.

In the Adyghe mythological representation, plants have supernatural power – both healing and destructive. Using them in an epic context allows you to create contrasting images. Among the positively labeled, oak, hazel and boxwood stand out in the epic. Certain parts of the tree itself and objects made of this material also turn out to be symbolic. Thorny or reed thickets and shrubs of various breeds are among the negatively interpreted ones. Such a division of symbolic semantics of plants leads to the correlation of revered and unrepresented trees with positive and negative folklore images, thereby forming an opposition of the type of conformity – inconsistency of images with generally accepted moral norms.

The study of artistic means and techniques in relation to their mythopoetic basis and the system of ethical norms and attitudes that existed in the traditional Adyghe society is relevant for the comprehensive study of folklore. This is the novelty of this study. The analysis is carried out by the method of structural comparison of the materials of the Nart legends and the historical-heroic epic that follows it in stages.

The analysis reveals the interaction of the natural plant origin with moral and philosophical spiritual imperatives. Thus, the plant and related object world in the system of artistic images turns out to be one of the ways of expressing the collective consciousness of an ethnic group.

Keywords: mythological representations, folk epic, artistic system, symbol, signs, plants

For citation: Khagozheeva L.S. Depiction of flora in the Circassian epic. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2022; 3 (54): 127–139. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-127-139

Как известно, знаковость играет важную роль для создания художественного восприятия образа. В этом плане представляют интерес используемые в эпическом тексте приемы раскрытия внутренней сущности и внешних проявлений характера героев и их связь с предметным и растительным миром. Исходя из этого, представляется актуальным изучение растительных мотивов и предметных обозначений, имеющих с ними связь в историко-героическом эпосе. В поэтическом тексте они выражены особенно ярко, в связи с чем, материалом для рассмотрения избраны историко-героические. Прежде всего, стоит говорить о том, что предстоящий анализ был бы невозможным без теоретических и практических знаний о художественном восприятии предметного мира. Ценные наблюдения по данному поводу на материале адыгского фольклора были изложены в одной из работ А.М. Гутова [Гутов 2000: 90–113]. Подобные концепты стали основой в изучении эстетического аспекта для многих адыгских фольклористов. Наша цель продолжить разработку идеи в русле выбранной темы.

Растительный мир привлекал внимание человека с древних времен. Широко известны представления, связанные с сакральными свойствами, приписываемыми тем или иным растениям. Неоднократно было отмечено исследователями, что на основе этого у адыгов сформировалось некое деление деревьев на благодетельные и злокозненные. Эти представления порождают различного рода правила, касающиеся запретов или, наоборот, обязательств, иногда сопровождающиеся ритуалами и обрядами. Несомненно, это создает свою картину в мифологическом восприятии народа, что и было не однажды отмечено в этнографических изысканиях на материалах разных народов мира. Литература, в которой затрагивается

данная тема, весьма многообразна и широко известна. Во избежание повторений, обратим свое внимание на художественную сторону рассматриваемого объекта. В песнях и сказаниях историко-героического цикла растение представлено как явление, имеющее не только практическое значение, но и духовное. Его образ воспринимается мифологически-художественно. Таким образом, система сакральных понятий, вложенная в растение, находит выражение в мифологических нарративах адыгов. Так, многочисленны нарративы о культурных деяниях, связанных с одомашниванием различных растений. С покровителем растительности Тхагаледжем связывают появление злаковых культур и начало их употребления в пищу [Нарты I 2012: 61, 62]. Почтительное отношение к злаковым проявляется также в их художественном упоминании в устных произведениях для возвышения художественного образа. Заметив богатырские достоинства нарта Сосруко, Тлепш дает совет матери кормить его лепешками из молотого пшена и лошадиного молока [Нарты I 2012: 189–191, 191–192]. Впечатление о силе противника дает сравнение ячменя и козьего пуха с тем, как Тотреш с легкостью носил Сосруко в воздухе:

*И дзжэщ!ми кьыридзэри,
Бжыпэм ф!элъуи дыридзейи,
Бжэныцрэ хьэцыпэу зэрихьэщ... –
Между ребер поддел и
Подбросил вверх на кончике копья,
Словно пух козий и ость ячменную...*

[Нарты I 2012: 216, 221].

Как мы понимаем, намеренное преувеличение мощи противника, есть прием иносказательного преподнесения качеств самого героя, который удостоился такого противника.

Возвращаясь к окультуриванию растений, напомним, что возникновение духового музыкального инструмента бжамий относят к открытию необычайных свойств растения борщевика (*батыргъэн*) неизвестным пастухом. Полный вариант сюжета описан в книге З.П. Кардангушева [Избранные труды 2009: 585]. Первооткрытие пользы воды как источника жизни связано с окультуриванием полевого цветка лабазника Сатаней-гуашей [Нарты I 2012: 159, 160]. Реинкарнацию Сатаней народное сознание видит в образе цветка, получившего название по имени самой героини – «*Сэтэней кьэзъагъ*» (лабазник) [Нарты I 2012: 165–168, 168–172]. В образ Сатаней-гуаши также вплетены народные представления о волшебных, целительных свойствах растений. Она прославленная творительница зелий. Сам Сосруко неоднократно прибегал к таким способностям матери в своих конфликтах с врагами. Воскрешение Сосруко тоже, хотя и косвенно, указывает на мотив целебных сил растений. Когда Сатаней собрала части тела умершего Сосруко и не смогла сыскать на всем свете воды, она собрала в ладони росу с цветов и трав и обмыла ею тело сына. Несомненно, это художественное раскрытие сакральной природы растительности. Тем не менее, в данном сюжете акцентная роль отводится слезам Сатаней, которыми она протерла глаза Сосруко, и он открыл их. Вместе с тем, это переселение души матери в тело сына в поцелуе [Нарты I 2012: 163–164]. Понимая, что более удачным обоснованием здесь может быть эпизод о том, как Сосруко оживил свою возлюбленную с помощью зеленого листка, приведем его в качестве примера. На волшебные свойства листка указали две змеи, которые начали бороться, пока одна из них не умерла. Затем змея, оставшаяся в живых, потеряла мертвую каким-то листком, после чего та ожила. Так Сосруко узнал о волшебных свойствах этого растения, взял этот зеленый листок, и стал тереть им мертвую Жан, и она ожила [Нарты I 2012: 323]. Народное представление о магически-целебных свойствах растений заложено также в образ жены Плягуц-Жачи, которая одним касанием волшебных трав заживляла раны мужа. Таким же

способом она помогла и юному Ашамезу. Когда женщина стала его союзницей против Тлягуц-Жаче, та дала юноше травы. Он растерся ими и тут же излечился [Нарты II 2017: 410–417, 417–422]. В других вариантах этого сказания волшебным исцеляющим свойством обладают оселок или дыхание [напр., Нарты II 2017: 446–448, 448–450]. Нередко физические и сакральные свойства трав используются для выделения образа богатыря. Часто идеализация героя происходит посредством гиперболического возвышения достоинств его самого, а также коня или воинских аксессуаров. Так, необычайно калорийные свойства травы *катли-гутли* (донника), что Сатаней сделала кормом для Тхожея, подготавливая его к бою с Тотрешем, стали иносказательным указанием на высокие физические способности коня Сосруко, и, соответственно, его обладателя [Нарты I 2012: 240–244, 244–248]. Почтительное отношение к этому растению рассматривается также в приветственной речи пастуха, обращенной к Бадиноко: *Къылъы-гульэ пкъанэри, о-орэда, Уишым жъэхэтлъхъаныба, о-орэда...* – Катли-гутли отборную, о-орада, Перед твоим конем положим, о-орада... [Нарты III 2020: 126, 133]. Явный контраст дает образ боярышника, который по представлениям адыгов не обладает выраженными достоинствами, хотя палочка из боярышника – обязательный атрибут детской колыбели. Таким образом, низкие физические свойства растения в художественном повествовании придают высказыванию негативную оценку. В пшинатле о Батразе в качестве платы за кровь отца герой ставит нереальные условия. В их число входит то, что нартты должны изготовить цельную дверь из ствола боярышника, имея в виду то, что это невозможно, ибо это растение кустарниковое [Нарты II 2017: 136–140, 140–143]. Отрицательное отношение к облепихе выражено в ироничном высказывании Бадиноко о том, что, повстречав одну ограду в виде кустов облепихи, его конь не оступится [Нарты III 2020: 143–145, 145–147].

Если учитывать, что одну из ключевых ролей в системе верований адыгов занимает культ дерева, весьма логично, что данный образ занимает важное место в мифологических и фольклорных традициях этноса.

В мифологических воззрениях адыгов выделяется образ дерева с золотыми плодами яблони и образ Богини-Дерева или Мирового дерева, который является образным воплощением Космоса, а также устойчивой структурой по вертикали и горизонтали. Кроме того, по утверждению З.Ж. Кудаевой, дерево может выступать в роли Центра, Оси и Космического Древа. Громадный бук в сказании об Ашамезе располагается в самом центре земли на вершине горы. Внутри этого дерева имеется спуск вниз в подземный мир [Кудаева 2012: 102–107]. В вариантах сказаний о Черноволосой Красавице это огромный дуб, расположенный на самом высоком месте всего света, внутри которого тоже есть спуск в иной мир, где собственно орел-похититель держит свою пленницу [Нарты I 2012: 208–210, 210–213]. Это довольно устойчивая форма сакрализации самого дерева и указание на необычную природу героини. В другом варианте чтобы добиться Черноволосой Красавицы, Шауей должен был победить стража избранницы, грозного орла, гнездо, которого расположено на вершине дерева, растущего на самой высокой горе, окованной льдом [Нарты III 2020: 481–484, 484–487]. Свообразным центром выступает также огромное ореховое дерево отца Ашамаза, которое, по справедливому замечанию исследователя, является «сакральной точкой, обладание которой, – знак избранности и наибольшей близости к божеству, символ власти над Космосом» [Кудаева 2012: 105]. Именно мотив обладания Центром мира побудил в Тлягуце-Жаче желание завладеть деревом, убив его обладателя [Кудаева 2012: 105]. Как говорится в одном сказании, Тлепш отправляется в путешествие по свету на поиски новых знаний для нартского рода. Повстречав волшебную Жигуашу, он влюбляется в нее, и у них появляется мальчик. Мать вложила в него свои знания и отдала Тлепшу, чтобы ребенок приносил благо нарттам, но те не

уберегли его и он потерялся [Нарты I 2012: 117–119, 119–121]. Как верно отметила З.Ж. Кудева, образ Жиг-гуаши воплощает образ Древа Познания. Волосы дерева, поднимающиеся в небо – олицетворяют высшие божественные знания, а ее ствол и нижняя часть, глубоко уходящая в землю – ее знания о земном и подземном мире [Кудева 1986]. Мотив жизни, заложенный в растительный мир, рассматривается в образе Золотого дерева нартов. Плоды золотой яблони обладали волшебными свойствами. Белый бок яблока приносил девочку, а красный мальчика. Кроме того, одно яблоко, растущее на самой верхушке, дарило вечную молодость [Нарты II 2017]. На идею плодородия и представления о происхождении человека от растения, заложенные в символику растительности, указала З.Ж. Кудева. Итоговым выводом такого исследования стало утверждение о том, что символика растения служит сюжетобразующей основой в разностадиальных жанрах фольклора [Кудева 2017: 172–176].

В архаическом эпосе деревья благородной породы могут выступать как символы силы и мощи. К таким сакрально значимым и высоко почитаемым в адыгской среде считались дуб, орешник и самшит. Так, благодаря особой прочности дуба, его образ становится олицетворением стоицизма самого адыгского военизированного общества, которое как было справедливо отмечено К.Н. Паранук, вынуждено было защищать свои земли, и воспитало в себе невероятную способность к стойкости [Паранук 2012: 226]. Это нашло свое художественное отражение в фольклоре народа. Так, например, нарт Шауей при рождении сразу упал на горящие угли дуба и стал играть с ними и есть их [Нарты III 2020: 461]. Как мы понимаем, это художественный акцент на исключительность будущего богатыря. Это указание на невероятную стойкость характера героя. В одном из сказаний о Бадинок говорится, что люльку богатыря сделали из огромного дуба, который смогли притащить только на восьми волах [Нарты III 2020: 45, 50]. Несомненно, это прием, подтверждающий его могущественную природу. Иногда такую ассоциацию дает использование символа ореха в описании образа героя. Нарт Батраз, которому молоко матери заменил сок ореха и питался угольками горящего дуба, идеализируется подобным способом [Нарты II 2017: 164, 167]. К тому же: «Самшита самое чистое – его люльки ребра» [Нарты II 2017: 136–140]. Такая необычная природа малыша указывает на его исключительность.

Таким образом, материалы по мифологии и эпосу, которыми мы располагаем, позволяют вскрыть характер и функционирование символов растительного мира на разных этапах становления фольклора. Как видим, символ растительности содержит в себе разноплановые идеи, они реализуются в художественно-иносказательном повествовании. На основе анализа материалов архаического пласта адыгского фольклора прослеживаются элементы мифопоэтических воззрений адыгов, связанных с растительным миром. Теперь для создания полной картины логично перейти к отражению трансформации символа растений в более позднем этапе эпоса.

Растительный мир исторических песен тоже весьма своеобразен. Стоит сказать, что художественное использование символики злаковых растений и трав здесь значительно ослабевает и тяготеет к максимальному употреблению символов дерева. Наиболее развиты в данном аспекте, как в нартском эпосе, символика дуба, орешника и самшита, которые следует рассматривать как один из признаков проявления преемственности народного восприятия мира. В описании могучих воинов позднего эпоса они закрепились как символы, имеющие ассоциацию с благородством, могуществом и силой. Такую смысловую нагрузку в исторической песне передают качественные характеристики дуба:

Пхъэмыфу си хъэзыр тлуацІэр... –

Из дуба пробкового мои двойные газыри...

[АПВКВ 2014: 465, 466].

Кроме того, что это растение в историко-героическом эпосе становится олицетворением силы и мощи, в то же время они могут передать символ смерти, несчастья и эмоциональных переживаний. А характер иносказания символа способствует его смысловой отнесенности к одному из лагерей в оппозиции «свой-чужой». Так, символ трагедии сынов адыгского народа, погибающих в войне, выражен в картине умирающих дубов:

Застучали топоры в чаще, –
На тропу упали стволы дубов...

[АПВКВ, 2014: 170].

Символическое сравнение адыгского воина с образом дуба происходит и в другой песне:

У дубовых столбов, у привязи конской,
Вошла – о горе! – крапива.

[АПВКВ 2014: 161].

В мифологических воззрениях и литературе многих народов крапива соотносится с символом бед и несчастий. Крапива, у конской привязи – предвестник смерти, а указание на атрибут и породу дерева этих столбов – обозначение воинов-наездников.

Подобные символические значения может передать и образ грецкого ореха. По представлениям западных адыгов, дерево орешника обладает магической охранительной силой, и это дерево причисляют к почитаемым благотворным растениям. Однако, как справедливо заметил А.С. Куек, в отличие от шапсугов, в мифологических концепциях других субэтносов, это растение имело и связь с потусторонним миром зла [Куек 2013: 164]. Но, несмотря на такую амбивалентную характеристику дерева, в песнях героического эпоса, он представляет положительную сторону образа. Тем не менее, в зависимости от контекста, он может нести и знак смерти. Так, уничтожение этого дерева в адыгском эпосе интерпретирует приближение трагедии:

*Дейр лъэбыху дахэт,
Уи джыдэр къоцтэри ибонцІэтыхь... –*

А орешники светлоногие красивые,
Свой топор, взяв, ты вырубашь...

[АПВКВ 2014: 511, 512].

Особое отношение к ореху, дубу и самшиту отражается также в описании атрибутов фольклорных героев, что становится средством идеализации его обладателя. Таким образом, предмет из сакрально значимого дерева в тексте песни выступает как художественное средство для возвышения образа. Так, акцентом светлой природы воина Джирандуко явилось надгробное сооружение из орешника, который в символическом сочетании с белым цветом образует знак величия погибшего героя:

*(Уэр) дэиху лэгъунэри (тІэ) ди унэм пыдоцІэ,
Жыггей лэгъунэ быдэри джабэм итцІэжац (тІэ). –*

(Уар) из светлого орешника лагуну (та) к нашему дому пристраиваем,
Из дуба лагуну крепкую на склоне навеки тебе построили (та)

[НПИНА III-2 1990: 447].

Следующей художественной формой идеализации героя в историко-героической песне выступает дубовое, ореховое и самшитовое окно или башмаки. Самшит традиционно почитается как доброе дерево. Адыги его относили к особо почитаемым деревьям. В народе бытовало мнение, что он имеет способность защищать от нечистой силы [Ляушева 2002: 145]. Таким образом, считалось, что предметы домашнего обихода из самшита имеют магические, благотворные свойства. В силу этого, иносказательное использование положительных характеристик самшита в фольклоре имеет исключительно только положительную характеристику. В исторической песне окно из такой благородной породы дерева отмечается знаковым атрибутом положительного героя, отражающим его высокую природу. Кроме того, это сакральная граница, за которой наблюдаются масштабы неминуемых несчастий и происходят бурные военные действия:

*(Уэ) чэщей цхьэгъубжэри зэлузохри (еу-уей)
Уо-уо, ра-уой! (уой, уэ маржэ), Уоу-уэрира, уоу-рирари!
Мэргэныжьым и жылэмэ (уэ) сыдоплъэри – Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) Мэргжан и жылэми (уэ) тхьэр дыбги (еу-уей)... –*

*(Уа) самшитовое окно я раскрываю (еу-уей)
Уо-уо, ра-уой! (уой, уа маржа), Уоу-уарира, уоу-рирари!
На Маржанова старого аул (уа) я гляжу – Уарайра, уареда!
(Уа) Мэргжанова аул (уа) бог да проклянет (еу-уей)...*

[НПИНА III-2 1990: 76, 80].

Подобным образом выражается негодование по поводу гибели соратников и упрек виновникам трагедии. Как второй вариант этой формулы дубовое окно носит такую же художественную форму [НПИНА III-2 1990: 128, 131].

Говоря о художественной функции самшитовых башмаков, следует отметить, что в исторических песнях-плачах она закрепились как символ траура. На это впервые было указано коллективом составителей книги «Адыгские песни времен Кавказской войны» [АПВКВ 2014]:

*Чэщейуэрэ си бэцмакьитлмэ
цхьэклуэхкIэрэ срагэпсых. –*

*С самшитовых моих башмаков
горя вестник меня сойти заставил*

[НПИНА III-2 1990: 57, 61].

В этой же песне рассматривается другая форма данной формулы:

*Деихуурэ си бэцмакьитлмэ
цхьэклуэхкIэрэ срагэпсых. –*

*С ореховых белых башмаков
горя вестник сойти меня заставил*

[НПИНА III-2 1990: 57, 62].

Следовательно, башмаки из сакрально значимого дерева или материала высокого качества – знак возвышенного статуса княгинь, которые носили такую обувь. Показательный отказ от них – ритуально-символическое оповещение о трауре. Соответственно, башмаки из неблагородного материала указывают на негативную характеристику образа и позицию противника: «(Уо-уой) из древесного лыка чьи сапоги большие» [НПИНА III-2 1990: 130, 133] – поется в песне про нагайцев, устроивших засаду против Хасанша Шаджамоко, который попытался в одиночку отобрать у свадебной процессии свою возлюбленную.

Таким образом, в эпосе адыгов сакрализируются и символизируются не только сами деревья, но и предметы, которые сделаны из них. Так, в песне, сложенной об убитом в нечестной борьбе богатыре Созариха, образ горануг (специальное деревянное ограждение для борьбы силачей) объективируется как художественный элемент. В сочетании с числовой символикой он ассоциирует могущество выходящих на сражение пелуанов и становится предвестником трагического исхода предстоящей непростой борьбы:

*(Уэр) пхъэшыкьуурэ (уа-а) пхъэщакьуи
Ай! (уей-рай, сэрмахуэ) А! (уэр) гуаццэви!ри иреишэ... –*

(Уар) в деревянную ограду (уа-а) в три пояса
Ай! (уей-рай, сармахо) А! (уар) обоих могучих волов [Хатакшоко] заводит...
[НПИНА III-2 1990: 356, 358].

В этой же песне наблюдается символическое использование образа копья, который изготавливался из дерева. Близок к нему по значению и образ посоха, тоже из дерева. В тексте героического эпоса это весьма употребительные художественные элементы. В связи с тем, что копье – неотъемлемый атрибут адыгского воина, он служит объектом преломления в описании образа героя. В нартском эпосе это, чаще всего копье из эпически прочной породы дерева *мыкут* [Нарты I 2012: 216, 221]. В героической песне характеристика воинских способностей и качество его сражений особо ярко отражает описание его копья:

*(Уэр) и вагьуэр и бжырыбжыщхэ,
Ай! (уей-рай, сэрмахуэ) А! (уэ) лыхьуцхьэри кьытхуэзыкьутэ... –*

(Уар) его звезда – копья его на вершине,
Ай! (уей-рай, сармахо) А! (уа) мужьям отважным головы он сносит ...
[НПИНА III-2 1990: 355, 357].

Примечательно, что сознательное возвышение достоинства противника реализуется в тексте художественное возвышение самого героя.

Следующим, наиболее выраженным элементом, проявляющим символику растений в историко-героическом эпосе, является дверь, дверной проем или дверной косяк. К их числу можно отнести и деревянную ограду. Художественная функция этих образов, как и предыдущие символы, состоит в обозначении его обладателя. В исторической песне они, чаще всего, становятся знаковым оповещением о смерти хозяина дома или всего рода. Как отметил А.М. Гутов, возможно это благодаря тому, что «...гибель героя, если это был единственный мужчина в семье или в роду, передается указанием на разрушение дома или двора». А дверь дома, являясь одним из объектов культа у адыгов, ассоциировалась с самой семьей или всем родом [Гутов 2000: 150–151]. Так, строки песни: Двери в лагуны двух невесток-молодух прикрой! (*КъаццэгъэкIитIумэ ялэгъунэпчъэр фэишъжъ!*) [АПВКВ 2014: 136, 138] – указание на гибель двух мужчин-братьев, которые туда входили. Такую же смысловую нагрузку получили строки другой песни: (Уар) на Азепшевых из золотой (уо-уа) косяк свалился – это... ((Уар) Азэцхэ я дыццэ (уо-уа) бжаблэри кьатиццIэц...) [НПИНА III-1 1986: 194, 198]. Здесь имеется в виду, что погиб глава семьи. В нартском эпосе данный прием еще может стать своего рода шантажом-угрозой для противника. Ярость Бадиноко и возможная угроза для нартов выражает тот эпизод, как он вырывает и выбрасывает дверной косяк и выбивает дверь [Нарты III 2020: 113, 116].

В песнях историко-героического эпоса символическими оказываются определенные части самого дерева. Так, сакрализируются его стволы и верхушка.

В «Песне хаджиретов» указанием на разгар борьбы и его трагические последствия предстает символ изуродованного дерева, а именно, их верхушки и стволы:

Шыбэ кІэхум пхъацхьэр пауд... –
Стрелы белохвостые верхушки деревьев вносят...
[АПВКВ 2014: 465, 467].

Такое же символическое значение имеет образ дерева, стволы которого сгибаются в жестоком бою:

Аржэн и шытхым сриплэм,
Жыг лыдинэ гуцэр цагъэш... –
На хребет Аржина когда смотрю,
Деревьев стволы, гуша, сгибают...
[АПВКВ 2014: 500, 502].

Таким образом, символ погибающего дерева несет негативную ассоциацию пагубного исхода войны и выступает знаковым обозначением самой смерти. В связи с этим, в художественном выражении символ изрубленного полена передает картину трагических событий:

ЗынэкІушьхьэ гуцэхэри пхъэцІэкІэ кьутакІэр... –
Лицо <кого>, гуша, изрубленному полону подобно...
[АПВКВ 2014: 366, 370].

ЫІэпшъэ-лъапшъэ гуцэхэр пхъэцэкьутакІ... –
Чьи руки-ноги, гуша, изрубленным поленьям подобны...
[АПВКВ 2014: 362, 363].

В обоих вариантах имеется в виду то, что славный воин был изуродован, как изрубленная гладкая поверхность полена.

Исходя из этого, образ здорового, красивого дерева в эпосе адыгов справедливо воспринимается сознанием как положительный аспект, а ее испорченность и гибель, или ее полное отсутствие, как негативный. Примечательно, что даже качественная характеристика растения определяет природу эмоциональной оценки:

Мылыфэ пІэжъым дыкьинэц. –
В постели из прошлогодней сухой травы мы остались
[АПВКВ 2014: 506, 507].

Вместе с тем, здоровая растительность в другом аспекте раскрывает противоположное контекстное впечатление. Антитегическое построение стиха может стать способом создания отрицательного эмоционального эффекта. Так, трава, засыпанная снегом, обрела негативный смысл и передала душевные переживания девушки, которую война оставила без жениха:

Конь-хуаре – мои ходули

В засыпанной снегом траве потеряла [АПВКВ 2014: 157]. Данное символическое содержание образа по указанию составителей книги – метафора «безмужней, вдовы». Имеется в виду то, что конь-хуара, на которой ее привезли бы на свадьбу, стал ненужным [АПВКВ 2014: 157].

В таком аспекте прекрасная растительность – указание на смерть героя и одновременно – на его достоинства. В данном случае нужно учитывать смысловую направленность описываемого объекта:

*Алий уи хьэдэри кьуцхьэхъу удзындзэмэ,
Уо! (уей) Алий, кьыхолыдыкИи... –*

Али, твое тело на горном лугу в траве зеленой,
Уо! (уей) Али, белеет...

[НПИНА III-2 1990: 157].

В то же время, отсутствие растительности, описание пустынного места воспринимается сознанием как негативное, и принимается предвестником беды:

*Зихьадэ гуцэхэр ижъыгурынэхэр, –
Къэсэймэ я-Мыхьамэт. –*

Тело <кого>, гуща, в пустыне осталось, –
<Это> Касаевых Махамат

[АПВКВ 2014: 388, 389].

Глубину переживаний постигнувшего несчастья может интерпретировать образ голой земли:

*ПцІантІэм дыцраубыдэ мыгьуэ<м>
Шахьшыныр езгьэтхьуницІац. –*

Когда нас застали незащищенными,
Землю голую я стала разрывать

[АПВКВ 2014: 471].

В силу того, что все деревья в представлении народа делились на добрые и злые, ряд деревьев мягкой породы и неплодоносящие, как известно, считались бесполезными и вредными, а цветущие и плодоносящие деревья крепкой породы, приносящими пользу. К числу почитаемых растений, помимо выше названных, в эпосе адыгов отразились яблоня и ее плод, просо, чинара, тис, сосна и т.д. Из числа менее известных, облепиха, алар, алыча, ольха, шалфей, виноградная лоза и др. Следовательно, символическое наполнение данных растений в образах историко-героического эпоса носят положительную интерпретацию и отождествляют все добродетели нравственного составляющего личности. Так, например, внешнюю и внутреннюю красоту может раскрыть образ ольхи [НПИНА III-2 1990: 399, 400], высокие моральные качества героя выражает табулуг [НПИНА III-2 1990: 33, 35] или алар [НПИНА III-2 1990: 57, 61]. А в песне о Джатагеже Егурби это дом из благородного тисового дерева [НПИНА III-2 1990: 124, 125], в песне же о сыновьях Куденета это образ алычовой сошки князя [НПИНА III-2 1990: 290, 295]. Кроме того, это сравнение атрибута, в данном случае, газырей мужественного воина с виноградной лозой [АПВКВ 2014: 457, 459] или же это газыри из дуба [АПВКВ 2014: 465, 466].

Из числа растений, выражающих негативный аспект в эпосе адыгов, выделяются колючие заросли, заросли камыша и кустарники разных пород, крапива, реже листья лопуха и другие. В связи с этим, они отождествляют большие бедствия, тревогу и грусть. Поэтому образ колючих зарослей и кустарников образуют своеобразную границу, внушающую опасность и страх [НПИНА III-2 1990: 130, 131]. Это растение передает такое же негативное впечатление и в нартском эпосе. Некий страх выражается в картине описания образа убийцы: *Албэч и кьуэр хуэпджьэ нэІуц...* – Альбеков сын, чье лицо подобно колючим зарослям... [Нарты II 2020: 132]. Тревогу создает и образ колышущихся на ветру камышовых зарослей [НПИНА III-2 1990: 123, 124]. В нартском эпосе камышовые заросли

это еще и признак иномирного пространства. Это своего рода граница-переход в другой мир. Таким образом, дом среди камышей должен указать на иномирное происхождение его хозяина. Чаще всего, это место обитания злых хтонических сил, но встречается и такое, что это место заточения прекрасной девушки. Так жила красавица Данаф-гуаша, ставшая женой для Шауея после испытания его на храбрость отцом девушки. Камышовая заросль, через которую прошел Шауей свой путь к будущей избраннице, – явное указание на иномирное пространство [Нарты III 2020: 500–505, 505–509]. Непременно логично, что в историко-героическом эпосе это еще и место укрытия для трусов [АПВКВ 2014: 444, 445]. В некоторых песнях это – лес [АПВКВ 2014: 461, 463 и 485], который в своем втором символическом значении напротив – пространство иного мира, откуда выходит герой [АПВКВ 2014: 357] или куда он заходит после смерти [АПВКВ 2014: 368: НПИНА III-2 1990: 274]. Противоположный двойной смысл этого явления возможен в силу магических способностей данного образа.

Итак, исходным выводом в данной работе становятся следующие положения:

1. Изучение эволюции растительного и связанного с ним предметного мира в историко-героическом эпосе адыгов показало его сакральную природу и мифологические корни. Это дает возможность проследить принцип заимствования архаических растительных мотивов в историческом эпосе.

2. Определение функции и формы художественного преломления мира растений и предметов, способствовало выявлению его эстетической значимости. Таким образом, символическое использование растительных мотивов в эпосе становится способом выражения эстетического вкуса этноса, а иногда способствует идентификации эпических образов в оппозиции «свой – чужой», и, соответственно, его положительной или отрицательной позиции.

3. Таким образом, символы растений дают художественную внешнюю и внутреннюю характеристику эпического героя и дифференцируют соответствие или несоответствие образов с общественными нравственными нормами. Чаще всего, это совокупность почитаемых (положительно заряженных) и непочитаемых (несущих отрицательную энергетику) растений.

4. Вместе с тем особенности жанра историко-героического эпоса приводят к необходимости окказионального использования образов, причем знаки могут и меняться. Так, неоднозначными оказываются ореховое дерево, боярышник, некоторые травы, семантическое наполнение которых обусловлено конкретным контекстом.

5. Примечательно, что символическим значением наполняются не только деревья, но и определенные части и предметы из этого материала. Чаще всего это атрибуты воина, обозначающие его обладателя.

Список источников

АПВКВ 2014 – *Адыгские песни времен кавказской войны*. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: «Печатный двор», 2014. 656 с.

Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 218 с.

Кардангушев 2009 – *Кардангушев З.П.* Избранные труды / сост. М.Ф. Бухуров, М.А. Тимижев, А.А. Ципинов. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 756 с.

Кудаева 2017 – *Кудаева З.Ж.* Мотив «двойничества» и символика «растительного кода» в адыгском фольклоре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2017. Вып. 4 (207). С. 172–176.

Кудаева 1986 – *Кудаева З.Ж.* Паремииологические жанры адыгского фольклора. Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва, 1986. 21 с.

Кудаева 2012 – *Кудаева З.Ж.* Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 102–107.

Кук 2013 – *Кук А.С.* Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 2 (121). С. 161–167.

Ляшueva 2002 – *Ляшueva С.А.* Священное в религиозном сознании адыгов // Мир культуры адыгов. Майкоп: Адыгея, 2002. С. 139–146.

Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, Т. 1: 1980. 671 с.; Т. 2: 1982. 719 с.

Нарты 2012 – *Нарты.* Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гугова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 423 с.

Нарты 2017 – *Нарты.* Адыгский эпос. Озырмес. Батраз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гугов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН. Т. 2. 2017. 468 с.

Нарты 2020 – *Нарты.* Адыгский эпос. Бадинок. Шауей / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гугова, [и др.]. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, Т. 3. 2020. 582 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

Паранук 2012 – *Паранук К.Н.* Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе: монография. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд.-во, 2012. 352 с.

Хаберииков 1999 – *Хаберииков Х.А.* Культ дерева в традиционной культуре адыгов: автореферат дис. Кандидата исторических наук: 07.00.07. Нальчик, 1999. 24 с.

References

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Ed. second augmented. Under total. ed. V.Kh. Kazharova. Nalchik: «Printing House», 2014. 656 p.

GUTOV A.M. *Hudozhestvenno-stilevye tradicii adygskogo eposa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyghe epic]. Nal'chik: El-Fa, 2000. 218 p. (In Russian)

KARDANGUSHEV Z.P. *Izbrannye trudy* [Selected works] / compilers M. F. Buhurov, M.A. Timizhev, A.A. Tsipinov. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2009. 756 p. (In Russian)

KUDAEVA Z.Zh. *Motiv "dvoynichstva" i simbolika "rastitel'nogo koda" v adygskom fol'klоре* [The motive of "duality" and the symbolism of the "plant code" in Adyghe folklore] // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and art history. Maykop, 2017. Issue 4 (207). Pp. 172–176.

KUDAEVA Z.Zh. *Paremiologicheskie zhanry adygskogo fol'klора. Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk* [Paremiological genres of the Adyghe folklore. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences]. Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS. Moscow, 1986. 21 p.

KUDAEVA Z.Zh. *Simvolika Tsentra v mifopoeticheskikh vozzreniykh Adygov* [Symbolism of the Center in the mythopoetic views of the Adygs] // Bulletin of the Adygeya State University. Ser. Philology and art history. Maykop, 2012. Issue. 2. Pp. 102–107.

KUEK A.S. *Svyashennoe derevo v myfopoeticheskikh vozzreniyarh Adygov* [The sacred tree in the mythopoetic views of the Adygs] // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and art history. Maykop, 2013. Issue 2 (121). Pp. 161–167.

LYAUSHTVA S.A. *Svyashennoe v religioznom soznanii Adygov* [Sacred in the religious consciousness of the Adygs] // The World of culture of the Adygs. Maykop: Adygea, 2002. Pp. 139–146.

Mify narodov mira. Enciklopediya: v dvuh tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in two volumes]. Ch. ed. S.A. Tokarev. – Moscow: Sov. encyclopedia, T. 1: 1980. 671 p.; T. 2: 1982. 719 p.

Narty. Adygskiy epос. T. 1. Ranniye tsikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. Vol. 1. Early cycles of the epic. Sosruko] / edited by A.M. Gutov. Nalchik: LLC «Tetragraf», 2012. 424 p. (In Adyghe and in Russian).

Narty. Adygskij epos. Ozyrmes. Batraz. Ashamez [Narts. Adyg epic. Ozyrmes. Batraz. Ashamez]. Ch. ed. A.M. Gutov. Nalchik: IGI KBSC RAS, Vol. 2. 2017. 468 p.

Narty. Adygskij epos. Badinoko. SHauej [Narts. Adyg epic. Badinooko. Shauey]. Comp., Transl., Comment. M.F. Bukhurova, A.M. Gutova, [and others]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the Institute of Geology and Geology KBSC RAS, T. 3. 2020. 582 p.

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian)

PARANUK K.N. *Mifopoetika i khudozhestvennyy obraz mira v sovremennom adygscom rovine: monografiya* [Mythopoeitics and the artistic image of the world in the modern Adyghe novel: monograph]. Maykop: Adyg. rep. publishing house, 2012. 352 p.

HABERIKOV H.A. *Kul't dereva v traditsionnoy kul'ture Adygov* [The cult of the tree in the traditional culture of the Adygs: abstract of the dissertation]. Candidate of Historical Sciences: 07.00.07. Nalchik, 24.

Информация об авторе

Л.С. Хагожеева – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Junior Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-140-145

ЧЕРТЫ К ПОРТРЕТУ «РЫЦАРЯ ЛИТЕРАТУРЫ» Х.И. ТЕУНОВА

Андрей Ханаишхович Хакуашев, **Мадина Андреевна Хакуашева**

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000.0002-6649>

© А.Х. Хакуашев, М.А. Хакуашева, 2022

Аннотация. В статье рассматривается ряд важных аспектов жизни и творчества кабардинского писателя Хачима Теунова, которым ранее не уделялось достойного внимания. Сведения основываются на вновь обнаруженных архивных материалах. По большей части они касаются актуальных проблем кабардинской литературы 30-х годов. Отдельно освещается ситуация с самым ранним жанром национальной литературы – очерком. Важным аспектом творчества Хачима Теунова становится журналистика. В статье дан анализ произведений Х. Теунова, который создал целую галерею неповторимых художественных образов из дореволюционной жизни горцев с их тревогами, тяготами и наивными мечтами. В частности, отмечается значение первого прозаического произведения писателя повести «Аслан», которое принесло автору широкую известность; вершиной художественного творчества Х. Теунова становится роман «Род Шогемоковых», ставшее этапным явлением в национальной прозе. Глубокая эрудиция и трудолюбие позволили Теунову в послевоенные годы подготовить к печати и издать актуальную книгу «Литература и писатели Кабарды», фактически первый аналитический труд по истории кабардинской литературы. Значительным событием национальной культуры явились первые документальные фильмы «Советская Кабарда» (1951, Ленфильм), «Наша Кабардино-Балкария» (1957, Мосфильм), которые были сняты по сценариям Хачима Теунова. Сразу же после Великой Отечественной войны Хачим Теунов повел серьезную борьбу за реабилитацию классика кабардинской литературы Али Шогенцукова, объявленного врагом народа.

Ключевые слова: кабардинская литература, жанр очерка, национальная проза, повесть, публицистика, журналистика, романский нарратив, традиционная культура

Для цитирования: Хакуашев А.Х., Хакуашева М.А. Черты к портрету «рыцаря литературы» Х.И. Теунова // Вестник КБИГИ. 2022. № 3 (54). С. 140–145. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-140-145

Original article

FEATURES FOR THE PORTRAIT OF THE «KNIGHT OF LITERATURE» H.I. TEUNOV

Andrey Kh. Hakuashev, **Madina A. Hakuasheva**

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000.0002-6649>

© A.Kh. Hakuashev, M.A. Hakuasheva, 2022

Annotation. The article presents an overview of some important aspects of the life and work of Kabardian writer Khachim Teunov. The information given in the article is

based on new archival data. In particular, the authors deal with the actual problems of Kabardian literature of the 30s. The situation with the earliest genre of national literature – an essay – is highlighted separately. Journalism is becoming an important aspect of Khachim Teunov's work. The article reflects the analysis of the works of H. Teunov, who created a whole gallery of unique artistic images with his worries, hardships and naive dreams of the pre-revolutionary life of the highlanders. In particular, the evaluation of the first prose work of the writer is mentioned – the story «Aslan», which brought the author a writer's name and fame; the pinnacle of artistic creativity of H. Teunov's novel «The Shogemokov Family» becomes an outstanding work, a new phenomenon in national prose. Deep erudition allowed Teunov in the post-war years to prepare for publication and publish an up-to-date book «Literature and writers of Kabarda». A significant event of national culture were the first documentaries «Soviet Kabarda» (1951, Lenfilm), «Our Kabardino-Balkaria» (1957, Mosfilm), which were filmed according to the scripts of Khachim Teunov. Immediately after the Patriotic War, Khachim Teunov led a serious struggle for the rehabilitation of the Kabardian literature classic Ali Shogentsukov, who was declared an enemy of the people.

Keywords: Kabardian literature, genre of essay, national prose, novel, journalism, journalism, novel narrative, traditional culture

For citation: Hakuashev A.H., Hakuasheva M.A. Features for the portrait of the «Knight of Literature» H.I. Teunov. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 3 (54): 140–145. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-3-54-140-145

В 2021 году вышла книга «Тайны рыцаря литературы», посвященная жизни и творчеству кабардинского писателя, литературоведа, публициста, общественного деятеля, Председателя Союза писателей Х.И. Теунова. Информация, отраженная в данной статье, основывается на некоторых данных, почерпнутых из обширного материала нового архива Х. Теунова, обнаруженного в этнографическом музее КБР профессором А.Х. Хакуашевым.

В начале тридцатых годов, когда национальная художественная литература начала делать первые и робкие шаги, на страницах популярного в те годы на Северном Кавказе журнала «Революция и горец» (Ростов-на-Дону) появилась интересная статья под названием «Больше внимания кабардинской литературе». С тех пор она нигде не перепечатывалась, известна лишь узкому кругу специалистов: «Несмотря на «колоссальные достижения нашей области ... в деле хозяйственного строительства... к великому нашему сожалению и стыду до сих пор нет на кабардинском языке ни одного художественного произведения...»

Отсутствие художественной литературы ни в коем случае нельзя объяснить отсутствием у нас писателей или поэтов-кабардинцев. Они у нас есть, но свои труды не издавали в силу отсутствия спроса на художественные произведения на кабардинском языке, в силу недооценки роли художественных произведений национальными издательствами.

Кабардинская литература находится сейчас в положении ребенка, требующего за собой ухода. Ей надо помочь формироваться и организоваться, определить свой путь, найти свое лицо.

Все это может сделать не один любитель литературы и даже не один писатель, а совместные организованные усилия всей пишущей братии, сознающей, что литература – часть большого обще-пролетарского дела...» [Теунов 2021: 26–27]. Автором этой статьи, которого так глубоко волновали вопросы становления родной литературы и во многом предвосхитившим крайнюю необходимость создания писательской организации, союза писателей, был девятнадцатилетний студент Московского литературного рабфака Хачим Теунов. Один из первых кабардинских прозаиков, он более пятидесяти лет служил национальной литературе, внес значительный вклад в ее становление и развитие, за что впоследствии был удостоен правительственных наград: орденов «Знак Почета», «Красного Знамени» (дважды), «Дружбы народов», ему первому было присвоено звание Народного писателя республики.

Хачим Теунов много лет отдал журналистике. Однако многолетняя работа в редакциях республиканских газет, частые поездки по районам республики, вдумчивое изучение реальной жизни рядовых граждан, близкое знакомство с людьми разных социальных слоев, нового социалистического образа жизни значительно обогатили молодого журналиста. Многочисленные зарисовки, корреспонденции, статьи и очерки, появившиеся на кабардинском и русском языках не только на страницах республиканских газет, но и в центральной печати (Теунов работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды» по Северному Кавказу, сотрудничал с газетами Адыгеи и Краснодарского края) наглядно свидетельствуют о глубоком знании им реальной действительности, остром интересе к истории, фольклору, литературе и искусству родного народа. К сожалению, публицистическая деятельность писателя до сих пор не стала предметом исследования, не изучен процесс развития его мировоззрения, постепенный переход к художественному осмыслению и освоению реальности. Между тем, подобная детальная разработка открыла бы новые грани таланта кабардинского писателя. В этом смысле наибольший интерес представляют художественные очерки, первые в национальной литературе, достаточно убедительно демонстрирующие процесс становления Теунова-художника слова.

О роли и значении этого жанра в раннем творчестве кабардинского писателя достаточно емко сказал известный русскоязычный абхазский писатель Георгий Гулия. По его словам, «в своих очерках Теунов предстает перед читателем как человек самобытной национальной культуры и как человек широкообразованный» [Гулия 1957].

Первыми произведениями нового жанра стали документальные очерки Хачима Теунова, изданные отдельными книгами на кабардинском языке под названием «Весна – пора цветения» (1972) и «Путь на Эльбрус» (1974).

Появлению очерков предшествовал интенсивный процесс личностной эволюции. Речь идет о его многочисленных дневниковых записях, которые были обнаружены после смерти писателя в личном архиве. В них преимущественно речь идет о виденном и слышанном, раскрываются мысли и чувства человека, обеспокоенного судьбой своего народа и чутко реагирующего на многие явления современной ему действительности. К сожалению, не найдено ни одного письменного свидетельства самого писателя относительно назначения этих дневниковых записей, но нет никакого сомнения в том, что они предназначались для крупного художественного произведения, посвященного периодам индустриализации и коллективизации в республике.

Архивные документы подтверждают, что во второй половине 30-х годов Теунов приступил к созданию крупного прозаического произведения, романа в двух частях под названием «Дружба счастливых» (1936–1937). Большая часть первой книги сохранилась в архиве писателя, но завершить ее не позволили начавшееся преследование КГБ, а затем арест и вынужденный выезд за пределы республики.

Однако творческую судьбу Хачима Теунова как художника слова определили не публицистика и даже не его замечательные очерки, а высокохудожественные произведения, которые явились значительным вкладом в национальную литературу. Живые полнокровные художественные образы, воссозданные в повестях и романах талантливого кабардинского писателя, воплощают лучшие черты и качества народа, его думы, надежды, мужественную борьбу за независимость и прочую человеческую жизнь.

Художническая индивидуальность определяется многими факторами: биографией, воспитанием, мировоззрением, силой и глубиной художественного таланта. Такой неповторимый идиостиль и верность излюбленной теме проявляет во всех своих произведениях кабардинский прозаик. В центре его внимания – человек из народа со своими думами, мечтами, мыслями, ростом самосознания, постоянной

борьбой за свою свободу и социальную справедливость. Авторский герой не овеян никакой романтикой, он всегда твердо и прочно стоит на земле, занимается вполне реальными делами; каждый герой Теунова воссоздан живо, с искренней симпатией и глубоким реализмом.

В своих произведениях писатель создал целую галерею неповторимых художественных образов, которые убедительно доносят до современного читателя тревоги, тяготы и наивные мечты дореволюционного горца, непростой процесс овладения научными знаниями, светлые порывы и надежды молодежи, пробужденные революцией, трудовой подвиг как непреходящий атрибут строительства новой социалистической жизни.

Первое из его прозаических произведений – давно ставшая хрестоматийной знаменитая повесть «Аслан», написанная еще в 1939 году, принесла его автору писательское имя и известность. Повесть раскрыла основные тенденции и внутреннюю идейно-нравственную основу творчества писателя. Образ Аслана дает представление о моральных приоритетах автора, которому особенно дороги в национальном характере своего народа человеческое достоинство, честь, добродушие, убежденность в том, что человек предназначен творить добро и созидать жизнь своим трудом и талантом. По мысли автора, когда человек осознает необходимость борьбы за свое достоинство – индивидуальное, личностное и национальное, – в нем просыпается мужество и решимость отстоять его даже ценою жизни.

В послевоенные годы такие искренние друзья кабардинского писателя, как Т. Керашев и С. Липкин, рано распознали его потенциальные возможности, настоятельно рекомендовали ему попробовать свои силы в крупном прозаическом жанре. Вскоре появились романы Хачима Теунова, и тогда оба писателя единодушно назвали его «рыцарем литературы».

Вершина художественного творчества Х. Теунова – роман «Род Шогемоковых» – выдающееся произведение, новое явление в национальной прозе. Как правильно отметил Георгий Гулия: «Неторопливый, обстоятельный рассказ, сочный язык, продуманный выбор средств художественного изображения – все это говорит о зрелости мастерства Хачима Теунова...» [Гулия 1957]. По праву «Род Шогемоковых» является художественной энциклопедией жизни черкесов начала XX века.

Критиками и коллегами написано много статей, подробному анализу подверглись почти все его художественные произведения, хотя, к сожалению, никто из литературоведов пока не посвятил творчеству Теунова отдельную монографию. Один из известных советских писателей С. А. Баруздин писал: «Хачим Теунов – один из видных кабардинских прозаиков и литературоведов. В свое время я читал его отличную повесть «Аслан». Потом – сборник рассказов Х Теунова «Новый поток» и «Свет с Севера». Очень интересной является и книга Теунова – литературоведа «Литература и писатели Кабарды», в которой особенно запомнились отличные исследования, а точнее говоря литературные портреты Шоры Ногмова, Пачева, Али Шогенцукова, Алима Кешокова. ...»

Не скрою, поэтому я с большим интересом взял в руки роман Хачима Теунова «Подари красоту души» (в переводе Н. Асланова). Это новый вклад писателя в кабардинскую литературу. Со многими характерами, выведенными в нем, мы встречаемся впервые. Книга эта свидетельствует о возросшем мастерстве талантливого писателя» [Баруздин 1966].

Значительное место в творчестве писателя занимают драматургические произведения. Одним из наиболее резонансных стала пьеса «Испытание». По мнению известного писателя М.М. Киреева, «пьеса «Испытание» общественно значима, насыщена благородными чувствами...» [Киреев 1946]. Другая рецензия на пьесу принадлежит известному русскому советскому писателю Ю. Либединскому: «Большим событием в жизни кабардинского искусства является новая пьеса Хачима Теунова «Испытание», в которой изображена кабардинская деревня во время

Великой Отечественной войны. Х. Теунов в этой пьесе вывел реальные характеры, со своей собственной речью и своей, вытекающей из характеров, логикой поступков. Особенно хорош старик Жамбот... Пьеса Х. Теунова несомненно имеет большое значение для развития кабардинской литературы. В ней впервые люди колхозной Кабарды заговорили богатым и сочным языком, впервые обозначились в кабардинской литературе реальные характеры современной Кабарды» [Либединский 1946].

Один из представителей адыгской интеллигенции первого поколения, Хачим Теунов вынужден был заниматься критикой и литературоведением, и национальной драматургией, и адыгским фольклором, и переводческой деятельностью. Глубокая эрудиция, трудолюбие, широкие познания в родной, русской и мировой литературе позволили ему сразу же в послевоенные годы подготовить к печати и издать интересную и своеобразную книгу «Литература и писатели Кабарды». Она выходила много раз на кабардинском и русском языках, печаталась как в Нальчике, так и в Москве, из-за отсутствия каких-либо критических работ она сразу же стала настольной книгой как для учащихся, так и учителей национальных школ и студентов высших учебных заведений нашей республики. Она и сейчас не потеряла своего значения, ею широко пользуются все, кто интересуется историей родной литературы, творчеством ее первых талантливых поэтов.

Особое место в этой книге занимают художественные очерки, посвященные основоположникам национальной литературы. В свое время критики обратили внимание на своеобразие и значимость этих литературных портретов.

Значительным событием национальной культуры явились первые документальные фильмы «Советская Кабарда» (1951, Ленфильм), «Наша Кабардино-Балкария» (1957, Мосфильм), которые были сняты по сценариям Хачима Теунова.

Сразу же после Отечественной войны Хачим Теунов повел серьезную борьбу за реабилитацию классика кабардинской литературы Али Шогенцукова, объявленного врагом народа. Архивные документы свидетельствуют, что он первым поднял этот сложный вопрос, несмотря на противодействие представителей власти, последовательно, твердо отстаивал свои позиции, пока вопрос не был решен положительно: выхлопотал вдове и детям трагически погибшего поэта пенсию, материально помогал им. Х. Теунов одним из первых подготовил биографический очерк о поэте, а в послевоенные годы издал однотомник избранных произведений Али Шогенцукова, который позже многократно переиздавался. Ираклий Андроников писал о книге Х. Теунова «Литература и писатели Кабарды»: «Мы находим здесь и обстоятельный обзор путей развития кабардинской литературы с древнейших времен до наших дней, и живописные портреты выдающихся писателей Кабарды, и анализ творчества ее крупнейшего современного поэта *Али Шогенцукова*. (Курсив наш – *А. Хакуашев, М. Хакуашева*)» [Андроников 1956].

Хачим Теунов обладал незаурядным педагогическим даром: он был превосходным учителем, внимательным воспитателем и чутким наставником; среди кабардинских поэтов и писателей, пришедших в национальную литературу в послевоенные годы, нет, пожалуй, ни одного человека, которому бы он не помог своими мудрыми советами, а при необходимости поддерживал материально. Замечательной инициативой Х. Теунова явился республиканский литературный конкурс, организованный в тяжелые военные годы (сумма премии составляла 100.000 рублей); для участия в нем были приглашены даже поэты-фронтовики.

Для кабардинской литературы, потерявшей более половины творческих работников из-за развернувшихся в стране сталинских репрессии и начавшейся войны, судьбоносным оказалось назначение Х. Теунова председателем правления Союза писателей республики. В эти трудные для страны годы он продолжал выявлять творческую молодежь, подающую надежды, устраивал молодых авторов в учебные заведения, просматривал и рецензировал рукописи, организовывал

учебу при Союзе писателей, способствовал публикации произведений молодых авторов, оказывал под разными предлогами материальную поддержку студентам, в которых видел будущих авторов художественных произведений и исследователей. До конца жизни он считал своей обязанностью покровительствовать молодым литераторам, людям искусства.

В архиве писателя сохранилось громадное количество записей и рецензий, в которых приводятся его замечания к каждому произведению, иногда встречаются пересказы содержания некоторых из них. Эти тексты сохранили неизвестные имена многих молодых писателей, а также произведения представителей старшего поколения, которые в свое время не были опубликованы.

Многoletняя работа с рукописями, написанными от руки, привели к ухудшению зрения писателя, и Теунов вынужден был оставить свою работу в 1951 году. Хачим Исхакович до конца жизни делал все возможное для успешного развития и процветания национальной литературы.

Список источников

- Андроников 1956 – *Андроников И.Л.* Журнал «Новый мир». 1956, № 10.
Баруздин 1966 – *Баруздин С.А. Ж.* «Дон». 1966, № 8.
Гулия 1957 – *Гулия Г.Д.* Литературная газета. 25.06.1957.
Киреев 1946 – *Киреев М.М.* Газета «Кабардинская правда». 24 июня 1946.
Либединский 1946 – *Либединский Ю.Н.* Газета «Литературная газета». 3 сентября 1946.
Теунов 2021 – Теунов Х.И. Тайны рыцаря литературы. Нальчик, 2021.

References

- ANDRONIKOV I.L. Magazine «New World». 1956, № 10.
BARUZDIN S.A. Zh. «Don». 1966, № 8.
GULIA G.D. Literary newspaper 25.06.1957.
KIREEV M.M. Newspaper «Kabardinskaya Pravda». June 24, 1946.
LIBEDINSKY Yu.N. Newspaper «Literary newspaper». September 3, 1946.
TEUNOV H. And.. Secrets of the knight of literature. Nalchik, 2021.

Информация об авторе

А.Х. Хакуашев – доктор филологических наук, профессор;
М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской филологии.

Information about the authors

A.Kh. Hakuashev – Doctor of Philology, Professor;
M.A. Hakuasheva – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardian Philology Sector.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000-40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой.* М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of treatment 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinjata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment 12.12.2015). (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
13,47

Формат 70x108 ¹/₁₆
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 289

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*